

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЗАМЯТИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ВВОДНЫХ СЛОВ
В КОНСТРУКЦИЯХ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Ярыгина Елена Сергеевна

Москва – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОНСТРУКЦИИ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ (НЕСОБСТВЕННО-ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ) КАК ОСОБЫЙ ТИП ПРИЧИННЫХ КОНСТРУКЦИЙ	13
1.1. Основные признаки конструкций вывода-обоснования	13
1.2. Трудности разграничения собственно-причинных и несобственно-причинных предложений. Пограничные явления.....	20
1.3. Сложноподчинённые предложения как средство реализации причинно-аргументирующих отношений.	32
Союзы в несобственно-причинных сложных предложениях	32
1.3.1. Союз «судя по тому ..., что».....	42
1.3.2. Центральные причинные союзы: «потому ..., что», «оттого ..., что», «поскольку», «так как»	46
1.3.3. Другие причинные союзы	63
1.3.4. Союзы, выражающие значение мнимой причины: «под тем предлогом что», «под предлогом того что», «под видом того что» .	81
1.3.5. Показатели, не вполне выражающие причинность: «тем более что», «тем паче что», «ибо», «раз», «ведь»	85
1.4. Выводы по первой главе.....	106
ГЛАВА 2. ВВОДНЫЕ СЛОВА. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВВОДНЫХ СЛОВ В РАМКАХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	110
2.1. История изучения вводных слов	110
2.2. Вводные слова и вводные предложения: границы явления.....	119
2.3. Происхождение вводных слов. Генетическая классификация вводных слов	122

2.4. Семантика вводных слов. Функционально-семантическая классификация вводных слов	145
2.5. Вводные слова как средство выражения субъективной модальности	154
2.6. Характер связи вводного слова и предложения.....	171
2.7. Выводы по второй главе	178
ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВВОДНЫХ СЛОВ И СОЮЗОВ В КОНСТРУКЦИЯХ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ	182
3.1. Вводные слова со значением достоверности-недостоверности в конструкциях вывода-обоснования	182
3.1.1. Взаимодействие вводного слова со значением достоверности-недостоверности в выводе и обоснования	188
3.2. Вводные слова с субъективно-модальным значением эвиденциальности в конструкциях вывода-обоснования.....	198
3.3. Вводные слова со значением логической модальности, обычности, эмоциональной оценки, контактоустанавливающие, субъективной оценки меры и степени в конструкциях вывода-обоснования	206
3.4. Особенности семантического взаимодействия вводных слов и отдельных союзов в составе вводно-союзной скрепы	216
3.5. Выводы по третьей главе.....	240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	252

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию функционирования вводных слов и союзов в конструкциях вывода-обоснования и их семантико-синтаксическому взаимодействию.

Актуальность проблемы. Конструкции вывода-обоснования (другие термины – несобственно-причинные предложения, конструкции с причинно-аргументирующими отношениями) привлекали внимание лингвистов, начиная с А. М. Пешковского. Исследователей (в числе которых В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, А. Ф. Михеев, Р. М. Термова, Л. Л. Бабалова) интересовало внешнее сходство данных конструкций со сложноподчинёнными предложениями с причинным значением и, вместе с тем, глубинные различия, касающиеся семантики: между денотатами предикативных частей, соединённых причинным союзом, отсутствует объективная причинно-следственная связь. Такая связь устанавливается только между модусами предикативных частей: главная часть (*вывод*) является субъективным выводом, сделанным на основе сведений, изложенных в придаточной части (*обосновании*). Ср.: *Лужи замёрзли, потому что ночью был мороз* (собственно-причинное предложение) – *Ночью был мороз, потому что лужи замёрзли* (несобственно-причинное предложение, или конструкция вывода-обоснования).

Несмотря на то, что основные семантические и синтаксические признаки конструкций вывода-обоснования подробно рассмотрены в работах Е. С. Ярыгиной, детального изучения особенностей функционирования различных союзов в рамках данных конструкций, а также таких элементов, как вводные слова, и их взаимодействия с подчинительными союзами, ещё не проводилось. Данная работа ставит целью восполнить этот пробел.

Также в процессе исследования взаимодействия вводных слов и союзов была уточнена терминология, расширен круг союзных средств, способных функционировать в конструкциях вывода-обоснования, и выявлены новые факторы формирования конструкций вывода-обоснования.

Объектом настоящего исследования являются синтаксические конструкции с семантикой вывода-обоснования.

Предмет исследования – функционирование и семантико-синтаксическое взаимодействие вводных слов и союзов в данном типе конструкций.

Наша **гипотеза** состоит в том, что в рамках конструкции вывода-обоснования, реализованной в форме сложноподчинённого предложения, возникают особые отношения между вводным словом и подчинительным союзом; они формируют вводно-союзную скрепу, состоящую из парентетического и союзного компонента, семантически связанных друг с другом. Парентетический компонент вводно-союзной скрепы представляет собой эксплицированный модус мнения главной части, в то время как союз присоединяет придаточную часть, в которой описывается причина возникновения данного мнения. Во многом специфика связи главной и придаточной части в конструкции вывода-обоснования обусловлена именно этим обстоятельством.

Цель работы. Цель работы – рассмотреть функции вводных слов и подчинительных союзов в конструкциях вывода-обоснования и проанализировать особенности их семантико-синтаксического взаимодействия.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать особенности несобственно-причинных предложений (конструкций вывода-обоснования) и их отличия от собственно-причинных предложений;

2) провести анализ экстралингвистических факторов формирования конструкций вывода-обоснования;

3) рассмотреть особенности функционирования различных союзов в несобственно-причинных сложноподчинённых предложениях;

4) рассмотреть семантику и особенности синтаксической роли вводных слов в причинных предложениях;

5) проанализировать происхождение вводных слов и создать на этой основе рабочую классификацию (генетическую классификацию) с целью выявления влияния происхождения вводного слова на особенности его функционирования в рамках предложения;

6) рассмотреть и сравнить различные семантические классификации вводных слов, а также выявить наиболее подходящую для дальнейшего использования в рамках данной работы;

7) проанализировать специфику связи вводного слова с предложением или предикативной частью предложения, средства формирования этой связи;

8) проанализировать синтаксическое и семантическое взаимодействие вводных слов и союзов в конструкциях вывода-обоснования, факторы формирования вводно-союзной скрепы; установить связи между семантикой вводного слова и союза в составе вводно-союзной скрепы.

Достоверность полученных результатов подтверждена анализом примеров из текстов различных стилей и времени создания, источником которых послужил Национальный корпус русского языка. Общее количество примеров, проанализированных при написании работы, около 4000, в рамках работы использовано около 500.

В ходе исследования применялись следующие **методы**: метод сплошной выборки, описательный метод, этимологический метод, стилистический метод, структурный метод, статистический метод, методы компонентного, контекстуального, сопоставительного анализа.

Теоретическую базу исследования составили научные работы отечественных и зарубежных учёных. Изучение вопросов, касающихся вводных слов и других вводных единиц, проводилось на основании трудов А. И. Аникина, В. В. Антоновой, В. А. Богородицкого, Ф. И. Буслаева, В. В. Виноградова, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, М. Ю. Григоренко, Я. К. Грота, С. М. Кузнецовой, Т. И. Муковозовой, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, О. А. Остроумовой, О. Д. Фрамполь, Е. А. Пантелеевой, А. М. Пешковского, А. А. Потební, Н. В. Рачук и др. При рассмотрении модальности как таковой и субъективной модальности в частности мы опирались на работы Н. Д. Арутюновой, Ш. Балли, В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой, П. А. Леканта, Е. Н. Ореховой. Анализ стилистических и текстовых аспектов конструкций вывода-обоснования осуществлялся с опорой на исследования М. М. Бахтина, И. Р. Гальперина, А. И. Горшкова, Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, В. А. Звегинцева, О. Л. Каменской, В. Г. Костомарова, Е. В. Падучевой, В. З. Панфилова. Особенности синтаксического строения и семантики несобственно-причинных конструкций (конструкций вывода-обоснования) рассматривались на основе трудов Л. Н. Иорданской, И. А. Мельчука, А. К. Руденко, Е. В. Урысон, Е. С. Ярыгиной.

Научная новизна работы. В исследовании рассматривается ряд аспектов конструкций вывода-обоснования, не получавших освещения в работах лингвистов:

- экстралингвистические факторы формирования конструкций вывода-обоснования;

- явления, смежные с конструкциями вывода-обоснования: конструкции вывода-субъективного обоснования, конструкции с отношениями мнимой причинности, «сумеречная зона» на границе собственно-причинных и несобственно-причинных предложений;

- особенности функционирования различных союзов в конструкциях вывода-обоснования и их взаимодействие с различными семантическими типами вывода и обоснования;

- особенности функционирования вводных слов в конструкциях вывода-обоснования, их семантико-синтаксическое взаимодействие с союзами и особенности данного взаимодействия в зависимости от семантики и происхождения вводного слова.

Также была уточнена и доработана терминологическая база исследования: введены такие термины, как «сумеречная зона», «вводно-союзная скрепа», «конструкции вывода-субъективного обоснования». Была создана генетическая классификация вводных слов и дополнена модально-семантическая классификация Е. Н. Ореховой.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты исследования, его методология вносят вклад в теорию синтаксиса сложного предложения, в частности, системы сложноподчинённых предложений со значением причинности, и функционирования вводных элементов в рамках сложного предложения.

Практическая значимость. Результаты данной работы могут представлять интерес для исследователей в таких областях, как лингвокультурология, психолингвистика и когнитивная лингвистика. Собранный в ходе эксперимента языковой материал (в работе представлено более 500 единиц) может послужить эмпирической базой для дальнейших лингвистических исследований. Полученные результаты могут использоваться в учебном процессе при подготовке

лекций по синтаксису сложного предложения, а также по морфологии союзов и модальных слов.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Главный критерий различения собственно-причинных и несобственно-причинных предложений – семантический: маркированность главной предикативной части как мнения. Как следствие, граница между двумя типами причинных предложений не является чёткой, поскольку восприятие содержания главной части как объективного факта или как мнения во многом зависит от пресуппозиций адресата и коммуникативного намерения адресанта. Существует обширная «сумеречная зона» – зона промежуточных случаев. Таким образом, одним из средств формирования конструкций вывода-обоснования могут стать экстралингвистические факторы.

2. Практически все причинные союзы русского языка могут функционировать как в несобственно-причинных, так и в собственно-причинных предложениях. Исключение составляют:

1) союзы *под тем предлогом что, под видом того что, под предлогом того что*, эксплицирующие субъективную модальность мнимости. Это заставляет нас выделить особый тип причинных конструкций – конструкции с отношениями мнимой причинности. В придаточной части данного типа предложений сообщается о мнимой, хоть и декларируемой причине того, что говорится в главной;

2) союз *судя по тому что*, который является специализированным средством выражения несобственно-причинных отношений;

3) особняком стоят сложные предложения с союзами *благо, тем более ..., что, тем паче ..., что*. Они формируют особую подгруппу среди собственно-причинных и несобственно-причинных конструкций: конструкции с комментарием-причиной и комментарием-обоснованием соответственно. Эти союзы маркируют статус обоснования (или

причины) как дополнительного и в принципе необязательного комментария. В конструкциях вывода-обоснования подобная семантика затемняет и ослабляет семантику причинно-аргументирующих отношений «от вывода – к обоснованию», приближая конструкцию к зоне промежуточных случаев.

Также сюда можно отнести союзы *благодаря тому что, в результате того что, через то что, по причине того что, на основании того что, ради того что*: они способны соединять предикативные части несобственно-причинных предложений, однако такие примеры немногочисленны, и маркированы как конструкция вывода-обоснования с помощью экстралингвистических факторов.

Расчленённость союза запятой не оказывает значительного влияния на его способность функционировать в несобственно-причинном предложении.

3. Конструкции с обоснованием в препозиции и выводом в постпозиции («обоснования-вывода») по семантике не отличаются от конструкций вывода-обоснования с выводом в препозиции и обоснованием в постпозиции. Инверсированная структура позволяет поставить аргументацию, т. е. обоснование, в позицию начала предложения, придав предложению более экспрессивное, полемичное звучание.

4. Вводные слова восходят к синтаксическим единицам: односоставным предложениям, обособленным оборотам, обособленным обстоятельствам или сокращённым, урезанным вариантам вышперечисленных единиц. Большинство вводных слов сохраняет живые связи с единицами, от которых произошло, и частично – их свойства. С точки зрения происхождения, вводные слова и сочетания слов можно разделить на четыре большие группы:

1) собственно вводные слова – потерявшие связь с исходными единицами;

2) квазипредикативные вводные слова – восходящие к односоставным предложениям;

3) непредикативные вводные слова – восходящие к обособленным оборотам, и те единицы, которые невозможно возвести к обособленным оборотам и предложениям;

4) вводные слова, восходящие к междометиям.

5. Несмотря на обособленную позицию, вводное слово связано с одной или несколькими предикативными частями предложения особой связью, которую мы назвали **модально-парентетической**. В основе модально-парентетической связи лежит способность вводного слова маркировать предикативную часть или несколько предикативных частей определённым субъективно-модальным значением. Эта связь не имеет формального выражения и базируется на семантике. Как следствие, нередко возникают ситуации, когда определить, к какой именно предикативной части (частям) относится вводное слово, затруднительно.

6. Наличие в главной части предложения вводного слова с субъективно-модальным значением предположения, уверенности, мнимости, эвиденциальности, выражающего логическую модальность вывода или реляционного вводного слова, а также вводного слова со значением субъективной оценки меры и степени способно маркировать предикативную часть как мнение, образуя вводно-союзную скрепу с союзом и служа одним из средств формирования конструкции вывода-обоснования.

7. Вводные слова с указанным значением могут присутствовать и в собственно-причинных предложениях. В таком случае они маркируют модус мнения придаточной части, даже если расположены в главной, либо модус мнения и главной, и придаточной части.

8. Вводные слова указанных значений и союзы способны функционировать в любых комбинациях.

9. Вводные слова, выражающие субъективно-модальные значения эмоциональной оценки и контактоустанавливающее значение, а также логические субъективно-модальные значения, за исключением вводных слов, маркирующих вывод, и реляционных вводных слов, – также способны присутствовать в несобственно-причинных предложениях, как в выводе, так и в обосновании. Однако они никак не связаны с формированием или особенностями причинно-аргументирующих отношений.

10. Вводные слова со значением допущения, догадки, сомнения, обычности не способны функционировать в конструкциях вывода-обоснования, поскольку маркируют модус, значение которого не совместимо со значением несобственно-причинных конструкций.

Основные положения научного исследования в виде тезисов докладов и статей были представлены на международных научно-практических конференциях (Москва, 2018, 2014) и нашли отражение в 5 публикациях, три из которых изданы в сборниках, рекомендованных ВАК РФ.

Структура научной квалификационной работы отражает основные этапы предпринятого исследования и состоит из введения, трех глав, выводов по главам, заключения, библиографического списка основных источников.

ГЛАВА 1. КОНСТРУКЦИИ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ (НЕСОБСТВЕННО-ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ) КАК ОСОБЫЙ ТИП ПРИЧИННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

1.1. Основные признаки конструкций вывода-обоснования

Термин «конструкции вывода-обоснования» (далее КВО) был введён Е. С. Ярыгиной в 2002 году [Ярыгина, 2002]. Впоследствии, в работе 2018 года, лингвист вернулась к терминам, использовавшимся в Русской грамматике 1980 года (далее – РГ-80), – «несобственно-причинные конструкции» (противопоставлены «собственно-причинным») и «причинно-аргументирующие отношения» [Ярыгина, 2018].

Мы, в свою очередь, не будем ограничивать себя одним из этих наименований; мы будем использовать термин «несобственно-причинные конструкции» как синоним термина «конструкции вывода-обоснования», в том числе и при противопоставлении собственно-причинным конструкциям (предложениям). Отношения в них мы будем характеризовать как «причинно-аргументирующие».

Итак, конструкции вывода-обоснования, или несобственно-причинные конструкции, представляют собой «соединение двух или более предикативных частей (или предикативных единиц) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов, в которых проявляется особая речевая тактика говорящего: от вывода – к обоснованию» [Ярыгина, 2002, с. 9]. Иными словами, КВО по семантике и форме выражения – частный случай конструкций с причинным значением и долгое время не выделялись как отдельный вид. Тем не менее, начиная с А. М. Пешковского, лингвисты, в частности, В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, А. Ф. Михеев, Р. М. Теремова, Л. Л.

Бабалова и другие, стали отмечать особенности предложений вроде *Ночью был мороз, потому что лужи замёрзли*. Основные признаки КВО следующие [Ярыгина, 2002, с. 144–147]:

1. Особая интонация – «предупредительно-пояснительная», по словам А. М. Пешковского, которая характеризуется ускоренным темпом речи, резким понижением тона на одном из слов, после чего выдерживается небольшая пауза [Пешковский, 1922]. Как можно заметить, подобной интонацией оформляется именно вывод, а после паузы следует обоснование.

2. Нерасчленённость союза, то есть невозможность разделить его запятой.

3. Наличие вводных слов. На этом, очень важном, признаке мы остановимся позже. Тем не менее, в приведённом примере нет вводного слова; это частотный, но не обязательный признак.

4. Возможность постановки вопроса с глаголом *думать* (или *считать*) к придаточной части: *Почему ты думаешь, что ночью был мороз? – Потому что лужи замёрзли*. При этом невозможность представить предложение в виде пары вопрос-ответ без глагола *думать*: **Почему ночью был мороз? – Потому что лужи замёрзли*.

5. Особые отношения аргументирующих придаточных с категорией времени. В целом, несобственно-причинные конструкции характеризуются большим количеством сочетаний временных форм, которые возможно в них употреблять, чем собственно-причинные. В собственно-причинных компонент «причина» всегда должен предшествовать во времени компоненту «следствие» и, таким образом, должен быть либо в прошедшем времени (тогда «следствие» может относиться как к прошедшему, так и настоящему или будущему), либо в настоящем (тогда «следствие» – в будущем времени).

В случае конструкций вывода-обоснования иная картина: компонент «вывод» может быть в любом времени; обоснование, т. е. аргументирующий компонент, может быть в прошедшем (в случае перцептивного модуса – прошедшем перфективном) или настоящем времени; в будущем – редко и только при общих суждениях. Например: *«Мне, наверное, придётся молчать, потому что ну что я скажу? Они это делают не впервые... Хорошо, я буду молчать. Я погляжу на них, как они это делают»* [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)].

6. Невозможность замены придаточного синонимическим детерминантом при отсутствии ментального или речевого глагола: **Ночью был мороз из-за замерзания луж, но Я думаю, ночью был мороз из-за замерзания луж.*

7. Отсутствие таксисной зависимости между частями сложного предложения. А именно, между главным (выводом) и придаточным (обоснованием) отсутствует временная связь, ср.: *«В доме погас свет, потому что перегорели пробки».* – *«Ночью был мороз, потому что лужи во дворе замёрзли»* (оба примера взяты из [Ярыгина, 2018]). В первом предложении причина по времени предшествует следствию, во втором предложении вывод («ночью был мороз») делается уже после того, как говорящий воспринял информацию об окружающем мире («лужи во дворе замёрзли»).

8. Возможность соединения двух регистров в рамках такой конструкции. Данный признак заставляет обратиться к трудам Г. А. Золотовой и Н. К. Онипенко, выделявших пять коммуникативных регистров, которые были определены как «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая определенным репертуаром языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста.

Коммуникативный регистр в условиях текста является средством обнаружения синтаксической композиции» [Онипенко, 2001]: репродуктивный (изобразительный), информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный [Золотова, 2004]. Как правило, в рамках конструкции вывода-обоснования соединяются либо подтипы информативного регистра (информативно-описательный и информативно-повествовательный), либо волюнтивный и информативный регистры.

9. Невозможность замены главного предложения пропозициональным местоимением «это»: * *Ночью был мороз. Это потому что лужи замёрзли.*

Как можно заметить, большинство этих признаков помогает (в некоторых случаях) определить, какая конструкция перед нами – собственно-причинная или несобственно-причинная, но не даёт ключа к сути и семантике несобственно-причинных конструкций. Исключение – п. 7 и 8 (и отчасти п. 3, однако о нём позже): отсутствие временной связи между выводом и обоснованием и возможность «переключения» регистров в рамках одного предложения. Е. С. Ярыгина сформулировала причину этого, которую можно считать 10-м признаком:

10. В конструкциях с причинно-аргументирующими отношениями данные отношения устанавливаются не между диктумами частей (как в собственно-причинных конструкциях), а между их модусами, т. е. причина, по сути, – субъективное предположение с различной долей уверенности. Все остальные особенности конструкций вывода-обоснования являются следствием этого.

Исследователь предлагает семантическую классификацию конструкций вывода-обоснования на основе конкретной семантики модуса каждого из компонентов конструкций вывода-обоснования

[Ярыгина, 2002, с. 158–160; Ярыгина, 2018, с. 101–103]. Компонент «вывод» может принадлежать к одному из следующих трёх типов:

- 1) мнение;
- 2) побуждение;
- 3) оценка (отличается от мнения оценкой чего-либо по шкале «хорошо – плохо»).

В то время как компонент «обоснование», с точки зрения типа модуса, также может принадлежать к одному из трёх типов:

- 1) перцептивное;
- 2) частно-информативное;
- 3) обще-информативное.

Перцептивное обоснование, если опираться на классификацию Н. Д. Арутюновой, соответствует перцептивному модусу, а частно-информативное и обще-информативное – ментальному [Арутюнова, 1988]. Частно-информативное и обще-информативное обоснования различаются тем, что первое выражает частное, личное знание (частное суждение), а второе – всеобщее знание (общее суждение).

Всего получается 9 (3×3) типов [Ярыгина, 2002; Ярыгина, 2018]:

1. Вывод-мнение и перцептивное обоснование: *«Змееныш весьма сомневался, что евнух — письмоводитель, да еще и скромный; видимо, сановник разделял эти сомнения, потому что нетерпеливо всплеснул лапками — к делу, любезнейший!»* (Г. Л. Олди).

2. Вывод-мнение и частно-информативное обоснование: *«Нет, Ифит — не борец. И не воин-щитносец — потому что тот же Кастор всегда держится на расстоянии копейного удара, четырех-пяти локтей от собеседника, стараясь иметь запас пустого пространства (не такого, как любит его брат Полидевк, кулачный боец, а раза в полтора больше), и Автолик не раз замечал, что при разговоре с Кастором теснит последнего к ближайшей стене,*

машинально стараясь подойти поближе – что, в свою очередь, заставляло Кастора делать шаг назад» (Г. Л. Олди).

3. Вывод-мнение и обще-информативное обоснование: *«Программная оболочка может быть от разных разработчиков, но в любом случае она полностью согласовывается с железнодорожниками, поскольку информация о состоянии и местоположении грузов требует повышенной степени защиты. К сожалению, на процесс перевозки при этом повлиять не удастся, поскольку управление движением всё равно остаётся в руках диспетчеров железной дороги» [Владислав Кулаков. Из конца в конец // «Computerworld», 2004].*

4. Вывод-побуждение и перцептивное обоснование. Такие конструкции довольно редкие: *«Ой, токо вот не надо так пучить глаза и надувать щеки, – фыркнул Айзек. – На брахмийскую лягушку ви все равно не похожи» (О. М. Громько).*

5. Вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: *«Только будь милостив, Микита Иванович, пошли-кась ты Василья-то за пол-осьмухой, потому как нам дело до тебя есть, так угостить, поди, тоже потребуется» [А. И. Левитов. Расправа (1862)].*

6. Вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: *«На время операции он станет вашими мозгами, а вы должны стать для него лишней четверкой рук и глаз. Попробуйте сделать это сейчас, пока вам угрожает лишь струя воды, потому что, – голос Роджера упал до зловещего, на диво убедительного шепота, – киборгу на вашу уникальность будет плевать» (О. М. Громько).*

7. Вывод-оценка и перцептивное обоснование: *«Я, наверное, выглядел чудовищно, потому что тиран Щекотуров послушно встал, прижался к какой-то тумбочке и в знак примирения протянул мне недавно выломанный из игрушечного автомобиля*

выключатель» [Валерий Панюшкин. За Виню (1997) // «Столица», 1997.02.17].

8. Вывод-оценка и частно-информативное обоснование: *«К слову, в одном бараке с нами, в соседних камерах сидели еще трое: банкир, который расчленил свою жену, за то что она ему изменила, бандюган-беспредельщик, зарезавший ножом двенадцать человек в баре, и тибетский лама – со слов начальника тюрьмы, наиболее опасный из всех, потому как «умел превращаться в зверей»* [Алексей Шлыков. Поймать Аполлона // «Русский репортер», 2014].

9. Вывод-оценка и обще-информативное обоснование: *«Было еще совестно, чувствовала вину, а это уже неестественно, потому как к **Викиной жизненной трагедии Катя никакого отношения не имела»*** [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Как можно увидеть по приведённым выше примерам, формально конструкции с причинно-аргументирующими отношениями могут быть реализованы в речи, устной или письменной, несколькими способами:

- 1) в рамках бессоюзного сложного предложения;
- 2) в рамках сложноподчинённого предложения;
- 3) с помощью последовательности предложений, простых или сложных, которые могут быть расположены как контактно, так и дистантно (но не слишком далеко друг от друга);

4) близкой семантикой обладают предложения, содержащие оборот с предлогом *судя по*, например: *«Судя по количеству участников и оживлённой дискуссии между ними, выбор оказался правильным»* [Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld», 2004] [Ярыгина, 2002; Ярыгина, 2018].

Грань между собственно-причинными и несобственно-причинными конструкциями не является непроницаемой: существует ряд переходных случаев, которые мы назовём «сумеречной зоной». Рассмотрим

подробнее дифференцирующие признаки собственно-причинных и несобственно-причинных предложений и причину, по которой они не всегда позволяют различить два типа конструкций.

1.2. Трудности разграничения собственно-причинных и несобственно-причинных предложений. Пограничные явления

Конструкции вывода-обоснования обладают текстовой сущностью и могут быть названы **речевой тактикой** [Ярыгина, 2002; Ярыгина, 2018]; исследователь отмечает, что «...»прочитывание» синтаксической структуры СПП как КВО зависит от маркированного модуса мнения в главном предложении, поскольку представленное в компоненте вывод мнение предполагает интерпретацию последующей предикативной части СПП как обоснования» [Ярыгина, 2002, с. 229–230]. Не значит ли это, что само разграничение собственно-причинных и несобственно-причинных предложений во многом базируется на семантике, на том, какой смысл в них вкладывал говорящий, а не на каких-либо формальных признаках? Рассмотрим данный вопрос ниже.

Формальными признаками мы назовём те признаки, которые позволяют дифференцировать конструкцию как несобственно-причинную, исходя из наличия или отсутствия в её составе компонентов с определёнными морфологическими или синтаксическими признаками, либо возможности или невозможности преобразовать конструкцию определённым образом. Всего таких признаков восемь (список приведён на основании [Ярыгина, 2002]):

1. Нерасчленённость союза запятой.
2. Наличие вводных слов.
3. Возможность постановки вопроса с глаголом *думать* (или *считать*) к придаточной части, и при этом невозможность представить предложение в виде пары вопрос – ответ без глагола *думать*.

4. Временная отнесённость придаточного предложения.
5. Невозможность замены придаточного синонимическим детерминантом при отсутствии ментального или речевого глагола.
6. Факт, приведённый в выводе, по времени может предшествовать факту, приведённому в обосновании.
7. Фиксированный порядок частей: вывод в препозиции, обоснование в постпозиции.
8. Невозможность замены главного предложения пропозициональным местоимением «это».

Ни один из этих признаков не является абсолютно надёжным, то есть не позволяет дифференцировать несобственно-причинное и собственно-причинное предложение в ста процентах случаев. Например, наличие вводных слов может маркировать конструкцию как несобственно-причинную, однако подобную роль могут выполнять далеко не все вводные слова, равно как и не все несобственно-причинные предложения имеют в своём составе вводное слово (подробнее данный аспект мы рассмотрим в главе 3). Расчленённость/нерасчленённость союза запятой имеет значение только в случае составного союза (в основном это касается союзов *потому что* и *оттого что*), но в случае простого союза, например, *ведь*, этот признак по понятным причинам невозможно рассматривать.

Признаки 3, 5 и 8 – самые надёжные, однако даже они не всегда позволяют разграничить собственно-причинную и несобственно-причинную конструкцию. Возьмём пример несобственно-причинной конструкции, который привела сама Е. С. Ярыгина [Ярыгина, 2018, с. 102]: *«Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или телесное пятнышко,*

тогда беда!» (Н. В. Гоголь). Это предложение с выводом-мнением и обще-информативным обоснованием. Тем не менее все три формальных признака, указанных выше, не позволяют идентифицировать его как несобственно-причинное.

1. **Третий признак:** возможность постановки вопроса с глаголом *думать* (или *считать*) к придаточной части, и при этом невозможность представить предложение в виде пары вопрос – ответ без глагола *думать*. Постановка вопроса с глаголом *думать* возможна, но вместе с тем возможна и постановка вопроса без глагола *думать*: ***Почему избранный нами герой не понравится дамам? – Потому что дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство.***

2. **Пятый признак:** невозможность замены придаточного синонимическим детерминантом при отсутствии ментального или речевого глагола. В данном примере подобная замена возможна: ***Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, из-за требования дамами того, чтобы герой был решительное совершенство.***

3. **Восьмой признак:** невозможность замены главного предложения пропозициональным местоимением «это». Опять же, указанная замена возможна: ***Дамам он не понравится. Это из-за того, что дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство.***

Анализ примеров позволил выявить, что указанный случай не единичный: подавляющее большинство формальных признаков надёжны как средство дифференциации собственно-причинных и несобственно-причинных предложений лишь в случае конструкций с перцептивным обоснованием. Иначе на первый план выходит семантика.

Можно назвать два **семантических** признака конструкций вывода-обоснования:

1. Соединение двух коммуникативных регистров в рамках такой конструкции.

2. Маркированность компонента вывод как мнения (модусная рамка «я думаю, что...», представленная имплицитно или эксплицитно), побуждения или оценки.

В отличие от формальных признаков семантические позволяют различить несобственно-причинную и собственно-причинную конструкцию в ста процентах случаев, поскольку являются сущностными признаками конструкций вывода-обоснования.

Наличие модусной рамки, как правило, проявляется в использовании определённой лексики или глагольных форм. Выделяются следующие средства маркирования модуса мнения, побуждения и оценки (выделенные лингвистом средства частично пересекаются с формальными признаками, перечисленными выше) [Ярыгина, 2018]:

1. Средства маркирования вывода-мнения:

- оценочные предикаты (*повезло, неправильно, излишне* и др.): «Её все звали Оля Головкина, и это было неправильно, потому что она носила древнюю русскую фамилию, славную ещё Петром Первым и сенатором Головкиным» [Б. А. Пильняк. Простые рассказы (1923)];

- модальные модификации исходной синтаксической структуры (наличие таких модальных модификаторов, как *должен, необходимо, нельзя* и др.): «Судья живёт в этом обществе, вместе с ним, он учитывает и цели закона, которыми руководствовался законодатель, но он не должен в основу решения класть экономическую или политическую целесообразность, потому что суд решает только вопросы формы права» [Светлана Сухова. Конституция и революция (2003) // «Итоги», 2003.03.04];

- предикативные структуры с глаголами мнения (*готов сказать, думаю, утверждаю* и др.): «Думаю, что судьи нас поддержат, потому что все эти решения нарушают устав МОКа» [Галина Подкопаева. Московская ремиссия. Чемпионат Европы закончился, чемпионата мира может и не быть (2002) // «Известия», 2002.07.10];

- вводные слова (*очевидно, возможно, наверное* и др.): «И, очевидно, чемоданы эти пустые, потому что набитыми так не помахаете» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)];

- наличие глаголов ирреального наклонения и форм будущего времени изъявительного наклонения: «Они вступились бы за меня, потому что это я, и за моё Дело, потому, что это моё Дело» [И. Грекова. Без улыбок (1975)];

- независимый инфинитив в позиции главного члена: «И выходит, что общество таким образом не сохранить, ибо хоть и отсекается вредный член механически и ссылается далеко, с глаз долой, но на его место тотчас же появляется другой преступник, а может, и два другие» [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)].

2. Средства маркирования вывода-побуждения:

- разнообразные формы императива, в том числе и образованные с помощью частицы *пусть*: «Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчиш самую страшную Муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житься, ни покоя без этой важной Тайны» [Аркадий Гайдар. Сказка про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово (1935)];

- модально-волеизъявительные слова *надо, нужно, необходимо, должно, нельзя*: «В труде есть смирение расточаемой жизни, но зато эта истраченная жизнь скопляется в виде государства – и его надо любить нераздельной любовью, потому что именно в государстве

неприкосновенно хранится жизнь живущих и погибших людей» [А. П. Платонов. Государственный житель (1929)];

- краткие прилагательные *нужен, должен, необходим*: *«Студент уже в вузе должен работать на современном оборудовании, потому что он не может стать специалистом, практикуясь на том, что было в прошлом веке» [Евгений Каблов. На перекрестке науки, образования и промышленности // «Эксперт», 2015];*

- глаголы *следует, стоит, годится*: *«Об этом эпизоде моей жизни следует рассказать особо, так как это пример того, как поспешный вывод о возможностях человека бывает далек от действительности» [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)];*

- местоимения *некого, нечего* в сочетании с инфинитивом и без существительного в именительном падеже: *«Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой на оленей» [Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)].*

3. Средства маркирования оценки:

- оценочные существительные и качественные прилагательные (*опасный, красивый, ужасный* и др.): *«Хотя они и не могут нанести значительных ран своими небольшими клыками, но тем не менее опаснее самцов, потому что не отступают от предмета своего гнева, топчут его ногами и, кусая, вырывают целые куски мяса...» [И. Грекова. Дамский мастер (1963)];*

- конструкции с глаголом и словами с семантикой оценки (например, *идти плоховато (о делах), сойтись (с кем-либо) было нелегко*): *«Птицы эти египетские, носят имя фламинго и покрыты розовым, тончайшей красоты оперением. Пребывание их на восточных побережьях Каспийского моря я почитаю загадочным, ибо до сего времени птицы эти водились в одной Африке» [К. Г. Паустовский. Кара-Бугаз (1932)].*

Как можно заметить, лингвист не проводит чёткую границу между средствами, формирующими модус мнения и модус побуждения, модус мнения и модус оценки: такие слова, как *должен, надо, нельзя* и др. могут служить средством формирования как вывода-мнения, так и вывода-побуждения; оценочные предикаты (если включать в них составные именные предикаты) – как вывода-мнения, так и вывода-оценки.

Вместе с тем они, как и все критерии, основанные на семантике, по сути своей субъективны: при имплицитном выражении модуса мнения и (как следствие) отсутствии формальных признаков конструкции вывода-обоснования маркирование части конструкции как вывода зависит от многих факторов, в том числе и экстралингвистических, например, пресуппозиций, которыми обладает реципиент (лицо, воспринимающее текст), контекста и стилевой характеристики текста. Более того, в некоторых случаях конструкция даже обладает формальными признаками собственно-причинного предложения, при том что одна из частей маркирована как мнение.

Рассмотрим примеры подобных конструкций.

1. «Но для Бердяева свобода существует ещё до Бога: где-то за Богом есть ещё какая-то свобода. *Это уж, простите, невозможно, потому что за Богом ничего нет и не может быть, ибо Бог есть вершина бытия*» [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)].

Данное предложение не обладает никакими формальными признаками конструкций вывода-обоснования. Тем не менее семантика и контекст приближают его к несобственно-причинным, помещая в зону пограничных явлений: автор (И. Мейендорф) дискутирует с А. Бердяевым, высказывая свою точку зрения на проблему свободы. Автор не маркирует главную часть как мнение: с его точки зрения, он

описывает объективную причинно-следственную связь двух фактов. Однако читатель, придерживающийся другой философской концепции или иного мировоззрения, в контексте самой ситуации дискуссии может маркировать главную часть как мнение и, следовательно, саму конструкцию – как конструкцию вывода-обоснования.

Рассматриваемое предложение имеет в своём составе три предикативные части – мы рассматриваем первые две, соединённые союзной связью, лишь для простоты. Вторая и третья предикативные части, связанные союзом *ибо*, также формируют конструкцию с причинным значением, которая тоже относится к числу пограничных явлений.

2. «– Знаю ведьму, – проворчал Егорыч. – На Лысую гору полетела, под Киев. Хотела по-людски, поездом, да билетов не достанешь. *А у ихней нечистой силы там сбор, пляски до утра. Потому как ночь сегодня колдовская...* Я тут травки волшебной да целебной насобираю. Она сегодня в самой силе» [В ночь на Ивана-Купалу // «Трамвай», 1990].

В данном случае причинная конструкция реализуется в виде сложноподчинённого предложения, разделённого точкой (синтаксический приём парцелляции). Формальными признаками конструкции вывода-обоснования она не обладает; однако первая часть говорит о «сборе нечистой силы», то есть о вещах, относящихся к категории поверий, фольклора, не существующих (по общепринятому мнению) в объективной реальности. Следовательно, в восприятии автора и реципиента (но не героя) первый компонент конструкции маркирован как мнение, а второй – как обще-информативное обоснование, и можно заключить, что мы имеем дело с конструкцией вывода-обоснования.

Тем не менее, если мы рассмотрим произведение, из которого взят отрезок текста, то увидим, что перед нами абсурдный фантастический рассказ. Для мира данного художественного произведения

существование нечистой силы и ведьм – объективная реальность; следовательно, в контексте рассказа это собственно-причинная конструкция.

3. «Верх-Ирмень Томской губернии Барнаульского уезда сроком от нижеподписанного числа впредь по 7 января 1913 года, в удостоверение чего и дан настоящий билет за надлежащею подписью и приложением печати. Декабря 13 дня 1912 года. Такие же билеты в 1912–1913 учебный год были выданы следующим ученицам: Сизикой Нине – в село Барлак, Рязанцевой Евлампии – в село Болотное, Карвацкой Брониславе – на станцию Каинск, Кобяковой Людмиле – в село Спирино, Лунц Елизавете – в село Коченево. *Конечно, список этот неполный, потому как составлен лишь по тем билетам, которые сохранились в архиве*» [Михаил Щукин. «Белый фартук, белый бант...» // «Сибирские огни», 2013].

Наличие вводного слова *конечно* можно рассматривать как формальный признак конструкции вывода-обоснования. Но мы не знаем, известно ли автору точно, что приведённый им список неполный (в таком случае предложение – собственно-причинное), или он только предполагает, что список неполный (в таком случае предложение – несобственно-причинное, с выводом-мнением и частно-информативным обоснованием).

4. «Фордов, Гейтсов, Джобсов и т. д. в России нет и не будет, потому что им неоткуда взяться в стране Дикого Запада 19 века, которой по сути Россия сейчас и является!» [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)].

Первая часть обладает одним из формальных признаков несобственно-причинного предложения – в ней присутствует глагол-связка в будущем времени (*не будет*). Однако вторая часть тоже представляет собой мнение. Во-первых, в ней Россия называется

«страной Дикого Запада 19 века», что не является общепринятым мнением (более того, автор не конкретизирует, в чём он видит сходство России с Диким Западом – в экономике, менталитете и т. п.). Во-вторых, предикативная часть *«которой по сути Россия сейчас и является!»* – прямая попытка убедить адресанта в своей точке зрения, высказанной в предшествующей предикативной части. Таким образом, обоснование в данном случае маркировано не модусом знания и не модусом перцепции, а модусом мнения, как и вывод; следовательно, оно не может называться обоснованием. В данном случае в конструкции соединяются два субъективных мнения, одно обосновывает другое; такую конструкцию нельзя назвать конструкцией вывода-обоснования.

Другой аспект, который стоит учитывать в данном случае – пресуппозиции реципиента. Социальные науки – политизированная и динамично изменяющаяся сфера. Для группы учёных или для человека, согласного с их мнением, отрезок конструкции *«...им неоткуда взяться в стране Дикого Запада 19 века, которой по сути Россия сейчас и является!»* маркирован модусом знания, а не модусом мнения, и, таким образом, они квалифицируют данный случай как несобственно-причинную конструкцию. В конце концов, утверждение «земля имеет форму сферы» когда-то тоже имело модус мнения, а не знания. Подобная расплывчатость толкования позволяет отнести конструкцию к промежуточным явлениям.

5. *Собственно, и порча-то вся пошла оттого, что посягнули на божий промысел и стали сами определять себе сроки жизни»* [Куда крутить колесо истории? // «Знание – сила», 2006].

Рассматривая это предложение в таком виде, в каком оно приведено – без контекста – можно сделать практически однозначный вывод, что перед нами конструкция с собственно-причинными отношениями. В наличии вводное слово *собственно*, однако оно не формирует модус,

свойственный выводу в конструкциях вывода-обоснования. Союз *оттого что* разделён запятой, и временная структура (прошедшее в «следствии» и прошедшее в «причине») типична для собственно-причинных конструкций.

Но возьмём это же предложение в контексте:

«Философ Александр Дугин ЗНАЕТ что «проблема демографического умирания – это проблема обществ, которые подверглись мощной социальной модернизации... Мы сейчас ставим перед нашим обществом вопросы социальной модернизации, притом, что у нас и так население сокращается. Как у любого модернистического общества, особенно белого модернистического общества, современного, те же самые проблемы – то есть падение демографии... И в этом отношении я вижу первое – проблему вырождения населения, первую проблему демографии. Немедленный возврат к традиционному укладу в российском обществе. Без ограничения для всех традиционных религий и конфессий. Это первый момент, фундаментальный, который противоречит, кстати, нашей ориентации на социальную модернизацию».

Эхо Москвы, «Ищем выход», 15 марта 2006 года.

Демоскоп знает больше. Нам кажется, что интересная мысль Александра Дугина нуждается все же в большей детализации. А то у нас, знаете, иной раз формально все выполняют, для галочки. Отрапортовать нетрудно: дескать, нам сказали немедленно возвратиться к традиционному укладу, мы тут же докладываем: уже возвратились. А начинаешь проверять – сколько недоделок! Нет, у нас без приемочной комиссии не обойдешься! А чтобы она могла четко работать, нужен полный перечень признаков традиционного уклада. Кокошник входит или нет? Борода обязательна? Обрезание (для других конфессий, само собой)? Женщина в терему или где? Ворота, в случае

чего, дегтем мазать? Крепостное право? Монархия? Отлучение от церкви на партсобрании? Анафема в газете «Правда»? Все должно быть расписано, а то будет сплошное своеволие.

Демоскоп готов принять посильное участие в составлении соответствующих рекомендаций. Но по большому счету его волнует только одно (профессиональный вывих): чтобы не забыли включить в главный список высокую смертность. Потому что глубокие познания Демоскопа позволяют ему утверждать: никогда и нигде традиционный уклад не существовал без высокой смертности, и без нее нам ходу назад нет.

Собственно, и порча-то вся пошла оттого, что посягнули на божий промысел и стали сами определять себе сроки жизни. И себе, и младенцам своим. Ему уже, младенцу, часы остались отмеренные, не нами, конечно, – а мы ему раз укольчик, другой, всякие пенициллины, стрептомицины – и снова машет ручками-ножками, живой и здоровенький. Глядишь, и подросли погодки – двое, трое, четверо – больше вроде и не надо» [Куда крутить колесо истории? // «Знание – сила», 2006].

Что мы видим? Что текст написан в ироническом ключе: точка зрения А. Дугина высмеивается. Сам автор текста не придерживается той точки зрения, которую описывает; таким образом, главная часть рассматриваемого предложения маркирована как мнение, причём приписанное другому лицу; вторая же часть – как обще-информативное обоснование (опять же, приписанное другому лицу, и обще-информативное лишь с его точки зрения). Таким образом, это предложение, невзирая на явные формальные признаки собственно-причинного, сближается с несобственно-причинными.

Подводя итог, можно заключить, что между собственно-причинными и несобственно-причинными конструкциями нет чёткой

границы. «Ядро» конструкций вывода-обоснования составляют конструкции с перцептивным обоснованием: им присущи все признаки несобственно-причинных предложений. В то время как часть конструкций с информативным (частно-информативным и общеинформативным) обоснованием попадает в «сумеречную зону» – зону переходных, пограничных явлений: их нельзя однозначно охарактеризовать как собственно-причинное или несобственно-причинное. Эта зона достаточно обширна, а факторы, обуславливающие попадание предложений в данную зону, – разнообразны; некоторые из них принадлежат к сфере лингвистики текста, стилистики или литературоведения, другие же – к сфере экстралингвистических факторов (пресуппозиции, которыми обладает реципиент).

Заметим специально, что тщательное исследование данных факторов не является целью настоящей работы. Для нас важен сам факт наличия промежуточной, «сумеречной» зоны, находящейся на границе собственно-причинных и несобственно-причинных конструкций.

1.3. Сложноподчинённые предложения как средство реализации причинно-аргументирующих отношений. Союзы в несобственно-причинных сложных предложениях

Сложноподчинённые предложения – тот способ реализации причинно-аргументирующих отношений в речи, в котором их отличие от собственно-причинных проступает ярче и рельефнее всего. Вопрос о конструкциях вывода-обоснования возник именно при рассмотрении сложноподчинённых предложений, так что можно сказать, что именно этот тип сложных предложений стал наиболее удобной средой для выявления и изучения характерных черт конструкций вывода-обоснования.

Один из вопросов, который возникает при анализе несобственно-причинных придаточных предложений, – специфика функционирования союзов в рамках данных конструкций.

РГ-80, разделяя причинные предложения на собственно-причинные и несобственно-причинные, также делит на две большие группы причинные союзы, в зависимости от того, в каких именно сложноподчинённых предложениях они функционируют. Союзы **недифференцированного значения** соединяют предикативные части как в собственно-причинных, так и несобственно-причинных предложениях, т.е. они не могут служить дифференцирующим признаком типа предложения. В отличие от них союзы **дифференцированного** (или **специализированного**) значения встречаются только в одном типе предложений, а следовательно, сами по себе являются признаком того или иного вида предложений. Таким образом, с опорой на РГ-80 причинные союзы можно классифицировать следующим образом [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 713–721; Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 577–586]:

1) союзы недифференцированного значения:

а) простые союзы: *раз, ибо, поскольку, потому;*

б) выполняющая функции союза частица *ведь;*

в) составные союзы несинтагматического типа: *потому что, потому как, потому, так как, раз что;*

2) союзы дифференцированного (или специализированного) значения, маркирующие предложение как **собственно-причинное**:

а) простые союзы: *благо, как;*

б) составные союзы синтагматического типа: *оттого что, затем что, из-за того что, ради того что, благодаря тому что, через то что, для того что, вследствие того что, в результате того что, в силу того*

что, на основании того что, исходя из того что, по причине того что, по той причине что, в связи с тем что, ввиду того что;

3) союзы дифференцированного (или специализированного) значения, маркирующие предложение как **несобственно-причинное**. Все они составные, синтагматического типа: *под видом того что, под предлогом того что, под тем предлогом что, судя по тому что, тем более что, тем паче что.*

Иной позиции по данному вопросу придерживается Е. В. Урысон. Она отмечает, что «Союзы принадлежат к тем мелким словам, которые с большим трудом поддаются семантическому описанию. Неслучайно в толковых словарях значение союза обычно не формулируется – скорее, подается характеристика его контекста» [Урысон, 2011, с. 7], но вместе с тем «...по крайней мере некоторые союзы русского языка действительно являются особыми семантическими объектами. С одной стороны, в их значении выделяются четкие семантические компоненты, и с этой точки зрения союзы как будто не отличаются от обычных, однозначных слов естественного языка. С другой стороны, для обозначения некоторых из этих компонентов естественный язык не располагает никакими знаменательными словами» [там же].

Свою методику анализа исследовательница иллюстрирует на примере подчинительных союзов «если» и «хотя», а также сочинительных «и», «а», «но». Например, у союза «если» Е. В. Урысон выделяет следующие значения: центральное значение – «если гипотезы» («Если будут пробки, то мы опоздаем на самолет»), частный случай «если гипотезы» – «если обобщения» («Если Петя задерживается, то мы ужинаем без него»), «если данного положения дел» («Если уж мой лучший друг решил остаться, я остаюсь тоже»), «если умозаключения» («Если они уже дома, они успели на последнюю электричку») (все примеры взяты из указанного исследования) [Урысон,

2011]. Каждое из этих значений союза *если* рассматривается как отдельная лексема.

Обращает Е. М. Урысон внимание и на несобственно-причинные предложения. Она рассматривает следующие два предложения: «*Окна в краске, потому что в доме идет ремонт*» и «*В доме идет ремонт, потому что окна в краске*». Отмечая, что «Различие между примерами... можно отразить, выделив в семантическом представлении высказывания модус и диктум, так что союз будет связывать в одних высказываниях диктум с диктумом, а в других — диктум с модусом» [Урысон, 2011, с. 59], т. е. признавая модусную природу связи в конструкциях с причинно-аргументирующими отношениями, исследователь, тем не менее, встаёт на другую позицию (которую характеризует как «лексикографическое решение» [там же]): союз *потому что* в первом примере (собственно-причинном предложении) и во втором примере (несобственно-причинном) имеет разные значения.

Таким образом, если распространить её точку зрения на все причинные союзы, то союзы недифференцированного значения отличаются от союзов дифференцированного значения тем, что имеют отдельное значение «умозаключения» (Е. М. Урысон называет союз *потому что*, функционирующий в конструкциях вывода-обоснования, «*потому что* умозаключения»; также она выделяет союзы «*если* умозаключения» и «*раз* умозаключения»; последний как раз используется для построения несобственно-причинных конструкций) [Урысон, 2011].

Анализ союзов, который использует Е. М. Урысон, частично основывается на методике, предложенной Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуком в труде «Смысл и сочетаемость в словаре» [Иорданская, 2007], целью которой была разработка адекватной структуры словарной статьи – т.е. лексикографического описания того или иного союза.

Исследователи перечисляют девять релевантных признаков союза, которые должны присутствовать в словарной статье [Иорданская, 2007, с. 419–420]:

I. Собственно семантические признаки:

1. Роль союза в высказывании: **дескриптивный** союз или **риторический** союз. Дескриптивный союз выражает «объективное (причинное) отношение между фактами» [Иорданская, 2007, с. 421], в то время как риторический – маркирует речевой акт, выраженный предикативной частью, которую вводит союз: «...речевые акты, осуществляемые говорящим при употреблении риторических союзов, представляют собой риторические действия говорящего: говорящий предлагает обоснование, выводит заключение, противопоставляет, подаёт один факт как следствие другого, отмечает естественность / неестественность одного факта при наличии другого, и т. п.» [Иорданская, 2007, с. 425].

2. Характер связываемых союзом единиц: **иллокутивный** союз или **неиллокутивный** союз. Иллокутивные союзы, в отличие от неиллокутивных, выражают не только отношения между двумя фактами, но и отношение придаточного предложения к произнесению главного (или, в случае сложносочинённого предложения, к предыдущей предикативной части). Иллокутивный союз не обязательно является риторическим.

3. Способность союза вводить единицу, являющуюся по своей сути цитированием высказывания другого лица.

II. Прагматико-коммуникативные признаки:

4. Статус соединяемых союзом единиц с точки зрения коммуникативной данности («данное» и «новое»).

5. Ассертивный статус единицы, которую вводит союз: ассерция или псевдоассерция. Ассерция означает, что автор допускает, что

адресат может оспорить то, что говорится в части предложения, которую вводит союз; псевдоассерция – нет.

6. Модальность предложения (утвердительная, вопросительная, повелительная, восклицательная).

III. Синтаксические параметры:

7. Синтаксический тип союза: подчинительный или сочинительный.

8. Синтаксический тип единицы, которую вводит союз (придаточное предложение, сочинительная синтагма, адъективная синтагма, адвербиальная синтагма).

9. Расположение единиц, которые соединяет союз: возможность препозиции, постпозиции и интерпозиции придаточной части.

К сожалению, Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук проводят свой анализ на материале французского языка и французских союзов, а потому не все характеристики и приёмы, которые они описывают, можно применить к русским союзам. Особенно ярко это выражается на примере таких характеристик, как дескриптивный – риторический союз. Для иллюстрации первой пары признаков как пример из числа русских союзов приведены *потому что* (дескриптивный) и *ибо* (риторический). В данном случае показаны определённые формальные особенности двух видов союзов: например, перед дескриптивными можно поставить частицу «не» (*Я ушёл с вечеринки не потому, что устал. – *Я ушёл с вечеринке, не ибо устал*) или наречный модификатор (*Я ушёл с вечеринки именно потому, что устал. – *Я ушёл с вечеринки, именно ибо устал*). Е. М. Урысон, однако, отмечает, что все указанные выше особенности двух союзов объясняются их разным происхождением: *ибо* – простой союз, этимологию которого мы уже не осознаём, в то время как *потому что* – сложный союз, произошедший от местоименного сочетания «по тому что» и может выступать в расчленённом виде [Урысон, 2011, с. 54]. Таким образом, перечисленные признаки

дескриптивных и риторических союзов «не работают» в русском языке, однако само противопоставление «дескриптивные – риторические» возможно, если опираться на семантику.

Применительно к союзам, функционирующим в рамках конструкций вывода-обоснования, особую важность имеет признак иллокутивности: поскольку объективная связь между фактами, описанными в главной и в придаточной части конструкций вывода-обоснования, отсутствует, в них могут присутствовать только иллокутивные союзы.

Тут необходимо заметить, что Л. Н. Иорданская использует термин «иллокутивный» не в том значении, в котором его использует большинство русских лингвистов. О. Е. Пекелис определяет данный термин следующим образом: «Иллокутивным называется такое употребление союза, при котором союз выражает связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллокутивной модальностью другой» [Пекелис, 2013]. Иллокутивная модальность – это «характеристика высказывания с точки зрения совершаемого с его помощью действия» [Падучева, 2014, с. 28]: повествовательные предложения имеют ассертивную модальность, вопросительные – интеррогативную, а побудительные – императивную [Падучева, 2014]. Иными словами, данный тип модальности имеет отношение к классификации предложений по цели высказывания, а не к типам причинных предложений. Вот что пишет по этому поводу О. Е. Пекелис: «...существует конструкция, родственная иллокутивной, которая, тем не менее, не может быть безоговорочно признана таковой. Это «конструкция обоснования» <...> где союз связывает пропозициональное содержание одной клаузы в составе сложного предложения с эпистемической (а не иллокутивной!) модальностью, входящей в смысл другой. <...> Вместе с тем, налицо родство двух

употреблений: в обоих случаях союз функционирует не на уровне пропозиций, а на уровне модальных компонентов высказывания» [Пекелис, 2013]. Мы согласны с данной точкой зрения, а потому далее по отношению к союзам, способным функционировать в конструкциях вывода-обоснования, будем говорить не об иллокутивной, а об эпистемической модальности (повторяя формулировку самого лингвиста – об «эпистемическом употреблении» [Пекелис, 2015, с. 65]). Именно способность выражать данное модальное значение определяет, может ли союз соединять предикативные части несобственно-причинного предложения.

Работа О. Е. Пекелис, к которой мы обращались выше, – одна из статей «Русской корпусной грамматики»; целью данного проекта является создание современного аналога Русской грамматики. Мы сделали на этом акцент по той причине, что начали данный подраздел именно с описания точки зрения РГ-80. Так как же изменилась точка зрения лингвистов на союзы в несобственно-причинных предложениях (и причинных предложениях в целом)?

Первое, что нужно заметить, что «Корпусная русская грамматика» представляет собой комплекс статей «на правах рукописи», то есть они ещё не образуют единой системы. Для нас это важно потому, что в разных статьях проекта представлены разные точки на причинные союзы. А именно, если вы обратитесь к статье «Подчинительные союзы» за авторством В. Ю. Апресян и О. Е. Пекелис, то увидите следующий список причинных союзов: *так как, потому что, поскольку, оттого что, ввиду того что, благодаря тому что, вследствие того что, в связи с тем что, в силу того что, ибо, затем что* [Апресян, 2012]. Такие единицы, как *из-за того что, судя по тому что, ведь* и многие другие там не упомянуты. Тем не менее другая статья корпусной грамматики, «Причинные придаточные», уже за авторством одной О. Е.

Пекелис, содержит практически тот же список причинных союзов, что предлагала РГ-80, но с некоторыми оговорками [Пекелис, 2015]. Мы будем придерживаться точки зрения последней статьи, не ограничивая круг причинных союзов теми, что приведены в статье «Подчинительные союзы»: если сочетание предлога, местоимения и союза *вследствие того что* можно квалифицировать как союз, значит, аналогичное по структуре сочетание *из-за того что* также можно считать союзом.

Итак, О. Е. Пекелис предлагает следующую классификацию причинных союзов:

I. Союзы, общеупотребительные в современном языке.

1) Стилистически наиболее нейтральные: *потому ... , что; оттого ... , что; так как; поскольку; из-за того ... , что; благодаря тому ... , что.*

2) Разговорно-просторечный союз *потому как.*

3) Книжные и официальные: *вследствие того ... , что; ввиду того ... , что; в результате того ... , что; на основании того ... , что (на том основании ... , что); под видом того ... , что; в силу того ... , что; в связи с тем ... , что; по причине того ... , что (по той причине ... , что); под предлогом того ... , что (под тем предлогом что); за счет того ... , что; исходя из того ... , что; судя по тому ... , что; учитывая (то) ... , что.*

II. Устаревшие союзы: *затем что; через то что; для того что; как; потому* (в значении, близком *потому что*); *понеже; поелику; зане* [Пекелис, 2015, с. 32–35].

Также лингвист перечисляет единицы, которые выполняют союзную функцию в причинных предложениях, но по разным причинам не относятся к союзам, либо не относятся к причинным союзам: *ибо, устар. бо, тем более что, тем паче что, благо, ведь, поэтому, потому* (в значении, близком *потому*) и *раз* [Пекелис, 2015, с. 35].

Как можно заметить, в основу данной классификации положена стилистическая окраска единицы. Лингвист не делит союзы на союзы

дифференцированного значения и союзы недифференцированного значения; относительно способности функционировать в конструкциях вывода-обоснования она делает следующее замечание: «В отличие от союзов **потому что, поскольку и так как**, большинство семантически специализированных причинных союзов не употребляется ни иллюкутивно, ни эпистемически» [Пекелис, 2015, с. 72]. Из остальных же союзов О. Е. Пекелис выделяет единицу *судя по тому что*: данный союз имеет только эпистемическое употребление и, как следствие, может функционировать только в конструкциях вывода-обоснования.

Тем не менее сказать, что лингвист ограничивает число союзов, способных функционировать в конструкциях вывода-обоснования, четырьмя (*потому что, поскольку, так как, судя по тому что*), нельзя: формулировка «*большинство семантически специализированных причинных союзов*» указывает скорее на то, что О. Е. Пекелис не сосредоточивает внимание на данной проблеме.

Е. С. Ярыгина, в свою очередь, ограничивает круг союзов, способных функционировать в конструкциях вывода-обоснования, следующими: *потому что, ибо, так как, потому (потому и), оттого что, потому как, поскольку*. Исследователь также обращает внимание на то, что из восьми союзов, способных соединять придаточные части предложения с причинно-аргументирующими отношениями, семь – недифференцированного значения (в классификации Русской грамматики 1980), и делает вывод, что «...субъективность присуща в большей степени не придаточному предложению, маркированному союзом, а именно главному предложению, воплощающему компонент вывод» [Ярыгина, 2002, с. 229], а, значит, роль союза в формировании конструкции вывода-обоснования не очень велика.

Подобное разнообразие точек зрения может означать лишь одно: необходимо более тщательное рассмотрение каждого вида союзов.

1.3.1. Союз «судя по тому ..., что»

Рассматриваемый союз – производный синтагматического типа; в его составе присутствует деепричастие *судя* (или, точнее, произошедший от деепричастия составной предлог *судя по*), которое, в свою очередь, образовано от глагола *судить*, обозначающего ментальное действие. В отличие от других союзов, *судя по тому ..., что* не потерял связей с оборотом, от которого он образован, и, следовательно, с глаголом ментального действия. Е. С. Ярыгина отмечает, что оборот с предлогом *судя по* вводит обоснование (см. подразд. 1.1.) и, хоть и не формирует конструкцию вывода-обоснования, является её ближайшим аналогом внутри одной предикативной части. Союз *судя по тому ..., что* во многом сохраняет это значение; его связь с глаголом ментального действия обусловила то, что он выражает ментальный модус, который можно сопоставить с субъективно-модальным значением уверенного предположения (типам субъективно-модальных значений будет посвящён подразд. 2.5). При этом союз *судя по тому ..., что* маркирует как предположение не придаточное предложение, а главное; в придаточном предложении, которое он вводит, как раз звучит логичное обоснование – результат ментального действия автора.

Эта же особенность ограничивает семантический тип обоснования, которое союз вводит в предложение: оно не может являться частно-информативным, и редко – обще-информативным: «*Но судя по тому, что за 60 наносекунд свет проходит 20 метров, а расстояние измерено с точностью 20 сантиметров, это предположение кажется неубедительным*» [Павел Котляр. Скорость света — не предел // «Детали мира», 2011]; «*Судя по тому, что замуж многие и многие снова и снова выходят за тех, кто не может обеспечить или хотя бы*

защитить, – для легиона женщин эта тема – как острым скальпелем по необезболенной душе» [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

В большинстве случаев (69 % из проанализированных 150-ти примеров) рассматриваемый союз вводит перцептивное обоснование: *«Судя по тому, что фамилия художника была Оганесян, можно было предположить, что он какой-нибудь праправнук того знаменитого Давида Оганесяна, который в начале прошлого века прибыл в Иерусалим по приглашению британских властей для реставрации изразцов на стенах мечети Омара, да так и остался, основав школу армянской иерусалимской керамики»* [Дина Рубина. Окна (2011)]; *«За нами следят, и, судя по тому, что вы рассказали, ваш адрес они уже знают»* [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)]; *«И судя по тому, что фасад еще не был загорожен строительными лесами, а стены не были расколупаны, и вокруг не громоздились горы щебня, – этот ремонт лишь затевался»* [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)]. Также союз *судя по тому ...*, что не функционирует в предложении с выводом-побуждением: **Возьми зонт, судя по тому что дождь на улице*. Высказывание *Надо взять зонт, судя по тому что дождь на улице* возможно, однако нетипично для русского языка.

Оставшиеся два типа вывода – мнение и оценка – могут присутствовать в предложении с рассматриваемым союзом: *«Судя по тому, что творилось на земле с момента ее... эээ... сотворения, богу свойственна только одна любовь – он любит разнообразные интересные истории»* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)]; *«Судя по тому, что Александр Укович в грамотах сопоставляется рязанскому князю Ивану Ярославичу, можно отнести его к первой половине XIV в.»* [Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества (1858)] (мнение); *«Разошлись давно и тихо-мирно, судя по тому, что в*

прессе никаких скандалов не было» [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)]; «Судя по тому, что на миллион случаев острой диареи в год приходится около двух тысяч смертей, и, таким образом, смертность от нее составляет около 0,2%, то эта система работает сравнительно эффективно» [Будьте здоровы // «Знание – сила», 2010]; «Вообще, судя по тому, что мы до сих пор испытали, можно заключить, что Нагасаки – один из благословенных уголков мира по климату» [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)] (оценка).

Для придаточного, которое вводится союзом *судя по тому ...*, что характерна препозиция, хотя также возможно употребление в интерпозиции: *«А сейчас она, судя по тому, что говорят преподаватели, «ни в зуб ногой»* [С. П. Капица. Мои воспоминания (2008)]; и постпозиции: *«Так, в долине р. Тахтыги, расположенной западнее р. Бодайбо, оледенение было слабее, судя по тому, что хребет Кропоткина, с которого спускались большие ледники в бассейн р. Бодайбо, к верховью Тахтыги значительно понижается»* [В. А. Обручев. Мои путешествия по Сибири (1948)]. То есть сложные предложения с указанным союзом не всегда обладают тем признаком конструкций вывода-обоснования, который считается одним из основных: постпозитивное положение придаточного. Это приближает предложения с союзом *судя по тому ...*, что к зоне промежуточных явлений, однако яркая эпистемическая семантика не позволяет отнести их собственно к промежуточной зоне.

Также можно отметить, что, хотя в большинстве случаев союз разделён запятой (*судя по тому, что*), есть и случаи его употребления без запятой, к примеру: *«Сотрудничество удалось, судя по тому что в июле председатель генсовета партии Александр Беспалов, побывавший в Саратове перед началом избирательной кампании, заявил о намерении рекомендовать Аяцкова в Высший совет партии со словами: «Такие*

губернаторы нам нужны, и даже очень» [Сусанна Оганезова. В Саратове наступило 8 сентября. Аяцков доволен итогами еще не прошедших выборов (2002) // «Известия», 2002.08.30]; *«Однако, судя по тому что они размещаются не хаотично, а вдоль прямых линий, это или проектируемая застройка, или строящиеся дома будущей Дворянской улицы»* [Т. А. Базарова. План петровского Петербурга. Источниковедческое исследование (2003)]. Это никак не влияет на значение союза.

Ярко выраженный эпистемический характер союза и неразрывная связь его семантики с ментальными действиями мешают ему свободно функционировать в собственно-причинных конструкциях. Некоторые предложения с ним могут быть охарактеризованы как собственно-причинные, например: *«Судя по тому, что после Виктора Семеновича Евгения вышла из банка данных, Герман заключил, что она нашла то, что искала»* [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)]; *«Он и раньше подозревал, что у Нергалья в «Народной воле» есть еще, по крайней мере, один источник информации, с помощью которого полковник перепроверял его донесения. Теперь же, судя по тому, что тот знал даже имена заговорщиков – а их в своих рапортах Серпинер никогда не указывал, – подозрение превратилось в уверенность»* [Николай Дежнев. Год бродячей собаки (2002)]; *«Судя по тому, что в самый разгар рабочего дня ребята завтракали в дорогом кафе, а отовариваться собирались за городом, нетрудно было догадаться, что жили они не на трудовые доходы»* [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002)] и др. Как можно заметить, придаточная часть, к которой с помощью союза *судя по тому ...*, что присоединяется причинное придаточное и с которой оно состоит в собственно-причинных отношениях, сама по себе эксплицирует модус мнения (эти придаточные части в примерах выше подчёркнуты). Само

мнение озвучено в другой придаточной части (во втором примере эта часть предшествует причинному придаточному, в первом и третьем – изъяснительное придаточное, также относящееся к предложению, выражающему модус мнения). Таким образом, возникает тавтология: и союз *судя по тому ..., что*, и главная предикативная часть маркируют ментальное действие, дублируя значения друг друга. По этой причине, хотя главная и придаточная предикативные части состоят в собственно-причинных отношениях, конструкция, частью которой они являются, имеет несобственно-причинное значение.

1.3.2. Центральные причинные союзы: «потому ..., что», «оттого ..., что», «поскольку», «так как»

Эти четыре союза – наиболее употребительные и стилистически нейтральные причинные союзы. В большинстве контекстов они взаимозаменяемы, но обладают, тем не менее, определёнными семантическими различиями [Пекелис, 2015]:

1. Союзы *потому ..., что* и *оттого ..., что* выражают непосредственную причинно-следственную связь двух явлений действительности, в то время как союзы *поскольку* и *так как* «представляют факт причинной связи как логически следующий из некоторого общего положения дел, известного из знаний о мире или ситуации речи» [Пекелис, 2015, с. 63].

2. *Оттого ..., что* маркирует более тесную связь с предикатом главного предложения, чем *потому ..., что*, как в расчленённом, так и нерасчленённом виде.

3. Союз *потому ..., что* используется, когда информация о причинно-следственной связи двух фактов адресату неизвестна.

4. Союз *так как* вводит информацию, которая ещё не упоминалась в контексте происходящего акта коммуникации, а *поскольку* – ту, которая уже упоминалась. О. Е. Пекелис приводит в пример следующее предложение: «*И уж **поскольку** у вас, читатель, в руках номер «Химии и Жизни», эта книга, конечно, написана для вас*» [«Химия и жизнь» (1966)]. Замена союза *поскольку* на союз *так как* в данном предложении невозможна именно потому, что подразумевается, что адресат держит книгу в руках (и это ему известно).

Все вышеперечисленные особенности накладывают отпечаток на способность союзов связывать предикативные части конструкций вывода-обоснования и на семантику вывода и обоснования, которые они соединяют.

Союз «потому ..., что»

Союз *потому ..., что* наиболее нейтрален со всех точек зрения: не обладает ни стилистической маркированностью, ни дополнительными оттенками значения, выражая причинность в наиболее «чистом» виде.

С точки зрения происхождения это составной союз синтагматического типа, произошедший от сочетания предлога, местоимения и союза (*по тому что*). Само сочетание *по тому что* тоже может соединять части сложного предложения со значением причины: «*Забрался внутрь «скорой», сидел рядом с носилками, держал Леона за руку, монотонно, хрипло повторяя: – Мальчик... мальчик... **И по тому, что**, отнимая руку, возвращал ее мокрой, было понятно, что он плачет не переставая*» [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]. В таком случае *по тому что* с точки зрения значения очень близок к союзу *судя по тому что*, однако если в случае этого союза ментальное действие маркирует компонент *судя*, входящий в состав данного союза,

то в случае союза *по тому что* эту роль играет глагол или другое слово, обозначающее ментальное действие: «***И по тому, что, отнимая руку, возвращал ее мокрой, было понятно, что он плачет не переставая***» [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; «***В этот бетонный мешок (вероятно, подвал под одним из домов или мечетей в одной из деревень долины Бекаа – оплота боевиков «Хизбаллы») его перевезли некоторое время назад, и по тому, что уже два дня не волокли на допросы, он понял, что спектакль катит к финалу***» [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; «***А по тому, что попутчики, подозрительные хипаны и отставной военный, завели политический спор, было понятно, что разбавили они пока только одну бутылку «Рояля», а со второй перейдут к обсуждению баб и мордобоею***» [Ашот Аршакян. Шведский дебют Ивана Денисовича // «Сибирские огни», 2012]. Как и союз *судя по тому что*, сочетание *по тому что* функционирует только в несобственно-причинных предложениях, а также ограничивает тип обоснования, которое присоединяет, перцептивным и не присоединяется к выводу-побуждению.

Союз *потому ..., что* не наследует вышеперечисленных особенностей сочетания *по тому что*: РГ-80 и Е. С. Ярыгина включают его в число союзов недифференцированного значения, способных соединять части конструкций как с собственно-причинным, так и несобственно-причинным значением [Русская грамматика, Т. 2, 1980; Ярыгина, 2002; Ярыгина, 2018].

Важный признак – расчленённость союза *потому ..., что* запятой – будет рассмотрен ниже. Пока мы сосредоточим внимание на нерасчленённом варианте союза: *потому что*. Как компонент конструкций вывода-обоснования, союз *потому что* не накладывает никаких ограничений на семантический тип вывода и обоснования:

1) вывод-мнение и перцептивное обоснование: *«Так женись на мне!» – чуть не закричала я. Видимо, эта мысль ему в голову не приходила, **потому что**, когда я, вся в слезах, начала говорить о том, что я тоже хочу «нормальную обычную семью», он страшно удивился»* [Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // «Даша», 2004]; *«Обстоятельства, предшествующие гибели академика, были таковы: преступник или преступники ворвались в квартиру... Скорее всего, под каким-то благовидным предлогом, **потому что** Александр Аркадьевич сам открыл им дверь...»* [Гибель академика (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.08];

2) вывод-мнение и обще-информативное обоснование: *«Единственную в хате пару латаных валенок оставил сыну, чтобы тот мог ходить в школу. Говорил, будто в лесу они ему всё равно не нужны, так как требуют ежедневной сушки, а там сушить негде. Наверно, однако, отец говорил неправду, **потому что** другие мужики где-то же сушили свою обувь»* [Василь Быков. Болото (2001)]; *«В монашестве, таким образом, появилась дисциплина дыхания, которая позволяла и учила людей творить молитву Иисусову без нарушения ритма. На эту тему существует целая литература, сравнивающая её с дальневосточным йогизмом; впрочем, в этом ничего удивительного нет, **потому что** существует общечеловеческое понимание того, что такое человеческое внимание и молитва; разница лишь в том, что христиане молятся Иисусу Христу и никому другому, – в этом разница, а дисциплина дыхания может быть и у тех, и у других»* [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)];

3) вывод-мнение и частно-информативное обоснование: *«Что-то не такое, говорит, происходит, **потому что**, между прочим, пирожки каждый день пропадают, и ни много ни мало, а по шести штук в*

сутки» [Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й (1971)];

4) вывод-оценка и перцептивное обоснование: *«Кухня, видать, была самым жилым, душу успокаивающим местом, **потому что** здесь, словно в цирке, радостно и пестро: деревянные квадратики-подставки, прихватки, симпатичная кукла на чайник-заварник, медный до яркости начищенный самовар, горшки, колотушки, сковородники, связки луковиц и красных перцев и множество разных забавных безделушек»* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]; *«Это были, наверное, самые кошмарные сutki в моей жизни. **Потому что** я казнил себя и терзался»* [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)];

5) вывод-оценка и обще-информативное обоснование: *«И вот с этой точки зрения у «Комсомолки» (мне сложно говорить обо всех СМИ) отношения с государством достаточно стабильные по российским, конечно, меркам, **потому что** одно дело стабильность отношений в Англии и совсем другое – в Китае»* [Дмитрий Волков, Владимир Сунгоркин. Кухня управляемой демократии // «Отечественные записки», 2003];

6) вывод-оценка и частно-информативное обоснование: *«Позже Хан сказал, что подниматься на крышу не только бесполезно, но, скорее, даже вредно, **потому что** там человек оказывается только дальше от возможности по-настоящему покинуть поезд, – но всё равно они продолжали сюда лазить просто для того, чтобы хоть на время покинуть осточертевшее пространство всеобщей жизни и смерти»* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)];

7) вывод-побуждение и перцептивное обоснование: *«Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши буржуинские знамёна, **потому что** слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут*

флагами наши махальщики» [Аркадий Гайдар. Сказка про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово (1935)];

8) вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: *«Тогда говорили, что надо перестроить артистические, **потому что** они были в бывших конюшнях»* [Ольга Кабанова. Легко и быстро, но на века. Юбилей театрального дома (2002) // «Известия», 2002.11.17]; *«Уж вы лучше, как придёт зимнее холодное время, наделайте из неё себе онучек, **потому что** чулок не греет»* [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)];

9) вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: *«И Сенека понимал: раз так, надо опираться не на народ – его нет, – не на государя – его тоже нет, – не на государство – оно только понятие, – а на человека, на своего ближнего, **потому что** вот он-то есть и он всегда рядом с тобой: плебей, вольноотпущенник, раб, жена раба»* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]; *Поэтому, когда говорят: «Отдайте нам рынок тепла, продукта жизненной важности, **потому что** так будет интегрально эффективнее для экономики в целом», я бы не стала полагаться на этот тезис»* [Татьяна Гурова. Что хотелось бы уточнить // «Эксперт», 2014].

Союз «поскольку»

Анализ примеров позволил выявить, что союз *поскольку* не присоединяет перцептивное обоснование. Гипотетически это возможно: *Ночью был дождь, поскольку лужи на улице; Надо взять зонт, поскольку сейчас идёт дождь*, однако на практике данный союз тяготеет к информативному (частно- или обще-информативному) обоснованию. Подобная особенность объясняется особенностями семантики союза: *поскольку* не вводит информацию, которая ещё не известна адресату.

В конструкциях вывода-обоснования с данным союзом возможны следующие сочетания:

1) вывод-мнение и обще-информативное обоснование: *«К сожалению, на процесс перевозки при этом повлиять не удастся, поскольку управление движением всё равно остаётся в руках диспетчеров железной дороги»* [Владислав Кулаков. Из конца в конец // «Computerworld», 2004]; *« Кроме того, это влечёт обострение проблемы утечки квалифицированных кадров, поскольку, обучившись нужным городским профессиям, молодые не станут в него возвращаться (а эта проблема и без того остра в малых городах в результате участия наиболее активного населения в процессах трудовой миграции)»* [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005];

2) вывод-мнение и частно-информативное обоснование: *«Калидонский вепрь, по мнению большинства, должен был сдохнуть от гордости, поскольку за его шкурой явился цвет Эллады – равный которому собирался лишь однажды, шестнадцать лет назад, когда двадцатипятивесельный «Арго» отплыл в Колхиду за Золотым Руном»* (Г. Л. Олди);

3) вывод-оценка и обще-информативное обоснование: *«По мнению же Буйдова, принципов ITSM недостаточно для налаживания эффективной взаимосвязи между развитием ИТ и бизнеса, поскольку взаимодействие ИТ-отделов с бизнесом выходит за рамки ITIL»* [Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld», 2004];

4) вывод-оценка и частно-информативное обоснование: *«Лично мне этот прием понятен и близок, поскольку его использование автоматически, возможно, на подсознательном уровне повышает уровень доверия к тому, что видишь на экране»* [коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005-2010)];

5) вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: *«Поскольку рассматриваемая здесь прикладная задача является двухкритериальной, то тут достаточно рассмотреть 1-й шаг»* [Векторная оптимизация в проектировании сложных изделий на примерах выбора вариантов реактивного двигателя // «Информационные технологии», 2004];

б) вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: *«Поскольку нам надо минимизировать наши трудозатраты, то и питомцев для вашего сада следует выбирать исходя из тех условий, которые вы в состоянии им обеспечить»* [Татьяна Ефимова. Скажи: легко! (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15].

Как можно было заметить, последние два примера также отличаются тем, что придаточное предложение (обоснование) находится в препозиции, а не в постпозиции, то есть опять не обладает одним из формальных признаков конструкций вывода-обоснования. Тем не менее значение предложений, если поместить придаточную часть, присоединяемую союзом *поскольку*, после главной, не изменится: *Тут достаточно рассмотреть 1-й шаг, поскольку рассматриваемая здесь прикладная задача является двухкритериальной; Питомцев для вашего сада следует выбирать исходя из тех условий, которые вы в состоянии им обеспечить, поскольку нам надо минимизировать наши трудозатраты.* Препозитивное положение части с союзом *поскольку* обусловлено тем, что данный союз, по сути дела, вводит тему высказывания – уже известную адресату информацию. Строго говоря, такое высказывание представляет собой не «вывод-обоснование», а «обоснование-вывод»: мысль разворачивается не от вывода к обоснованию, а от обоснования к выводу. Позиция обоснования подчёркивает его статус как общеизвестного – обще-информативного. Поскольку подобное значение не противоречит общей семантике

конструкций вывода-обоснования, мы полагаем, что не следует считать отсутствие данного признака существенным.

Союз «так как»

Союз *так как* произошёл от сочетания местоимённого наречия (*так*) и союза (*как*), однако он не является синтагматическим союзом и потерял всякую связь с сочетанием местоимённого наречия и союза, которое также выполняет союзные функции, ср.: «*И я начал говорить так, как должен говорить человек в таком парике*» [Джим Кэрри – *изнутри и снаружи* (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06] – *Подход SOA удовлетворяет требованиям быстрых изменений в ИТ-инфраструктуре, так как использует смешанные приложения и сервисы, а также объединяющие концепции, в частности Web-сервисы*» [Интеграция. Часть вторая // «Computerworld», 2004].

Как было сказано выше, союз *так как* может вводить в качестве причины факт, который ещё неизвестен адресату (и это его основное отличие от союза *поскольку*). Анализ также выявил стилевую окрашенность союза: большое количество примеров с ним взято из текстов научного стиля. Союз *так как* способен функционировать как в собственно-причинных, так и несобственно-причинных предложениях, при этом способен соединять вывод и обоснование в любых возможных комбинациях:

1) вывод-мнение и перцептивное обоснование: «*Если суд решит удовлетворить этот пункт иска, то окажется в затруднительном положении, так как Анатолий Владимирович не расшифровал, что имеется в виду под понятием «все расходы», и не указал, в чью пользу их*

надо взыскивать» [Сергей Любимов. Моральный вред с правом передачи (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.04.17];

2) вывод-мнение и обще-информативное обоснование: «*[lafet, nick] А в России и крупный собственник тоже феодал, так как сидит на ренте с полученной общественной собственности»* [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]; «*По существу, он полностью ориентирован только на будущую реализацию на БМК, так как логическое проектирование БМК сводится только к моделированию исходного описания проекта»* [П. Н. Бибило. Логическое перепроектирование схем, реализованных на FPGA, в схемы на базовых матричных кристаллах // «Информационные технологии», 2004];

3) вывод-мнение и частно-информативное обоснование: «*Указанные выше предположения о свойствах потоков событий обычны для прикладных задач, так как эти потоки (или потоки, близкие к ним по свойствам) часто встречаются на практике благодаря предельным теоремам для потоков событий»* [Л. С. Куравский, С. Б. Малых. Применение марковских моделей для анализа эволюции психологических характеристик в популяции // «Вопросы психологии», 2003];

4) вывод-оценка и перцептивное обоснование: «*За этим последуют 15 минут вопросов, в течение которых мне придётся убедить комиссию в том, что моя методика – самая то что надо, что то, что гипотезы не совпали с результатами – это так и задумано, сюрприз, понимаешь ли, что тема актуальна до невозможности, так как мне уже предложили по ней проект на предприятии, и что вся мировая общественность затаив дыхание ждёт, когда же я продолжу свои исследования в аспирантуре»* [Запись LiveJournal (2004)];

5) вывод-оценка и обще-информативное обоснование: *«Целесообразно прочеканить и все остальные участки изделия, так как нагартованный металл лучше звенит»* [Константин Скворцов. От кубка до рыцарского шлема // «Народное творчество», 2004]; *« Так как лавовые поля находятся в низине, расположенной посредине всех основных вулканов, а с них к тому же ещё и постоянно «сползают» облака, то в таких условиях довольно сложно любоваться видами взмывающих вверх гигантов»* [Александр Инвентаж. В краю вулканов и гейзеров // «Зеркало мира», 2012];

6) вывод-оценка и частно-информативное обоснование: *«Такие контакты были особенно ценны, так как разговоры из деловых быстро становились разговорами «за жизнь» и позволяли выяснить многое неявное в поведении и взаимоотношениях ребят»* [М. Э. Боцманова, Р. Д. Триггер. Изучение психологии подростка в лаборатории Д.Б. Эльконина // «Вопросы психологии», 2004]; *«Если компания пригласит нашего сотрудника на должность, например, финансового директора, мы будем приветствовать такое решение, так как оно укрепляет наши отношения с клиентом»* [Ирина Шеян. Потребительский рынок созрел // «Computerworld», 2004];

7) вывод-побуждение и перцептивное обоснование: таких примеров не удалось найти в связи с тем, что союза функционирует в основном в текстах научного стиля, а в них редко используются конструкции со значением побуждения. Тем не менее такое употребление возможно, ср.: *«Так как суммарная толщина трех прослоев оказалась меньше общей толщины пласта (рис. 4), вводим ещё один пласт, предположив, что индикатор по нему ещё не подошёл к добывающей скважине»* [Интерпретация результатов компьютерного моделирования фильтрации воды, нефти и оторочки меченой жидкости для зонально-неоднородного и слоисто-неоднородного нефтяного пласта-коллектора //

«Геоинформатика», 2004] – *Так как суммарная толщина трех прослоев оказалась меньше общей толщины пласта, нужно ввести ещё один пласт, предположив, что индикатор по нему ещё не подошёл к добывающей скважине;*

8) вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: «*Однако необходимо нахождение «золотой середины», так как развитие туризма увеличивает давление на экосистему озера» [Национальное богатство республики Бурятия // «Вопросы статистики», 2004];*

9) вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: «*Может быть сходить с дочкой к детскому гинекологу, так как это может быть инфекция и ребёнка попросту зуд беспокоит» [Наши дети: Подростки (2004)].*

При этом можно отметить, что *так как* чаще всего используется для присоединения придаточного предложения к выводу-оценке (примерно 30 % рассмотренных примеров), и редко – для присоединения перцептивного обоснования (таких случаев меньше 5 %).

Как в примерах с союзом *поскольку*, придаточная часть, присоединяемая союзом *так как*, может находиться в постпозиции. На семантику конструкции вывода-обоснования это никак не влияет.

Союз «оттого ..., что»

Данному союзу справедливо уделить особое внимание, поскольку касательно его статуса между лингвистами нет согласия: РГ-80 (а также Русская корпусная грамматика как её современная версия) и Е. С. Ярыгина характеризуют его по-разному. С точки зрения Е. С. Ярыгиной, нерасчленённый вариант союза может соединять части конструкций вывода-обоснования. Однако два первых труда отказывают ему в такой

способности: в РГ-80 он относится к числу союзов дифференцированного значения, выражающих собственно-причинные отношения, а О. Е. Пекелис отмечает, что «Союз *оттого что*, в отличие от *потому что*, не употребляется ни эпистемически, ни иллокутивно» [Пекелис, 2015, с. 65]. Причину этого лингвист видит в близости союза *оттого ... , что* к сочетанию *от того..., что*, от которого оно и произошло, и, как следствие, прочной связи с предикатом главной предикативной части. Тем не менее она же отмечает, что у союза есть употребления, близкие к эпистемическому, приводя в пример следующее предложение: «*Должно быть, то было вечером, оттого что, отойдя от вокзала, Володя мне вспоминается как тень, бредущая рядом со мной по пустой дачной улице*» [Э.Ю. Триоле. Заглянуть в прошлое (1956-1957)]. «Близким» О. Е. Пекелис называет данное употребление союза потому, что союз в данном случае связывает не предикативные части, а вводное сочетание слов *должно быть* и придаточную часть: «Выражение *должно быть...* сближается с отдельной клаузой, а не с вводным словом» [Пекелис, 2015, с. 65]. Т.е. «должно быть X, оттого что Y»: союз здесь не имеет эпистемического значения.

Тем не менее, поскольку вводные слова, даже близкие по своему значению и строению к полноценным предикативным частям, предикативными частями всё-таки не признаются, приведённая выше конструкция квалифицируется как несобственно-причинное предложение. Таким образом, союз *оттого ... , что* всё-таки может использоваться в несобственно-причинных конструкциях, хотя модус мнения в таком случае должен быть маркирован эксплицитно. Ср. пример выше без вводного сочетания слов: «*То было вечером, оттого что, отойдя от вокзала, Володя мне вспоминается как тень, бредущая*

рядом со мной по пустой дачной улице. Подобное предложение возможно, однако его восприятие затруднено.

Анализ примеров показывает, что, несмотря на возможность употребления в конструкциях вывода-обоснования, для нерасчленённого варианта союза *оттого что* подобное употребление нетипично: почти все конструкции вывода-обоснования с ним относятся к «сумеречной зоне» – главная часть предложения маркирована как субъективное мнение прежде всего посредством экстралингвистических факторов и пресуппозиций реципиента. Возьмём следующий пример: *«Он смотрел на меня так пристально, как умеют смотреть только люди с бесцветными прозрачными глазами, оттого что главное в таких глазах – зрачки; этого парня на дно реки положить и над рекою склониться – в озноб бросит от пристального упорного черного льда со дна, будто и нет воды, будто один на один со зрачками»* [Светлана Василенко. За сайгаками (1997-2000)]. Вывод (*«Он смотрел на меня так пристально, как умеют смотреть только люди с бесцветными прозрачными глазами»*) маркирован модусом мнения лишь в том случае, если реципиент не разделяет мнения автора (например, считает, что самый пристальный взгляд как раз у людей с тёмными глазами). В случае согласия с точкой зрения автора конструкция воспринимается как собственно-причинная. Это, в большей или меньшей степени, касается и других конструкций вывода-обоснования с *оттого что*.

Гипотетически данный союз способен функционировать в конструкциях с любой семантикой вывода и обоснования, на практике же он тяготеет к соединению вывода-мнения или оценки с частно-информативным и обще-информативным обоснованием: *«Расставленные тут и там пикеты обманутых избирателей, оттого что уже перестали быть важнейшей новостью дня, выглядели будто кучки приезжих из провинции, их главный хоровод перед ребристой,*

точно покосившейся от солнечного толчка башней областных властей казался выступлением художественной самодеятельности» [Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке (2000-2001) // «Октябрь», 2001] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Язык работает, а душа в потемках: я не левый, я не правый, я хитрый, оттого что разумный!»* [Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование); *«Оттого что это партия московской бюрократии и московского капитала, приближенного к Лужкову, ее победа означает сохранение того же олигархического режима, только со сменой олигархов»* [Борис Немцов. Провинциал в Москве (1999)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Оттого что он частенько играл простоватых мастеровых, людей необразованных, зрителю могло показаться, что он и сам такой в жизни»* [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Не страшен он, оттого что это не черт, искушающий, науськивающий грешить, а будто б домовой»* [Олег Павлов и др. [Рецензии] (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование).

Расчленённые союзы. Союзы «оттого, что» и «потому, что»: расчленённые варианты

Расчленение запятой возможно для всех сложных причинных союзов, кроме союзов *так как* и *потому как*. Это приводит к появлению двух вариантов одного союза: расчленённого (с запятой внутри) и нерасчленённого (без запятой внутри). Расчленённый вариант отличается от нерасчленённого меньшей степенью грамматикализации, близостью к сочетанию, от которого произошёл союз, и, как следствие, более крепкой связью с предикатом главной предикативной части.

Нерасчленённый вариант союза связан с описанной в главной предикативной части ситуацией в целом; Е. О. Пекелис приводит следующий пример: «*Мне иногда становится страшно из-за того, что я человек эмоционально неуравновешенный, могу сорваться*» [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (1999)] – *Мне иногда становится страшно, из-за того что я человек эмоционально неуравновешенный*. В первом случае приведена одна из причин страхов; т. е. иногда становится страшно (предикат) по указанной причине, а иногда – по другим причинам. Во втором же случае адресант приводит первую и единственную причину того, что возникает ситуация, описанная в первой части (*мне иногда становится страшно*).

Следствием подобной особенности становится то, что союз не может функционировать в конструкциях вывода-обоснования; по крайней мере, таково общепринятое мнение [Русская грамматика, Т. 2, 1980; Ярыгина, 2002; Пекелис, 2012]. Прежде всего это касается расчленённых вариантов союза *потому ... , что*, и отчасти *оттого ... , что* (сложный союз *судя по тому ... , что*, как было показано выше, функционирует только в конструкциях вывода-обоснования, причём как в расчленённом, так и нерасчленённом виде).

Тем не менее анализ примеров показал, что при чёткой маркировке мнения или оценки средствами языка или посредством экстралингвистических факторов возможно употребление расчленённых союзов и в несобственно-причинных конструкциях. Например: «[NightShine] *Удивительная история и очень трогательный фильм. Трогательный **потому, что** это биография не злого хладнокровного преступника, а человека с по-детски наивным, но очень острым, дерзким и изворотливым умом*» [коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)]. Первая часть маркирована как оценка и посредством оценочной лексики (*трогательный*), и посредством экстралингвистических факторов:

данный пример взят из рецензии на фильм с сайта «Кинопоиск». Другие примеры: *«Хотя процент излеченных героиновых наркоманов во всём мире ничтожен, первый подход гуманнее и перспективнее уже **потому, что** в значительной степени декриминализирует наркоманию»* [Георгий Летов. Героиновая шкатулка (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование); *«По словам Александра Суворова, генерального директора компании «Скороход-мода», о серьезном импортозамещении трудно говорить еще и **потому, что** российский производитель не может предложить ритейлу широкий ассортимент продукции в силу отсутствия у нас базовой индустрии обувного производства: производителей подошв, кожевенных и текстильных материалов»* [Наталья Литвинова. Сколько обуви надо человеку? // «Эксперт», 2014] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Тогда – хорошая новость: немедленного кризиса ждать не приходится просто **потому, что** он никому не нужен; он сам по себе состоится, в положенное циклом время, и не из-за одного судебного дела, а в результате продолжающегося бездействия правительства или открытой безнаказанности ловких проделок олигархов»* [Александр Дейкин. Своя игра (2003) // «Время МН», 2003.08.02] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); *«А Столыпин либерал **потому, что** хотел утвердить в стране те ценности, которые необходимы для развития либерализма»* [Ольга Филина, Владимир Кантор. Как трудно быть свободным // «Огонек», 2014] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование). Есть даже случаи конструкций вывода-обоснования с расчленённым союзом *оттого ..., что*, хотя они и имеют единичный характер: *«Красота человека-женщины, гимн ей – вот главная мелодия постановки. Может быть, пьеса Арбузова и шире одного этого мотива, но **оттого, что** он, этот мотив, выделен Эфросом так крупно, так ярко, так звонко и*

поэтично, постановка хороша» [Виктор Розов. Режиссер, которого я люблю (1990-2000)] (вывод-оценка и перцептивное обоснование).

Таким образом, прочная связь союза с предикатом главной части – не препятствие к способности функционировать в несобственно-причинных предложениях, если данный предикат является одним из факторов, маркирующих главную часть как мнение или оценку. Вместе с тем случаи конструкций вывода-обоснования с расчленённым союзом немногочисленны. Также следует отметить то, что все они относятся к текстам, созданным в самом конце XX – начале XXI века, причём к публицистическим текстам (рецензию в интернете и запись в блоге можно с натяжкой отнести к числу публицистических текстов). Акцентирование местоименного компонента, на наш взгляд, не столько подчеркивает его связь с предикатом главной предикативной части, сколько создаёт смысловое ударение на придаточной части – обосновании, придавая всей конструкции экспрессивность и выразительность.

По этой причине мы считаем, что расчленённость союза запятой нельзя считать маркером собственно-причинной конструкции даже в случае союзов *потому что* и *оттого что*.

1.3.3. Другие причинные союзы

Рассмотренные выше союзы – центральные, наиболее частотные, но, конечно же, не единственные причинные союзы в русском языке. Помимо них достаточно употребительны стилистически нейтральные союзы *из-за того ...*, *что* и *благодаря тому ...*, *что* и имеющий разговорную окраску союз *потому как*. Также есть достаточно большой блок книжных союзов (*вследствие того ...*, *что*; *ввиду того ...*, *что*; *в результате того ...*, *что*; *на основании того ...*, *что* (*на том основании*

..., что) и т. д.) и союзов, в данный момент являющихся устаревшими (*понеже; поелику; зане* и т. д.).

Большей части этих союзов лингвисты отказывают в способности функционировать в конструкциях вывода-обоснования. РГ-80 и Е. С. Ярыгина делают исключение лишь для союзов *потому как* и устаревшего *потому*.

Союз *потому как* является почти полным синонимом союза *потому что*, за исключением двух особенностей:

1) он не может разделяться запятой, что говорит о полном разрыве связей с сочетанием местоимения и союза, от которого произошла данная единица;

2) он не является стилистически нейтральным, будучи характерным для разговорного стиля и просторечия.

В остальном он не обладает какими-либо существенными особенностями. О. Е. Пекелис относит его к числу союзов, не имеющих эпистемического употребления. Тем не менее анализ показал, что *потому как* способен функционировать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных конструкциях. При этом он не накладывает никаких ограничений на тип вывода или обоснования:

1) вывод-мнение и перцептивное обоснование: «*Эта вся сцена происходила у входа в поликлинику, почти на ступенях, между растаявшей лужей и грязным кустом культурных городских насаждений, а плачущая особа, скорее всего, имела непосредственное отношение к районной медицине, презираемой и ненавидимой Козелкиным, потому как пальтишко было брошено поверх стандартно-серо-белого халата, который ей был явно не по размеру, а на голове высилась медсестринская шапочка*» [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)];

2) вывод-мнение и обще-информативное обоснование: «[oleg_nn, муж] Деньги администрации будут нужны, **потому как** доходы крупных предприятий падают» [неизвестный. Подробности о возможной «национализации» перевозок общественным транспортом в Нижнем Новгороде (2015.04.06)];

3) вывод-мнение и частно-информативное обоснование: «Из старых людей остался только этот удивительный писарь, который, по словам знающих людей, ногой писал даже ещё грамотней, чем рукой, хотя ему, хозяину буйволицы, от этого никакой пользы не могло быть, **потому как** его бедные индюшки затерялись между двумя властями, ну и орехи, конечно, то же самое» [Фазиль Искандер. Бедный демагог (1969)];

4) вывод-оценка и перцептивное обоснование: «Однозначно, положительные. **Потому как** жалоб становится все меньше. Что, конечно, радует» [Людмила Данилкина. Аты-баты, шли солдаты (2012.12.01) // «Новгородские ведомости», 2012];

5) вывод-оценка и обще-информативное обоснование: «Но Киреевой удалось ее убедить, что вовсе даже и не странно, **потому как** у Надежды Михайловны был специальный талант убеждать» [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)];

6) вывод-оценка и частно-информативное обоснование: «Ямскому концу это не по губе, **потому как** они подстроили, чтоб Федя оказался против самых что ни есть крепких бойцов и никуда выскользнуть не мог» [П. П. Бажов. Широкое плечо (1948)];

7) вывод-побуждение и перцептивное обоснование: «Мне иногда приходится от дочки слышать жалобы на то, что учителя требуют то блузку сменить, то туфли, то юбку, **потому как** она недостаточно темная» [Людмила Данилкина, Ольга Лиханова. Форменное безобразие (комикс) (2013.04.16) // «Новгородские ведомости», 2013];

8) вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: «Почему нам не вернуться тогда к стирке без стиральной машины, а готовить исключительно здоровую пищу ровно на один день, **потому как** всякое разогревание вредно для организма» [коллективный. Форум: Если подросток не хочет учиться (2013)];

9) вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: «Условие моё простое: молодой человек обеспечивает дом дровами, молодая хозяйка следит за домом, обихаживает его и, как медсестра, помогает мне, **потому как** я после тяжёлой операции» [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)].

Ситуация с союзом *потому как* однозначна – он может функционировать и функционирует в несобственно-причинных предложениях. Все остальные перечисленные выше союзы РГ-80 относят к числу союзов недифференцированного значения, не способных соединять части несобственно-причинных предложений. Тем не менее анализ языкового материала заставил нас сделать иной вывод: почти все эти союзы могут функционировать в конструкциях вывода-обоснования с информативным обоснованием, если в главной части чётко маркированы оценка, мнение или побуждение (например, посредством оценочной лексики, модальных слова *нельзя*, *должен* и др.). Иногда главная часть маркирована как мнение посредством экстралингвистических факторов: например, если в ней озвучивается точка зрения на какую-либо ситуацию, отличающаяся от общепринятой.

К примеру, союз *из-за того ..., что* отличается малой степенью грамматикализации; он настолько близок к предложному сочетанию, что некоторые лингвисты даже не считают его союзом (например, В. Ю. Апресян [Апресян, 2011]). Вследствие этого он прочно связан с предикатом и теоретически не может соединять части несобственно-причинных предложений. Однако рассмотрим этот пример: «*И главное,*

погиб ни за грош – из-за того, что Володька Синицын с бодуна не вышел в тот день на работу» [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001] (тире в данном случае маркирует паузу и выделяет интонационно придаточную часть, а потому предложение остаётся сложноподчинённым).

В роли предиката главной предикативной части используется фразеологизм *погиб не за грош*, отличающийся экспрессивностью и ярко выраженной оценочностью, – и это маркирует первую часть как оценку. Вторая же имеет модус частного знания и, следовательно, является частно-информативным обоснованием. Таким образом, это предложение нельзя охарактеризовать иначе, как конструкция вывода-обоснования.

Вместе с тем случаи с союзом *из-за того ...*, *что* малочисленны, можно сказать, единичны: «*Эту оценку едва ли можно считать достаточно надежной не только из-за большого разброса величин (который может быть объяснен и тем, что в больших цифрах учитывались не только эксплуатационные расходы, но и расходы на разработку, на экспериментальную отработку, на создание заводов), но и из-за того, что* заработная плата в нашей стране была в несколько раз ниже, чем в развитых странах Запада» [Константин Феоктистов. Траектория жизни (2000)] (вывод-мнение и общеинформативное обоснование); «*Это наше желание продиктовано и чисто организационными причинами: из-за того, что* загородная дача, где живут артисты, может вместить в себя лишь 10-12 человек, организаторам фестиваля надо дать время, чтобы отправить одного артиста (или коллектив), встретить и поселить другого» [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] (вывод-побуждение и общеинформативное обоснование).

Рассмотрим примеры с другими союзами, функционирование которых в конструкции вывода-обоснования нетипично, однако встречается.

Союз «благодаря тому ..., что». В целом данный союз имеет семантику благоприятной причины: фразу *Я не смог поехать **благодаря тому, что** заболел* мы неминуемо воспримем в том ключе, что у говорящего не было желания совершать поездку, а потому невозможность поехать, пусть даже из-за болезни, его очень радует. Подобно своему частичному антониму *из-за того что* данный союз тоже очень редко встречается в конструкциях вывода-обоснования, например: *«Бренд Motorola может вернуться на российский рынок **благодаря тому, что** китайская компания Lenovo приобрела у Google бизнес по производству смартфонов Motorola Mobility»* [Коротко // «Эксперт», 2014] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Хотя только что вышедший альбом-каталог избранных произведений Николая Чехова с очевидностью демонстрирует: художник – и талантливый – состоялся, и это **благодаря тому, что** многое из его наследия удалось разыскать и по-новому оценить»* [Дмитрий Капустин. Сильный, русский талант... // «Знание – сила», 2009] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование).

Союз «в результате того ..., что». Можно сказать, что для этого союза крайне нехарактерно функционирование в конструкциях вывода-обоснования, поскольку примеры таких конструкций, во-первых, малочисленны, во-вторых, многие из них относятся к числу промежуточных случаев – главная часть маркирована как мнение экстралингвистическими факторами. Примеры: *«Так, по словам директора департамента стратегического анализа аудиторско-консалтинговой компании ФБК Игоря Николаева, **в результате того, что** страна на целую декаду выпадает из привычной жизни, мы*

*недосчитаемся порядка 700 млрд рублей (а это более 2% от ВВП)» [Вадим Бондарь. Веселится и ликует весь народ // «Однако», 2009] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); «Опасность наркобизнеса усиливается в **результате того, что** он стал серьезным финансовым подспорьем для деятельности международного терроризма» [Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (2009)] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «**В результате того, что** фрагменты цепочек, соответствующих распознаваемым объектам, могут перекрываться, операция выделения всех непересекающихся объектов является в принципе неоднозначной» [Выделение объектов в тексте на основе формальных описаний (2003) // «Информационные технологии», 2003.12.29] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование) и др.*

Союз «ввиду того ..., что». *«Как уже не раз подчеркивалось, **ввиду того, что** при геоэкологических исследованиях необходимо учитывать большой объём характеристик природных и промышленных объектов, причём последние являются чрезвычайно разнообразными и обладают пространственно-временными свойствами, то поэтому одним из наиболее приемлемых методов анализа является подход, использующий картографическую компьютерную информацию» [Оценка геологической устойчивости гидросферы экосистемы регионов Иордании как элемент автоматизированной системы гидроэкологического мониторинга // «Геоинформатика», 2003] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование); «Дальше Ильчин сказал, что, **ввиду того что** в журнале напечатана только треть романа, а знать продолжение до зарезу необходимо, мне следует прочитать по рукописи это продолжение ему и Мише, а также Евлампии Петровне, и, наученный опытом, уже не спросил, знаю ли я её, а объяснил сам, что это женщина-режиссёр» [М. А. Булгаков. Записки покойника*

(Театральный роман) (1936-1937)] (вывод-побуждение и общеинформативное обоснование); *«Поэтому личное сообщение моё о возбуждении мною преследования против влиятельной и поставленной в исключительные условия особы духовного звания не встретило со стороны графа Палена ни неприязненного, ни бесплодного сожаления, а лишь указание на то, что мне, вероятно, придётся встретиться с попытками косвенных давлений на себя и на судебного следователя и с ходатайствами весьма высокопоставленных лиц **ввиду того, что** многочисленные покровители Митрофании откажутся верить в возможность совершения ею преступления»* [А. Ф. Кони. Игуменья Митрофания (Из записок и воспоминаний судебного деятеля) (1908)] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); *«А **ввиду того, что** деятельность я могу чередовать, то и отдыхать могу»* [Алексей Лобанов, Наталья Николаева. Алексей Лобанов: «Интересно себя попробовать» // «За науку», 2013] (вывод-мнение и общеинформативное обоснование); *«Особенно это актуально **ввиду того, что** опасность и для России, и для Ирана исходит из одного и того же источника»* [Денис Жуйков. Москва сближается с Тегераном (2008.09.15) // <http://www.rbcdaily.ru/2008/09/15/focus/379383.shtml>, 2008] (вывод-оценка и общеинформативное обоснование).

Особенностью данного союза является его стилистическая маркированность: он часто функционирует в текстах официально-делового стиля, а также в тех фрагментах текстов иных стилей, которые озвучивают какие-либо распоряжения, указы и повеления, например: *«Он выразил мне соболезнование, поговорил со мной о том о сем – мы были немного знакомы, – а уходя, предъявил мне два постановления: одно – о привлечении меня к ответственности по такой-то статье уголовного кодекса и по такому-то примечанию к ней – и другое – об избрании меры пресечения (подписка о невыезде) **ввиду того, что** по*

состоянию здоровья обвиняемый участвовать в следствии и суде не может» [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943-1958)]; «**Но ввиду того, что** безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиной волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора» [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]; «**Ввиду того, что** средства фонда *BenevolenceInternational* или на финансирование закупок военного обмундирования и оружия в Чечню, российские пострадавшие имеют право на часть конфискованных финансовых средств» [Игорь Трунов. Терроризм и совершенствование правовых основ контртеррористических действий (1 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01]; «**Именем Российской республики народный суд Свердловского района постановил: издательство обязано выплатить автору все 100% гонорара ввиду того, что** рукопись отклонена уже после одобрения» [Л. К. Чуковская. Процесс исключения (Очерк литературных нравов) (1978)] и др.

Союз «в связи с тем ..., что». «Ситуация там продолжает оставаться достаточно сложной, но, на мой взгляд, **в связи с тем, что** мировое сообщество смогло выработать единый подход к решению проблемы Афганистана, она всё-таки развивается в позитивном ключе» [В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); «**Прошу уволить меня по собственному желанию, в связи с тем, что** я не могу работать на хозяина» [Елена Съянова. «...А свободу — на паперть!» // «Знание-сила», 2012] (вывод-побуждение и частно-информативное обоснование); «Я записал фамилии пограничников, сказал им, что они, скорее всего,

«попадут на деньги», в связи с тем, что обратный вылет будет задержан по их вине, на что получил исчерпывающий ответ, куда мне идти и что мне там делать.....» [коллективный. Форум: Млечный путь над Анталией (2011)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование) и др.

Союз в «силу того ..., что». *«Ни о каком едином экономическом пространстве речи будет вести нельзя в силу того, что возможностей для проведения единой экспортно-импортной политики не останется» [Екатерина Григорьева, Елена Загородняя, Игорь Моисеев. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз (2003) // «Известия», 2003.02.24] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); «Раньше Дима смотрел бы на этого человека остро и осмысленно: идёт один из нас, но особенный, несёт свой мир в себе, идёт, переставляя Божий дар – ноги, не чувствуя, бедный, радости от одного хотя бы этого, идёт по делам, которые ему кажутся обыденными и мелкими, для Димы же они значительны и таинственны уже в силу того, что он ничего о них не знает и волен вообразить и подарить этому человеку хоть кругосветное путешествие, хоть полёт в космос, идёт он, купаемый теплом лета, пересекает улицу, перенося собою своё прошлое, настоящее и будущее – в другое пространство; вот солнце осветило его ярко, а вот тень его осенила... счастье ему жить, прекрасен, хорош он!..» [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование); «В силу того что ваши рестораны относительно доступны по цене, у меня сложилось впечатление смешанной целевой аудитории: за соседними столами может сидеть обеспеченный человек и, условно говоря, турист из гостиницы «Космос» [Лина Калянина, Александр Раппопорт. «Если вы видите красивые, интересные, свежие лица — это моя публика» // «Эксперт», 2015] (вывод-мнение и перцептивное*

обоснование); *«Последним конкурентом остается Пекин, но в силу того, что он уже принимал Олимпиаду летом 2008-го, шансов на еще одни Игры у Китая немного»* [Александр Беляев. Спорт. Стадион // «Огонек», 2014] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование) и др.

Союз «вследствие того ..., что». *«Оно не может быть одним и тем же не только психологически, но прежде всего – феноменологически, вследствие того, что, говоря о «страхе здесь и сейчас», мы всякий раз имеем дело с уже другим объективным содержанием сознания, другим, чем то, что называлось словом «страх» в другое время и называется им в другом месте или будучи приписано другому мыслящему»* [Александр Пятигорский. Страх из 2009 года // «Неприкосновенный запас», 2009] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); **«Вследствие того, что коммуникативный импульс не понимается Лосевым как непосредственно выраженный в лексико-семантической форме, возникающий смысловой зазор между тем, что формально выражено в высказывании, и его коммуникативным зарядом предопределяет вариативность понимания, становящегося зависимым не только от самого коммуникативного импульса, но и от воспринимающей стороны»** [Л. А. Гоготишвили. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А. Ф. Лосева) (2006)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); **«Вследствие того что такой вариант может снизить эффективность межтерриториального перераспределения доходов, а также помешать фискальной стабилизации, он не представляет собой наиболее эффективный метод мобилизации государственных ресурсов и может создать неадекватные стимулы для местных органов власти в отношении финансирования национальных расходных обязательств»**

[Т. В. Грицюк. Проблемы организации государственных финансов в многоуровневой структуре (2003) // «Финансы и кредит», 2003.04.21] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование) и др.

Союз «по причине того ..., что». *«В связи с этим, нельзя согласиться с А.Ф. Вороновым, который утверждает, что международный гражданский процесс не является составной частью внутригосударственного процессуального права по причине того, что «один из источников международного гражданского процесса – международные договоры... не может рассматриваться в качестве источника внутреннего гражданского процессуального права»* [Международный гражданский процесс как составная часть внутригосударственного гражданского процессуального права (2003) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2003.03.24] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«И всё-таки данный обзор неполон – по причине того, что автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, – а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым»* [протоиерей Георгий Флоровский. Христос и Его церковь. Тезисы и критические замечания (1955-1956)] (вывод-оценка и перцептивное обоснование); *«Я полагал, что он хочет завести потаинный завод, о котором он прежде поговаривал; думал я, что он хочет удивить меня и припасти для меня свадебный подарок, показав на опыте, что он может заниматься чем-нибудь дельным, по причине того, что я его часто журил за его пустодомство; однако же я никаких приготовлений для такого завода не заметил и ныне не вижу»* [В. Ф. Одоевский. Сильфида (1837)] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование) и др. В целом данный союз в несобственно-причинных предложениях используется редко.

Союз «на основании того ..., что». *«Я не обязан терпеть всякое приезжее, тупое быдло только на основании того что у них другая национальность»* [Национал-анархизм (форум) (2006)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Переход к новой социальной ситуации развития или деятельности является кризисом не по признаку внешней яркости, непредсказуемости поведения или трудновоспитуемости, а на основании того, что он характеризуется единством созидания и разрушения, непрерывности и прерывности»* [К. Н. Поливанова. Становление возрастной психологии в Психологическом институте (2004) // «Вопросы психологии», 2004.04.13] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование) и др.

Примеры конструкций вывода-обоснования с данным союзом немногочисленны. Вместе с тем многие предложения с данным союзом содержат эксплицитное указание на ментальное действие (подчёркнуто): *«Причем неизвестно, располагал ли он при этом какими-то источниками или делал свои заключения на основании того, что в творениях святителя встречаются еще выписки из Василия Великого, Макария Египетского, Августина и Иеронима»* [Два труда об истинном христианстве (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.02.23]; *«Их использование в условиях гомогенных производственных систем является, безусловно, оправданным, но приводит к искажению реальной ситуации в условиях гетерогенных систем, когда, например, вывод об одинаково эффективной работе двух различных подразделений делается на основании того, что выпущенная ими продукция имела одинаковую трудоемкость»* [А. И. Коршунов, Б. А. Якимович. Разработка элементов информационной системы машиностроительного предприятия с использованием показателя конструктивно-технологической сложности (2004) // «Информационные технологии», 2004.06.28]; *«Бозций утверждает единоличие Христа на основании*

того, что Сам Он и все с Ним связанное есть уникальное событие, совершившее переворот мира» [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел II. Творец и род (2006)] и др. В таких случаях отношения между предложением, содержащим описание ментального действия, и предложением, описывающим причину этого ментального действия, собственно-причинные. Однако семантику всей конструкции можно охарактеризовать как несобственно-причинную: автор описывает заключения и третьего лица и те обоснования, которое оно привело.

В некоторых случаях союз *на основании того, что* приобретает семантику мнимой причины, сближаясь таким образом с союзами *под тем предлогом что, под видом того что и под предлогом того что* (см. подразд. 1.3.4), например: *«Князь Владимир отказал эмиссарам ислама на основании того, что «веселие Руси есть питу»* [Эркин Тузмухамедов, Борис Родинов. Великая водочная революция // «Однако», 2009]; *«Самое интересное, что в 2005 году уголовные дела Генпрокуратурой были закрыты на основании того, что «взяткодателем может быть исключительно физическое лицо», а «данных о том, что Тимошенко Ю.В. и Тимошенко А.Г. лично или через посредников давали Лазаренко П.И. взятки, следствием не получено»* [Юрий Тюрдьо. Страна на крючке // «Однако», 2009]; *«Непонятно, почему российские аниматоры такой возможности лишены на основании того, что киностудия «Союзмультфильм» когда-то платила им зарплату»* [Ольга Фам. Рваный Чебурашка // «Однако», 2009] и др.

Союз *«исходя из того ..., что»*. *«Исходя из того, что я о нем знаю, он будет неплохим президентом»* [коллективный. Порох // «Русский репортер», 2014] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование); *«Но, исходя из того, что в 1703-м Меншиков построил дом на Городовом острове, и только со следующего года – на Васильевском,*

то, вероятно, последний был подарен Меншикову именно в 1704 году» [Екатерина Андреева. Где жил «полудержавный властелин»? (2007) // «Родина», 2011] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Этот фильм, конечно, можно интерпретировать и как пацифистский, и как антивоенный, но исходя из того, что говорилось ранее, следует признать, что Кубрик концентрирует свое внимание не на войне как возможном проявлении жизни (все это остается за рамками картины), а на логике насилия, для которой война оказывается прекрасным местом эксперимента»* [О. В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. I (2007)] (вывод-мнение и перцептивное обоснование) и др.

Рассмотрим также несколько устаревших союзов с точки зрения способности функционировать в конструкциях вывода-обоснования.

Союз «через то ..., что». *«Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу»* [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Мир самобытен именно через то, что он заключен в ничто или сотворен из ничего»* [С. Н. Булгаков. Свет невечерний (1916)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Боевитого надо командира, вот почему! Надо дюже боевитого, через то, что это — дело нешутейное. С переправой можно так засыпаться, что ни один не возвратится!»* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)] (вывод-побуждение и частно-информативное обоснование) и др.

Союз «для того ..., что». *«Ведомость о преступлениях уголовных; сии ведомости нужно иметь из всех губерний для того, что уголовные законы во всех краях России суть почти одни, а образ мыслей, нравы и обычаи суть различны, потому что народы, Россию поселяющие, суть разнаго происхождения, разных исповеданий и разным говорят языком, что законы и гражданские постановления суть не одинаковы; для того*

*и побуждения к преступлениям и действительное оных произведение будет различно, и мало размышляющему уже может быть понятно, сколь много законы гражданские соразмерять должны законы уголовные, и что в них лежит предупреждение преступлений или к оным повод» [А. Н. Радищев. О законоположении (1801-1802)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); «Всякое иное существо, сотворённое вместо нас, столько ж бы совершенно, как мы, занимало наше место в сём мире; следовательно, мы богу были угоднее других бесчисленных веществ, им не сотворённых **для того, что** он нас сотворил» [Н. И. Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру (1777)] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование); «Таким образом Макиавел думает, что христианская религия весьма полезна злым людям, **для того что** она в их волю предаёт добрые сердца, но в самом деле нет такого закона, который бы так утешал несчастных, как евангелие, которое повелевает иметь столько же снисхождения, сколько и повиновения» [Н. И. Новиков. О добродетели (1775)] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «Я желал бы, чтоб господа, мало знающие язык, не следовали такому наставнику, **для того что** чужестранные слова совсем им не годятся и не всякий русский человек поймёт их знаменование, да и зачем без нужды употреблять ненужное, и ежели сказать правду, то они служат больше нам вредом, нежели щеголеватым наречием» [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)] (вывод-побуждение и частно-информативное обоснование) и др.*

Союз «затем ..., что». «Стали рассматривать, для удобства прислонив виноватого к печке, и увидели, что действительно хмелю тут не было, да и кондрашка не трогал, а был другой какой ни есть грех, **затем что** Семён Иванович и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами, в недоумении

устанавливаясь то на того, то на другого ночным образом костюмированного зрителя» [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)] (вывод-мнение и перцептивное обоснование); «Приличен каждый зверь, носящий сзади хвост, Затем, что он умен, а между прочим прост» [М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование); «И, о мой сын, во-первых, помни: добрым будь, А во-вторых, о сын мой, помни: злым не будь, **Затем, что** это лучше, чем обратное» [М. Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)] (вывод-побуждение и частно-информативное обоснование); «И если бы не старание Ломоносова, то бы лекции тогда вовсе пресеклись, **затем что** расположение тогдашнее профессорское и студентское житье по разным квартирам требовало, чтоб кафедре быть в академических палатах» [М. В. Ломоносов. Краткая история о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени (1764)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование) и др.

Союз «ради того, что». Большая часть этих конструкций имеет вывод, маркированный как побуждение: «**Ради того, что** я делал для граждан, вы должны простить меня» [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3-4 (1983)]; «Не связать же себя навеки **ради того, что** глупый случай вдруг сделал меня отцом!» [К. М. Станюкович. Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим (1879)]; «Дерзаю петь – это в переводе на обыкновенный язык значит: я, ничтожный и непотребный пиита, я, червь, а не человек, до такой степени возмнил о себе, что из низменности, в которой нахожусь, дерзнул обратить взоры на твое, о солнце, сияние; но ты простишь мою дерзость **ради того, что** цель ее – похвала» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Уличная философия (1868-1883)]; «Простите сию невежливость и неловкость **ради того, что** я решился

на половину только пошлости, а мог бы и целую взять вроде: «Даровой хлеб – горек» [П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852-1874)]; «В делах, происходящих по уговорным записям гражданским обыкновенным, закон не должен чинить лицеиства **ради того, что** оное повреждает больше вольность гражданина, нежели способствует выгоде другого; но в уговорах, бывающих по торговле, закон долженствует больше взирать на выгоду всего общества, нежели на вольность гражданина» [Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)] и др.

В других примерах вывод маркирован как мнение: «А ежели я им в манифесте всю волю дам, да землю, да избавлю навеки от солдатства, – как думаешь, Падуров, не приклонятся ли они к государю своему, не пожалеют ли меня, обиженного боярством, для **ради того, что** я народ свой замордованный возлюбил?» [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939-1945)]; «Тем не менее я все-таки опасаясь, что произойдет серьезное недоразумение **ради того, что** до сих пор не устроено телеграфное сообщение с Адрианополем» [Д. А. Милютин. Дневник (1878)]; «Что нужды, что порывы мысли и чувства бесследно пропадут в какой-то бессмысленной пропасти, – человек все-таки будет негодовать и любить ради самого себя, **ради того, что** этого требует сама природа его» [М. Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874-1877)]; «Поверь, милостивый государь, тому, что ни один угодник божий за тебя не вступится, **ради того, что** они недобрых людей, следуя примеру божью, не любят» [А. П. Сумароков. Опекун (1765)] и др.

Нельзя не обратить внимание на архаичность приведённых примеров. Большая часть из них принадлежит произведениям XIX века, и даже XVIII. В примерах из современных произведений союз *ради того* ..., что соединяет предикативные части собственно-причинных

предложений: «В одном только я почти уверена – всё это мне было показано **ради того, что** там мелькнул в толпе теней мой хромой дед с сумрачным лицом» [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого» [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]; «**Ради того, что** выше написано, не стал бы я возбуждать воспоминания и вовлекать читателя в старый сюжет» [Андрей Никонов. Кавказский сейсмоисторический детектив: 20 лет спустя // «Знание – сила», 2003]; «Командир меняет свое решение и разрешает, тем самым рискуя жизнью подчиненного **ради того, что** последнему ужасно хочется поиграть в «орел-решку» со смертью» [«Сказочников» нам не надо... (2003) // «Солдат удачи», 2003.11.05]; «Неужели Иисус мучился **ради того, что** Обыватель и Alexey могли, все забыв и свесив челюсть от восторга, наслаждаться своими плазменными телевизорами и другими баснословно дорогими игрушками?» [Христианство – религия печали (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.16].

Таким образом, справедливо будет считать, что мы наблюдаем процесс, обратный процессу, происходящему с союзом *потому ...*, *что* (разделённым запятой): союз *ради того ...*, *что* ранее относился к числу союзов недифференцированного значения, способных выражать как собственно-причинные, так и несобственно-причинные отношения, однако сейчас превратился в специализированный союз, маркирующий собственно-причинные конструкции.

1.3.4. Союзы, выражающие значение мнимой причины: «под тем предлогом что», «под предлогом того что», «под видом того что»

Эта группа союзов стоит особняком из-за особого значения, которое они выражают. РГ-80 относит их к союзам дифференцированного значения, выражающим собственно-причинные

отношения, однако Русская корпусная грамматика [Пекелис, 2015] придерживается уже иной точки зрения: «Таким образом, его (союза *под предлогом того что* – прим. автора) значение в некотором смысле сложнее, чем значение прототипического причинного союза, скажем, *потому что* – оно содержит не только компонент ‘причина’, но и компонент ‘мнимый’» [Пекелис, 2015, с. 46].

Рассмотрим следующий пример: «*Зою попросили выйти из учительской, так ничего определенного и не ответив, под предлогом того, что им нужно до конца перемены решить кое-какие «производственные» вопросы*» [Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)].

Главная часть имеет нейтральную субъективную модальность, она не маркирована как мнение (или побуждение, или оценка), что уже не позволяет считать данное предложение конструкцией вывода-обоснования. Что ещё более важно, придаточная часть, в свою очередь, имеет субъективную модальность мнимости, маркером которой является именно союз.

Субъективно-модальное значение мнимости выделено Е. Н. Ореховой как частный случай значения предположения; она характеризует его следующим образом: «...говорящий не предполагает о событии, напротив – необходимая информация ему известна. Задача автора речи – заострить полемический характер проблемы, активизировать внимание слушателя» [Орехова, 2011, с. 150]. Среди средств, которые маркируют это значение, Е. Н. Орехова выделяет сочетание союза *но* и вводного слова *казалось бы* (*казалось бы ... , но ...*), частицу *якобы*, вводные единицы *мол*, *однако*, *как казалось*, *кажется на первый взгляд*, *судя по первому впечатлению* и др. Конечно, большое значение также имеет контекст: «...анализ семантики мнимости часто требует выхода за пределы высказывания и рассмотрения более крупных

синтаксических построений, в которых отдельные языковые единицы в силу позиционной закреплённости приобретают особую значимость, служат выражению авторской идеи, усиливают коммуникативную направленность речи» [Орехова, 2011, с. 154] (надо заметить, высказывание Е. Н. Ореховой справедливо и для конструкций вывода-обоснования). Совершенно справедливо будет в круг средств, маркирующих субъективно-модальное значение мнимости, включить и рассматриваемый союз *под предлогом того что*.

Придаточную часть с модальностью мнимости невозможно считать обоснованием: мы не можем обосновывать наш вывод тем, что, по нашему мнению, ложно.

Можно ли тогда назвать данное предложение собственно-причинным? Тоже нет: в причинных предложениях «придаточная часть сообщает о непосредственной истинной причине того, о чем говорится в главной части» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 577]. В данном случае придаточное предложение не просто не сообщает «истинной причины», а сообщает причину внешнюю и ложную.

Все эти рассуждения можно распространить и на другие два союза: *под тем предлогом что* и *под видом того что*.

В какой-то степени отношения в предложениях данного типа можно считать причинно-аргументирующими, но только если использовать данную характеристику не как термин, а как описание семантики этих отношений: придаточная часть описывает аргумент, который используют лица или лицо, но аргумент заведомо ложный. По сути дела, пример выше включает в себе следующие сообщения:

1) Зою попросили выйти из учительской, так ничего определенного и не ответив;

2) обосновали это тем, что им нужно до конца перемены решить кое-какие «производственные» вопросы;

3) этот аргумент не был настоящей причиной того, почему Зою попросили выйти из учительской.

То есть эксплицитно в данном предложении присутствует следующее: *«Выйдите, пожалуйста, из учительской, нам нужно до конца перемены решить кое-какие производственные вопросы»*, что, в свою очередь, является конструкцией вывода-обоснования с выводом-побуждением. Предложение с субъективно-модальным значением мнимости придаточной части описывает результат восприятия адресатом данной конструкции как инструмента коммуникации.

Поскольку предложение с данными союзами невозможно назвать ни собственно-причинным, ни несобственно-причинным, логично будет ввести третий тип: **предложения с мнимой причиной (отношения мнимой причинности)**. Этот тип можно охарактеризовать следующим образом: *сложноподчинённые предложения, в придаточной части которых сообщается о мнимой, хоть и декларируемой причине того, что говорится в главной*. Таким образом, союзы *под предлогом того что*, *под тем предлогом что*, *под видом того что* действительно являются союзами дифференцированного значения, однако они дифференцируют не причинно-аргументирующие отношения, а отношения мнимой причинности.

Интересно то, что отношения мнимой причинности нельзя превратить в несобственно-причинные, маркировав главную часть как мнение. Проведём эксперимент, вставив в главную часть вводное слово *полагаю*, маркирующее главную часть как мнение:

Полагаю, Зою попросили выйти из учительской, так ничего определенного и не ответив, под предлогом того, что им нужно до конца перемены решить кое-какие «производственные» вопросы.

Предложение не потеряло смысл, однако не трансформировалось в конструкцию вывода-обоснования, а превратилось в вывод без приведённого обоснования. Введём обоснование:

Полагаю, Зою попросили выйти из учительской, так ничего определенного и не ответив, под предлогом того, что им нужно до конца перемены решить кое-какие «производственные» вопросы, потому что они всегда так делали.

В таком случае всё сложноподчинённое предложение, приведённое в качестве примера, включается в конструкцию вывода-обоснования, реализованную посредством сложной синтаксической конструкции.

Декларация ложной причины может исходить и от самого автора: «*Вы оттого опять опустили сейчас глаза, – подхватил Ставрогин с раздражительной насмешкой, – что вам стало стыдно за меня, что я в беса верую, а под видом того, что не верую, хитро задаю вам вопрос: есть ли он или нет в самом деле?*» [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]; «*Надо было запретить Гурину брать эти дурацкие лыжи. Под предлогом того, что мешают работе*» [Олег Куваев. Территория (1970-1975)]; «*Я под тем предлогом, что болят глаза, сел в середину зала и, да простит меня Господь, исключительно из-за разницы во времени, уснул*» [Былые времена (2004) // «Вокруг света», 2004.06.15]. В таких случаях автор не выступает третьим лицом, подобием судьбы, который объявляет декларируемую причину ложной, «предлогом», а признаётся читателю в собственной неискренности (либо в этом признаётся персонаж, от лица которого идёт повествование).

1.3.5. Показатели, не вполне выражающие причинность: «тем более что», «тем паче что», «ибо», «раз», «ведь»

О. Е. Пекелис также выделяет группу показателей, которые традиционно (например, в РГ-80) считаются причинными союзами,

однако, по её мнению, таковыми не являются: *ибо*, устар. *бо*, *тем более что*, *тем паче что*, *благо*, *ведь*, *поэтому*, *потому* (в значении, близком *поэтому*) и *раз*. Свою точку зрения лингвист обосновывает следующим образом:

1. Союзы *ибо*, *бо*, *тем более что*, *тем паче что*, *благо* «ведут себя как сочинительные с точки зрения подхода к сочинению и подчинению, основанного на понятии иллокутивной силы» [Пекелис, 2015, с. 35].

2. *Поэтому* и *потому* вводят следствие, а не причину, и не входят в число причинных союзов.

3. Союз *раз* совмещает в себе и причинную, и условную семантику.

4. *Ведь* является частицей с союзной функцией, а не союзом [Пекелис, 2015].

Мы согласны с п. 2: союзы *поэтому* и *потому* выражают следствие, а *потому* не будут рассматриваться в рамках данной работы. Вместе с тем мы не можем обойти вниманием остальные перечисленные единицы.

Союз «*ибо*»

О. Е. Пекелис относит союз *ибо* к числу сочинительных союзов, поскольку он не обладает тремя важными признаками подчинительных союзов:

1) предикативная часть, которую он вводит, не может использоваться в препозиции: * *Ибо пошёл дождь, мы не смогли отправиться на прогулку*;

2) не сочетается с контрастивными частицами: * *Мы не смогли отправиться на прогулку, именно ибо пошёл дождь*;

3) главная предикативная часть не может быть заменена на местоимение: * *Мы не смогли пойти на прогулку. Это ибо пошёл дождь* [Пекелис, 2015].

Мы, однако, не можем считать *ибо* сочинительным союзом ввиду того, что он является полным синонимом союза *потому что*. Не считая перечисленных особенностей, он не обладает стилистической нейтральностью: в РГ-80 *ибо* охарактеризован как «высок.» и «книжный» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 578, 583]. В том числе союз может использоваться для придания тексту не высокой или торжественной, а иронической окраски.

Анализ примеров показал, что союз *ибо* не накладывает ограничений на семантический тип вывода и обоснования. Присутствуют все возможные сочетания:

1) вывод-мнение и перцептивное обоснование: «*Между прочим, при этом будет значительно снижена межнациональная напряженность в стране, **ибо** этот алгоритм есть материальное воплощение христианского принципа национального равенства, при котором нет ни эллина, ни иудея, ни русского*» [Виталий Третьяков. Почему у нас ничего не получается (часть 2) // «Эксперт», 2013]; «*Вне всякого сомнения, передачу Светлана посмотреть успела, **ибо** перед Мстишей возникла на пороге маленькая хрупкая женщина ангельской красоты*» [Евгений Лукин. Грехи наши тяжкие (2013)];

2) вывод-мнение и обще-информативное обоснование: «*Такие понятия, как бой, операция и др., видимо, не исчезнут, **ибо** это формы ведения боевых действий, в т. ч. применения дальнобойного, высокоточного оружия*» [Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003];

3) вывод-мнение и частно-информативное обоснование: «*Но вместо этого опытный господин Ткачев инстинктивно следует*

*неофициальному закону чиновного быта: кому больше позволено, тот и прав. Поэтому в социокультурном отношении он ничуть не выше господина Кадырова. А пожалуй, и ниже, **ибо** тому позволено больше» [Дмитрий Орешкин. Самозащитники Отечества // «Огонек», 2013];*

4) вывод-оценка и перцептивное обоснование: *«Он нашёл случай вступить в разговор с княгиней и сказал какой-то комплимент княжне: она, видно, не очень разборчива, **ибо** с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою» [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)];*

5) вывод-оценка и частно-информативное обоснование: *«В своё время у городских властей даже родилась идея сделать из её квартиры музей быта Петербурга XVIII века. Идея не осуществилась, и это, по моему, к лучшему, **ибо** главной достопримечательностью квартиры была сама хозяйка, без неё всё показалось бы лишь жалкой декорацией» [Сати Спивакова. Не всё (2002)];*

6) вывод-оценка и обще-информативное обоснование: *Конечно, на практике отбор такого рода достаточно случаен, **ибо** заглот всякой машины имеет свой предел» [Максим Соколов. Шляхом Навуходоносора // «Эксперт», 2014];*

7) вывод-побуждение и перцептивное обоснование: *«Так что мы сами во всем виноваты, и что уж теперь задним числом вопить, тем более что, так как я как раз перед закрытием в Летний сад ходил особенно часто, то остро ощущал его умирание, видел, что скульптуры надо спасать, **ибо** они тают на глазах, прямо как куски сахара в стакане чая» [Аркадий Ипполитов. Эпоха Воссоздания // «Русская жизнь», 2012];*

8) вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: *«Для этого, прежде всего, необходимо познать себя, свои духовные силы, пределы своих внутренних возможностей. **Ибо** нередко, переоценив*

себя, и великие державы терпят тяжкие крушения. Так было с Наполеоном. Так было с Россией в эпоху крымской войны» [Н. В. Устрялов. К вопросу о русском империализме // «Проблемы России», 1916];

9) вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: «А дальше можно будет просто жить: петь, фотографировать, забросить в Сену с моста Турнель седой паричок вместе с паспортом Ариадны Арнольдовны фон (!) Шнеллер и возжеленным швейцарским паспортом Камиллы Робинсон. Наконец купить Айе фотокамеру, да, пожалуй, и снять другую квартиру, побольше, **ибо** эта мадам Этингер весьма скоро потребует своей беспрекословной доли свободного пространства...» [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Союзы «благо», «тем более ..., что», «тем паче ..., что»

Наряду с *ибо* к числу союзов, которые, считаясь подчинительными, по сути являются сочинительными, О. Е. Пекелис относит союзы *благо*, *тем более ..., что*, *тем паче ..., что*.

Данные три союза интересны прежде всего тем, что разные лингвисты имеют разные точки зрения на их природу и способность функционировать в конструкциях вывода-обоснования:

1) согласно РГ-80, союз *благо* функционирует только в собственно-причинных предложениях, а союзы *тем более ..., что* и *тем паче ..., что* – только в несобственно-причинных [Русская грамматика, Т. 2, 1980];

2) согласно Е. С. Ярыгиной, ни один из этих союзов не может функционировать в конструкциях вывода-обоснования [Ярыгина, 2012].

Анализ примеров, однако, показал иную картину: все три данных союза способны функционировать как в собственно-причинных, так и в

несобственно-причинных предложениях. Примеры конструкций вывода-обоснования с данными союзами приведены ниже.

Союз «благо»: *«В конце концов, супермаркет – место, где можно дать волю чувствам и совершать покупки по настроению, благо выбор позволяет»* [Владимир Ляпоров. Молодая гвардия. Искусство быстрого завоевания новых рынков сбыта (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Описывать накал чувств в четвёртом акте бессмысленно – это надо видеть и слышать, благо видеозапись того спектакля, который транслировало телевидение, сейчас можно купить (что я и сделала в Америке, поскольку у нас в стране – диву даёшься в очередной раз! – эта кассета не продаётся)»* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Прожить же надеюсь по крайней мере тысячу лет, если справедливо, что по столько лет живут крокодилы, о чём, благо напомнил, справься завтра же в какой-нибудь естественной истории и сообщи мне, ибо я мог ошибиться, смешав крокодила с каким-нибудь другим ископаемым»* [Ф. М. Достоевский. Крокодил (1865)] (вывод-побуждение и перцептивное обоснование); *«Его должно быть много, благо светодиоды не заставляют думать об экономии: свет потолочный, свет торшерный и свет настольный»* [Алексей Шлыков. Последний писк // «Русский репортер», 2014] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование) и др.

Союз «тем более ..., что»: *«В продаже большой выбор готовых фонтанчиков, но любители мастерить вряд ли откажут себе в удовольствии изготовить его самостоятельно, тем более что делается это достаточно просто»* [Ольга Громова. Комнатный фонтанчик – полезная забава (2002) // «Сад своими руками», 2002.12.15] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); *«Особо хотел бы обратиться со словами приветствия к министру иностранных дел*

Габонской Республики. По счастливому совпадению он прибыл с визитом в Москву именно в этот день, что особенно приятно, **тем более что** посол Габона является дуайеном африканского дипломатического корпуса в Москве» [С. В. Лавров. Выступление на приеме в честь празднования Дня Африки // «Дипломатический вестник», 2004] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование); «Именно поэтому мировые тенденции интеграции почтовых и банковских систем следует считать очень плодотворными и заслуживающими самого пристального внимания официальных властей, **тем более что** сотрудничество банковских и почтовых систем востребовано сегодня также многими другими направлениями развития современной экономики» [Денежные переводы мигрантов -- фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование); «Разумеется, разобраться в этом разнообразии «тоже»-патриотов и «почти»-коммунистов рядовому избирателю будет сложно – тем более что состав «конкурирующих команд» и даже их число постоянно меняются [Иван Макушок. Подставные // «Советская Россия», 2003.08.16] (вывод-мнение и перцептивное обоснование); «Во-вторых, если президент согласится с академиками, это будет означать, что он полностью разочаровался в экономическом либерализме вообще и в правительстве в частности. Подобный зигзаг вряд ли возможен, **тем более что** президент верит в свой имидж и в свой рейтинг» [Николай Вардуль. Слова Грефа, музыка Александрова // «Коммерсантъ-Власть», 2002] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «Я попал в большую пробку на Дмитровке, опаздывал больше чем на полчаса, и шансы, что Нина Михайловна меня всё-таки дождётся, были очень невелики – **тем более, что** она ни разу меня не видела и ничем не была мне обязана» [Андрей Волос. Недвижимость

(2000) // «Новый Мир», 2001] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «*Однако: ни в пьяном, ни в трезвом виде даже самый неопытный шофёр не направит машину на движущийся и хорошо обозреваемый транспортный объект, тем более что пространство для маневра имелось*» [Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «*Использование телефонной связи в пропасти – в некотором роде искусство. Руководителю необходимо, с одной стороны, регулярно получать полную информацию, а с другой – как можно меньше беспокоить звонками товарищей, тем более, что линия одна, и, обращаясь к какой-либо одной группе, приходится давать вызов по всем лагерям одновременно*» [Игорь Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994)] (вывод-побуждение и частно-информативное обоснование) и др.

Союз «тем паче ..., что»: «*Пока во главе РАО ЕЭС находится Анатолий Чубайс, постоянно ратующий за получение «живых» денег, Кадырову в отношении «Нурэнерго», как представляется, рассчитывать не на что, тем паче, что на карту поставлена стопроцентная дочка РАО, финансирование которой осуществляется исключительно на средства из прибыли энергетического монополиста*» [Георгий Ковалев. Воскресение республики (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.03.19] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «*На это, видимо, и рассчитано проведение такого рода пресс-конференций, тем паче, что транслируются они на всю Россию*» [Георгий Ковалев. И коротко о себе (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.06.21] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «*Мама начинает осторожно, а потом все более неосторожно выпрашивать подростка, почему он не влюблен. Ничего глупее придумать нельзя, тем паче что во всех родительских вопросах*

*обязательно присутствует нотка огорчения или нравоучения: и здесь, мол, у тебя «двойка», все отличники давно влюблены» [Татьяна Иванова. Первая любовь (2002) // «Семейный доктор», 2002.05.15] (вывод-мнение и перцептивное обоснование); «Ночевка посреди глухого заснеженного леса не предвещала ничего хорошего, **тем паче что** и бензина оставалось немного» [Владимир Спектр. Face Control (2002)] (вывод-оценка и частно-информативное обоснование) и др.*

У рассматриваемых союзов есть свои особенности. Союз *благо* имеет семантику благоприятной причины, как и союз *благодаря тому ..., что*, однако встречается в конструкциях вывода-обоснования гораздо чаще. В то же время союз *тем паче ..., что* – полный синоним союза *тем более ..., что*, однако содержит в своём составе архаизм *паче* (более, больше) и в данное время используется в ироническом ключе или для стилизации текста под архаичный.

Однако есть и сущностная особенность, которая свойственна всем трём союзам и позволяет объединить три данных союза в одну семантическую группу: обоснование (причина для собственно-причинных предложений), которое они вводят, обладает статусом дополнительного, не обязательного комментария. Используя их, адресант, во-первых, маркирует то, что приведённое обоснование (причина) не единственное, во-вторых, приведённое обоснование (причина) не первое по важности, и, в-третьих, он не считает приведение этого факта обязательным, но всё же приводит. Подобная семантика затемняет и ослабляет семантику причинно-аргументирующих отношений «от вывода – к обоснованию» и может быть охарактеризована скорее как «утверждение с комментарием-обоснованием».

Тем не менее, с нашей точки зрения, отнесение предложений с указанными союзами к числу конструкций вывода-обоснования

возможно, однако они сдвигаются в сторону пограничных явлений, находясь на грани «сумеречной зоны».

Союз «раз»

Насчёт союза *раз* у лингвистов есть несколько точек зрения. А. М. Пешковский [Пешковский, 2001, с. 487] относил его к условным союзам; также условным он считается в предшественнице РГ-80 – Грамматике русского языка 1960 года [Грамматика русского языка, Т.1, 1960, с. 668]. К числу условных он относится также в Русской корпусной грамматике [Пекелис, 2015]. В РГ-80 он, однако, относится к числу причинных союзов [Русская грамматика, Т. 2, 1980].

По мнению Е. В. Урысон, «Каждый подход имеет свое основание. Союз *раз* относят к условным, поскольку он синонимичен условному союзу *если*. Союз *раз* относят к причинным, так как он выражает каузальную зависимость между ситуациями и не выражает той связи между ситуациями, которая характерна для союза *если* (мы называем эту связь псевдозависимостью). Строго говоря, союз *раз* находится «на границе» двух разных групп союзов и поэтому не может быть отнесен ни к одной из них» [Урысон, 2011, с. 50]. Похожей точки зрения придерживаются Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук: «РАЗ не выражает условное отношение. <...> РАЗ не выражает причинное отношение. <...> РАЗ выражает естественность факта Р (высказывания Р) при наличии факта Q» [Иорданская, 2007, с. 479–480], что позволяет относить его к риторическим союзам, поскольку он выражает «риторическое действие – сигнализирование естественности Р при наличии Q» [Иорданская, 2007, с. 482]). Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук рассматривают союз *раз* подробно, характеризуя его как иллокутивный в большинстве контекстов и псевдоассертивный, причём

последняя черта выражена очень ярко. Последнюю особенность отмечает и Е. М. Урысон: «...союз выражает только каузальные связи между ситуациями и не может обозначать псевдозависимость одной ситуации от другой» [Урысон, 2011, с. 49]. Именно это – основное различие между союзами *раз* и *если*. В качестве примера Е. М. Урысон приводит следующее предложение: «*Если она изменит, он её простит*». Подставим союз *раз*: «*Раз она изменит, он её простит*». Значение предложения изменилось: если в первом случае ситуация гипотетическая, то во втором говорящий полностью уверен, что измена случится.

По этой причине мы рассматриваем союз *раз* в ряду причинных союзов.

Союз *раз* может функционировать в несобственно-причинных предложениях: Е. М. Урысон называет подобное употребление союза «*раз* умозаключения» [Урысон, 2011, с. 57]. Анализ материала показал большее: союз *раз* тяготеет именно к выражению причинно-аргументирующих отношений благодаря своей яркой псевдоассертивности – содержание предикативной части, которую вводит союз *раз*, не может быть подвергнуто сомнению.

Проведём эксперимент. Возьмём собственно-причинное предложение с союзом *потому что*: *Лужи замёрзли, потому что ночью был мороз*. Заменяем союз на *раз*: *Лужи замёрзли, раз ночью был мороз*. Значение предложения поменялось: если в первом примере главная часть сообщает об объективном факте действительности, который говорящий, возможно, сам воспринимает с помощью собственных органов чувств, то во втором говорит о собственном мнении, обоснованном информацией, которую он получил. Иными словами, изменение союза превратило собственно-причинное предложение в несобственно-причинное.

Тем не менее союз *раз* способен выражать и собственно-причинные отношения, например: *«Мне и самому надо бы ехать в областной госпиталь: рана на бедре всё сочилась, гнило мясо, – но я вынужден был устроиваться на работу, и раз фамилия моя стала Слесарев, соответственно ей и определился я в слесари, нагадал когда-то в беседе с Любой свою судьбу – и вот, как в чудной сказке, всё сбывалось»* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]; *«Я ездил с цирком, он тренировал разные команды, за которые я неизменно болел параллельно с «Динамо», раз работал с ними Константин Иванович»* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]; *«Я в общих чертах вам её расскажу, раз вы не хотите выслушать её со всеми подробностями за бутылкой коньяка»* [Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980-1990)]. Однако даже в таком случае главная часть имеет определённую семантику побуждения, в том числе побуждения самого себя, т. е. волевого решения, обоснование которого приведено в придаточной части: говорящий решил определиться в слесари, потому что его фамилия – Слесарев; решил болеть за другие команды, потому что с этими командами работал Константин Иванович; решил рассказать в общих чертах, потому что собеседник не хочет выслушать историю со всеми подробностями. Такую семантику во многом создаёт союз *раз*: он маркирует придаточную часть как уверенный, неоспоримый аргумент; как следствие, отношения между частями неминуемо приобретают оттенок причинно-аргументирующих.

Доля собственно-причинных предложений среди сложноподчинённых предложений с союзом *раз* невысока. В большинстве случаев он функционирует именно в конструкциях вывода-обоснования, причём преимущественно с выводом-побуждением и перцептивным обоснованием: *«Ты тоже собираешься, вместо того чтобы готовить обеды, сидеть за компьютером? – Нет... Но раз уж*

он дома, наверное, стоит понять, что это за штуковина такая...» [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004]; *«Ох, какой богатырь, ну какой большой! **Раз** такой большой, давай помогай»* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]; *«Она не вникала в тонкости – террористы-не террористы – и не разбиралась в нашем разделении труда, а рассуждала просто: **раз** убийство – значит, надо идти в уголовный розыск»* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Это не мешает союзу *раз* функционировать и в других видах конструкций вывода-обоснования: *«Стандартный аргумент тут такой: **раз** у них рейтинг небольшой, значит, они уже и вовсе не политическая сила»* [Михаил Фишман. Переоценка голосов (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.01] (часто-информативное обоснование и вывод-мнение); *«И **раз** мне так мила оказалась эта книга, значит, есть в ней что-то»* [Ксения Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 2002.03.04] (перцептивное обоснование и вывод-оценка); *«Думает царь, **раз** крестьянин суду помещика не подчинен, значит, за три года всех их перережет»* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996] (частно-информативное обоснование и вывод-мнение).

Вместе с тем в предложениях с союзом *раз* трудно разграничить перцептивное и два других типа обоснований: семантика союза такова, что обоснование в любом случае приобретает оттенок перцептивного. Рассмотрим следующий пример: *«По словам Ратникова, в Москве ежегодно происходит более 300 захватов, технология этого процесса отработана, и в книге дана инструкция, как это можно сделать: например, подкупить работника МЧС или сотрудника МВД, ФСБ, ФКЦБ. «**Раз** даются такие рецепты, значит, реально существуют примеры», – воскликнул Ратников и предложил подготовить обращение*

к президенту, в котором обозначить передел собственности как угрозу национальной безопасности России» [Арина Шарипова. Это отдельный бизнес с четкими расценками (2003) // «Газета», 2003.05.13]. Обоснование – «*Раз* даются такие рецепты» – можно квалифицировать и как обще-информативное (общеизвестный факт), и как перцептивное (результат восприятия говорящим содержания книги). Контекст заставляет нас склоняться ко второму, поскольку автор, как понятно из контекста, апеллирует к содержанию книги, с которой ознакомился. Такова особенность союза, которую отмечают Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук: «Придаточное Q, вводимое союзом РАЗ, содержит информацию, обязательно являющуюся «данным». «Данное» понимается здесь... <...> как такая информация, выраженная в тексте, относительно которой говорящий уверен, что в момент речи она находится в сознании адресата» [Иорданская, 2007, с. 491]. Поэтому он часто встречается в диалогах, отсылая к информации, которая была озвучена одним лицом и воспринята другим прежде, например, в данном интервью: «*Раз уж речь зашла о фестивалях, то расскажите, пожалуйста, о фестивале детских театров, который прошёл в конце прошлого сезона*» [Анастасия Гулина. Слух к чужой боли (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.09.11]. Таким образом, можно сказать, что придаточное, вводимое союзом *раз*, всегда имеет в той или иной мере выраженный перцептивный модус.

Влияние семантики союза на главную предикативную часть можно охарактеризовать как опосредованное: союз *раз* не предполагает волюнтивный модус вывода, однако семантика уверенного аргумента, которая формируется благодаря ему, в сознании носителя русского языка хорошо сочетается именно с побуждением, как свидетельствует анализ материала. Само побуждение может быть выражено самыми разными средствами, а его тон – колебаться от мягкой просьбы до

приказа: «**Раз** со слухом трудности большие – Можно на мелодию накласть» [Виктория Тарасова. Купол неба и – песня! (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.06.13]; «**Раз** ты не можешь забеременеть, не смеешь судить, – хмуро сказал он» [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого» [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]; «**Раз** министр приказывает – куда денешься... В общем, выпили крепко» [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]; «**Раз** ты сражаешься за Родину, то будь добр – посвяти борьбе все силы, забудь о половых различиях!» [Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997].

Из других особенностей союза можно отметить, что придаточная часть, которую он вводит, обычно находится в препозиции, реже – в постпозиции. Интерпозиция в случае союза *раз* нехарактерна, хотя теоретически существовать может, ср.: «Я решил было: **раз нам теперь жить вместе до конца жизни**, то, очевидно, нередко придётся говорить с Ниной о моих профессиональных делах, о работах, которые я буду писать, о проблемах, которые я буду себе ставить» [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний (1995)] (препозиция) – Я решил было: очевидно, нередко придётся говорить с Ниной о моих профессиональных делах, **раз нам теперь жить вместе до конца жизни**, о работах, которые я буду писать, о проблемах, которые я буду себе ставить. Также союз *раз* часто употребляется совместно с коррелятами – в такой роли может выступать местоимение *то*: «Ну а **раз** молчит, значит, соглашается, а **раз** соглашается, **то** участвует» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]; вводное слово *значит*: «**Раз** на тебя пожаловались, **значит**, ты виноват» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]; наречие *тогда*: «Но не могу же я остаток жизни под капельницей провести? Сами посудите. Это и физически невозможно, и... да что говорить! А **раз** невозможно – **тогда** вот...

пожалуйста бриться» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001] и др.

Союз-частица «ведь»

Единица «ведь» стоит особняком: это не союз, а «переходный тип от простых союзов к разного рода частицам» [Виноградов, 1972, с. 553], «союз-частица» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 578]. В первой части РГ-80 по отношению к данной частице используется термин «*частица-союз*»: «Иногда в одном и том же слове близость и переплетение значений частицы и союза, частицы и наречия, частицы и глагола, частицы и местоимения, частицы и междометия настолько тесны, что противопоставление друг другу таких значений как принадлежащих словам разных классов оказывается неправомерным, и слово должно квалифицироваться как «частица-союз», «частица-наречие», «частица-местоимение» и т. д.» [Русская грамматика, Т.1, 1980, с. 723].

Интересна этимология данной частицы-союза: она восходит к древнерусскому «вѣдѣ» – форме перфекта 1 лица единственного числа от индоевропейского глагола «вѣдѣте» [Фасмер, 1986; Этимологический словарь русского языка, 1968], и буквально означает «(я) видел», «(я) знал». Т. е. по сути она близка к вводным словам с субъективно-модальным значением эвиденциальности и уверенного предположения.

Другое свойство частицы *ведь* – способность служить маркером акцентного выделения слова в высказывании, к которому она примыкает. По мнению Т. М. Николаевой, эту особенность русские частицы обрели в ходе эволюции языковой системы: «Так, очевидно, тональный компонент принадлежал слову, силовой отмечал начало фраз, фраза была метризована темпорально, ударными были слова в зависимости от позиции; затем каждое слово приобрело ударение, фраза

была не такой объединённой, на последнем этапе, например, время стало основным показателем ударения слова, мелодика объединила фразу и грамматикализовалась в систему интонационных конструкций, а повышенная ударность стала фактом не позиционным, а функционально-семантическим, в основном работающим на «скрытую семантику», а не на простую делимитацию. Частицы из синтаксических пограничных сигналов стали конденсаторами глубинной смысловой многоканальности. И она выражается усиленным ударением, акцентным выделением» [Николаева, 1985, с. 121]. К частицам, способным служить маркером акцентного выделения, она относит такие, как *и* (препозитив), *же*, *-то* (имеется в виду не та частица, которая формирует неопределённое местоимение, а частица, которая употребляется в предложениях типа: «*Он-то ещё не умер*»), *-таки* (постпозитивы), *один* (в значении «только») [Николаева, 1982; Николаева, 1985]. Мы считаем справедливым отнести к группе акцентирующих частиц и рассматриваемую частицу *ведь*.

В РГ-80 *ведь* включена в число союзов-частиц, которые «выполняют функции связующих слов при противопоставлении» [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 729], а в т. 2 указана в числе союзов недифференцированного значения (с пометой союз-частица), способных соединять части причинного предложения. Мы полагаем, что семантика причинности, или даже скорее аргументативности («я видел, я знаю и поэтому это так»), частицы первична: способность связывать противопоставленные единицы развилась на её основе. В причинных конструкциях частица способна как называть «*непосредственную истинную причину*», так и служить «уточняющей характеристикой, мотивирующим комментарием» и указывать «на побочное объясняющее обстоятельство» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 583]. Как можно заметить, перечисленные значения весьма разнообразны.

Несмотря на то, что в РГ-80 эта частица маркирована также как «разг.» (разговорная), в настоящее время такая маркировка вызывает сомнения: анализ примеров показывает, что *ведь* встречается в текстах самых разных стилей и жанров, не имеющих отношения к разговорной речи (художественные, публицистические, научно-популярные произведения). Несомненно, частица *ведь* обладает экспрессивной окраской, а потому её появление нетипично в текстах официально-делового или научного стилей (за исключением стиля научно-популярной литературы). Этимология самой частицы, восходящая к глаголу ментального действия, позволяет назвать *ведь* риторическим союзом.

Из формальных особенностей частицы-союза можно отметить, что она не сочетается с коррелятом и позиционно не закреплена в придаточной части. Также она часто служит средством соединения самостоятельных предложений в составе сложного синтаксического целого: *«Так что и гражданам перепадает со стола периодически, и губернатор сам изумляется своей щедрости, вспоминая, как потрянул своих спонсоров на улучшение дорог и прочего. А ведь мог бы себе взять всё до копейки»* [Сергей Доренко. Левые силы – перезагрузка (2003) // «Завтра», 2003.08.13]; *«Для хищных птиц умение видеть ультрафиолетовый свет хорошо по другой причине. Это помогает им находить добычу. **Ведь** мелкие грызуны метят свою территорию струйкой мочи, а та светится ультрафиолетом»* [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание -- сила», 2003]; *«Если вы любитель комнатных растений и у вас уже собралась неплохая коллекция «южан» – лимоны, апельсины, мирт, лавр, инжир, то можете смело устраивать патио в стиле средиземноморского курорта. Правда, такой экзотический садик удастся разбить только на солнечной стороне дома. **Ведь** теплолюбивые комнатные растения*

лучше всего держать в защищённом от ветра месте, у хорошо прогреваемой южной стены» [Валерия Иршенкова. Свой уголок я убрала цветами (2003) // «Сад своими руками», 2003.01.15]. Отношения между предложениями в составе сложно-синтаксического целого, связанными частицей *ведь*, схожи с отношениями предикативных частей внутри причинных предложений (как собственно-причинных, так и несобственно-причинных). Нередко данная частица-союз присутствует и в бессоюзных предложениях, например: «Человек постоянно проживает пройденный день, проведённую операцию: *ведь* от хирургов зависит не только здоровье людей, но и их жизнь» [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15]. Можно заметить, что признаки бессоюзного предложения здесь во многом формальны: это прежде всего постановка двоеточия между предикативными частями. Замена данного знака препинания на запятую не изменит значения предложения, а *ведь* возьмёт на себя функции союза.

При выражении причинных отношений для предложения или предикативной части, вводимой частицей-союзом *ведь*, характерна постпозиция относительно предложения или предикативной части, выражающей следствие (собственно-причинные) или вывод (несобственно-причинные). Ср.: *Возьми зонт, ведь дождь на улице.* – *Ведь дождь на улице, возьми зонт.* Второе высказывание возможно в русском языке, но присуще только разговорной речи.

Многие вышперечисленные особенности частицы *ведь* обуславливает именно её промежуточное положение между частицами и союзами: в причинных предложениях и конструкциях *ведь* скорее маркирует эти отношения, а основная тяжесть их выражения ложится на контекст. *Ведь* придаёт конструкции определённую долю экспрессивности и создаёт интонационный, а значит, и смысловой

акцент на одном из членов придаточного предложения (или второго компонента конструкции). При этом союз-частица может присутствовать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных конструкциях:

1) собственно-причинные: *«Кстати, многие клиенты сами связываются с создателями группы, ведь в ней так много участников»* [коллективный. Нижегородка: «Из-за вранья в группе «Курицы» меня бросил жених!» (2014.07.11)]; *«Тем более что никакой не секрет: в России финансирование антитабачного движения начиналось тоже из США, нет, это не только фонд Блумберга. Под законы об иностранных агентах, кстати, не подпадает, тут ведь не политика»* [Дмитрий Косырев. Бездымное подражание // «Огонек», 2014];

2) несобственно-причинные: *«По сути, это заказ власти, ведь концепция разрабатывалась при господдержке, на президентский грант, поэтому мы рассчитываем на серьезное к ней отношение», – заявляет «Огоньку» Пожигайло»* [Сергей Мельников, Мария Портнягина. Единообразие // «Огонек», 2014]; *«Я думаю, что единственно правильным будет – поделиться радостью за этого человека, он ведь этого хочет»* [Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)].

В конструкциях вывода-обоснования частица-союз *ведь* не налагает никаких ограничений на семантику частей. Она может соединять вывод и обоснование во всех возможных комбинациях:

1) вывод-мнение и перцептивное обоснование: *«Ну, нельзя же все время идти на поводу у олигархов, ведь город стал отвратительным по архитектуре»* [коллективный. ГК «Электроника» построит на месте кинотеатра «Октябрь» гостиницу (2014.03.06)];

2) вывод-мнение и обще-информативное обоснование: «Я уже составил, думаю, её лучше адресовать непосредственно генерал-полковнику, **ведь** всё равно пойдёт к нему на утверждение» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)];

3) вывод-мнение и частно-информативное обоснование: «И верно, делать там ему было нечего, **ведь** все эти люди, суета и сутолока жизни отвлекали N. от сложной задачи, вдруг свалившейся на него» [Сергей Кулаков. Нить Ариадны // «Сибирские огни», 2013];

4) вывод-оценка и перцептивное обоснование: «Чем гуще масть, тем лучше, ты **ведь** сама говорила» [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)];

5) вывод-оценка и обще-информативное обоснование: «Безусловно, инновационная политика очень важна, **ведь** изобретателю-одиночке необходимо пройти через столько кругов ада, что без помощи профессионалов он просто не справится» [Владимир Елин. Do-Ra: девайс, спасающий жизни // «Огонек», 2013];

6) вывод-оценка и частно-информативное обоснование: «Это слишком сложный процесс, **ведь** надо убедить очень многих людей в том, что город способен провести такое мероприятие» [Константин Гетманский. Губернаторские кольца. Иркутск делает вид, что хочет стать олимпийским городом // «Известия», 2001.07.23];

7) вывод-побуждение и перцептивное обоснование: «Обязательно надо предупредить профессора: **ведь** он всё-таки пришёл с письмом от меня, ему доверяют, а я...» [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)];

8) вывод-побуждение и обще-информативное обоснование: «И вот тут ребята, во-первых, должны блеснуть хорошей, лаконичной речью и словарным запасом, **ведь** не зря Сократ говорил: «Заговори, чтоб я тебя

увидел» [Людмила Данилкина. Документ прямого действия (2013.04.29) // «Новгородские ведомости», 2013];

9) вывод-побуждение и частно-информативное обоснование: «*Во вторых, порезать все расходы, включая социальные, ведь помощь из бюджета малоимущие получают намного больше, чем богатые*» [Елена Котова. Головокружение от налогов // «Огонек», 2013].

Можно, однако, отметить такую особенность, как редкое употребление *ведь* для присоединения обоснования с перцептивным модусом. Это обусловлено тем, что частица-союз сама по себе эксплицирует ментальный модус: «вѣдѣ» – «(я) знал». Поскольку «вѣдѣ» можно также перевести как «(я) видел», было бы уместно говорить о маркировании частицей перцептивного модуса. Однако анализ примеров говорит об обратном: *ведь* проявляет тенденцию к маркировке информативного модуса, а не перцептивного.

Подводя итог, можно заключить, что *ведь* является союзом (союзом-частицей) недифференцированного значения, который способен функционировать как в собственно-причинных, так и несобственно-причинных конструкциях.

1.4. Выводы по первой главе

1. Формальные критерии разграничения собственно-причинных и несобственно-причинных предложений (например, замена главной части местоимением *это*) всегда работают лишь в случае конструкций с перцептивным обоснованием. В конструкциях с информативным обоснованием основной опорой становится семантика – маркирование главной предикативной части как мнения (частным случаем которого являются побуждение и оценка). Подобное маркирование осуществляется с помощью различных средств, как лингвистических, так и экстралингвистических.

2. Экстралингвистические средства маркирования конструкций вывода-обоснования исследованы недостаточно и требуют как привлечения понятий и категорий литературоведения и лингвистики текста, так и анализа конструкции в контексте (который иногда может расширяться до всего текста). На границе собственно-причинных и несобственно-причинных предложений возникает зона промежуточных случаев – конструкций, которые могут быть истолкованы и как собственно-причинные, и как несобственно-причинные.

3. Лингвисты имеют различные точки зрения на то, какие союзы могут функционировать в несобственно-причинных сложноподчинённых предложениях: например, О. Е. Пекелис ограничивает данный круг всего четырьмя союзами; Е. С. Ярыгина – семью; РГ-80 – четырнадцатью. Анализ языкового материала с учётом перечисленных выше факторов – возможности формирования модуса мнения посредством экстралингвистических средств – позволил нам сделать свои собственные выводы:

1) Союз *судя по тому ..., что* – единственный союз, который может функционировать только в конструкциях вывода-обоснования.

2) Союзы *из-за того ..., что, оттого ..., что, ради того ..., что; через то ..., что; по причине того ..., что; на основании того ..., что* способны выражать причинно-аргументирующие отношения, но используются в этом качестве редко. Конструкции с ними часто попадают в зону пограничных явлений.

3) Союзы *под тем предлогом ..., что, под предлогом того ..., что, под видом того ..., что* – союзы с особой семантикой, имеющие значение мнимой причины, и предложения, в которых они функционируют, нельзя отнести ни к собственно-причинным, ни к несобственно-причинным.

4) Союзы *благо, тем более ..., что, тем паче ..., что* придают придаточной части семантику дополнительного, необязательного комментария, а потому даже те предложения с ними, которые обладают признаками конструкций вывода-обоснования, сдвигаются в сторону зоны пограничных случаев – «конструкций с обоснованием-комментарием».

5) Все остальные союзы могут функционировать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных конструкциях.

4. В ходе анализа языкового материала дополнительно выделены два типа причинных конструкций:

1) конструкции с отношениями мнимой причинности. Это конструкции с причинным значением, которые реализуются в виде сложноподчинённых предложений, части которых соединяются такими союзами, как *под тем предлогом ..., что, под предлогом того ..., что, под видом того ..., что*, маркирующих субъективно-модальное значение мнимости. В придаточной части данного типа предложений сообщается о мнимой, хоть и декларируемой причине того, что говорится в главной. Эти предложения невозможно отнести ни к собственно-причинным, ни к несобственно-причинным конструкциям; это отдельный, третий вид причинных конструкций, которые мы назвали **конструкции мнимой причинности**;

2) конструкции с комментарием-причиной и комментарием-обоснованием. Это частный случай собственно-причинных и несобственно-причинных конструкций соответственно, в которых вывод и обоснование (причина и следствие в случае собственно-причинных предложений) соединяются такими союзами, как *благо, тем более ..., что, тем паче ..., что*. Эти союзы маркируют статус обоснования (или причины) как дополнительного и в принципе необязательного комментария. В конструкциях вывода-обоснования подобная семантика

затемняет и ослабляет семантику причинно-аргументирующих отношений «от вывода – к обоснованию», приближая конструкцию к зоне промежуточных случаев.

5. Анализ языкового материала позволил установить, что расчленение союза запятой (например, *потому, что*, а не *потому что*) не влияет на его способность функционировать в конструкциях вывода-обоснования. Запятая внутри союза свидетельствует о меньшей степени его грамматикализации и более крепкой связи с предикатом главного предложения, что обычно противоречит формированию причинно-аргументирующих отношений. Тем не менее при чёткой маркировке мнения (оценки, побуждения) в главной части с помощью лексических и морфологических средств расчленённость союза не препятствует выражению данных отношений. Интересно то, что большинство примеров несобственно-причинных предложений с расчленённым союзом относятся к текстам, созданным уже в XXI веке, что позволяет сделать вывод о том, что функционирование расчленённых союзов в конструкциях вывода-обоснования – современная тенденция.

6. Анализ примеров также позволил выявить конструкции с обоснованием в препозиции и выводом – в постпозиции, то есть не конструкции вывода-обоснования, а «обоснования-вывода». Но по семантике такая конструкция не отличается от конструкции вывода-обоснования; подобная структура лишь позволяет поставить аргументацию, т. е. обоснование, в позицию начала предложения, придав конструкции более экспрессивное, полемичное звучание.

ГЛАВА 2. ВВОДНЫЕ СЛОВА. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВВОДНЫХ СЛОВ В РАМКАХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

2.1. История изучения вводных слов

Впервые о вводных элементах заговорили античные учёные и философы, причём рассматривались эти явления с точки зрения риторики. Выделялась такая фигура речи, как парентеза – «...когда в середину связной речи врываются слова, имеющие какое-то другое значение» [Античные теории языка и стиля, 1963, с. 262]. Этот стилистический приём позволял, если использовать его в меру, увеличить эмоциональность и убедительность речи: «Краткая вставка придаёт речи горячность, длинная делает её пространной, а обилие вставок приводит к перегруженности» [Античные теории языка и стиля, 1963, с. 199]. По мере развития письменности и книгопечатания сформировались правила выделения таких вставок на письме знаками препинания: запятыми, скобками, тире, – которые отражали смысловую и интонационную обособленность подобных элементов.

Из русских филологов о парентезе впервые заговорил Н. И. Греч: «Вводное предложение, или парентеза, есть совершенно постороннее предложение, не имеющее никакой грамматической связи с главным, например: «У меня, поверите ли, замерзает вода в комнате» [Греч, 1834, с. 231] (сохранена авторская орфография). Таким образом, парентезу он понимает более узко, чем античные риторы: только как вводное предложение (этот термин Греч употребляет почти в таком же смысле, как и мы сейчас). «Вводным словом» он называл другое: «Между запятыми полагается всякое вводное слово или совокупление вводных слов, которые можно опустить без нарушения или изменения смысла» [Греч, 1834, с. 516]. К числу этих явлений он относил как обособленные

приложения, так и «звательные слова» (обращения) и «речения обстоятельственные» – собственно вводные слова и вставные конструкции, которые он не разграничивал, ввиду очень похожих синтаксических свойств, таких как позиция вне предложения, пунктуационная обособленность, близкая семантика и пр.

Далее, Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» рассматривает (хоть и не особенно подробно) вводные слова, называя их «вводными предложениями», останавливаясь на том, откуда они произошли. По мнению лингвиста, «вводные предложения» – результат процесса слияния, когда в одно слово упаковывается целое предложение: «При слиянии предложений, соединённых по способу подчинения, одно предложение, слитое с другим, хоть и может быть рассматриваемо как целое предложение, но употребляется в смысле отдельной части речи» [Буслаев, 2006, с. 36]. Вообще, класс единиц, образовавшихся путём слияния, достаточно разнообразен: по Буслаеву, к нему относятся местоимённые наречия *кто-нибудь, где-нибудь*; выражения вроде *на чём свет стоит*; союзы *де, дескать, мол, ведь* (Ф. И. Буслаева классифицирует их именно как союзы) и т. д., сохранившие, по его мнению, этимологическую связь с глаголами; и другие единицы, в числе которых – те, что способны употребляться в качестве вводных слов: *пожалуй, вероятно, верно, должно быть*; причём первое лингвист относит к союзам, а остальные – к безличным глаголам. Также к числу таких «слов-предложений» он относит слова *первое, другое, иное*, называя их частицами, при том что при перечислении частей речи частицы он не упоминает [Буслаев, 2006, с. 271]. Подобная точка зрения интересна тем, что вводные слова отнюдь не предстают независимыми элементами: их можно развернуть в полное предложение, которое будет иметь и смысловую, и синтаксическую связь с другими предикативными частями: «Словосочинение вводных предложений объясняется

слиянием. **Преимущественно бывает это предложение главным»** [Буслаев, 2006, с. 303].

А. Х. Востоков, вслед за Буслаевым, ведёт речь о «вводных предложениях»: «Между частями главного предложения может быть вставлено особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может быть опущено без нарушения смысла: например, он, я думаю, скоро возвратится. Мы, вероятно, увидим его» [Востоков, 1864, с. 154]. Как можно увидеть, к числу вводных предложений относит и вводные слова.

В. А. Богородицкий выделял «краткие придаточные предложения», к которым он причислял, помимо причастных и деепричастных оборотов (в его терминологии – причастных и деепричастных кратких придаточных), вводные предложения: «...которые, будучи совершенно независимыми, вставляются в предложение без каких-либо связующих слов» [Богородицкий, 1911, с. 310]. Несмотря на то, что говорит он о предложениях, приведённый им пример, «извините меня за беспокойство», можно отнести и к вводным словам или, по меньшей мере, к вводным элементам. Лингвист также отмечает особую интонационную оформленность таких элементов: быстрый темп и более низкий тон. В заключение, хоть и не относя это к вводным элементам прямо, он утверждает, что «Все эти явления связаны одной общей тенденцией – выражать мир представлений меньшим количеством символов и облегчать переход последних при процессе речи в бессознательную деятельность, требующую уже меньшего психического напряжения; эту тенденцию мы можем назвать стремлением к экономии духовных сил и к удобству памяти, этой хранильницы сложного ассоциативного агрегата речи, и с этой точки зрения весь процесс следует рассматривать как прогресс языка» [Богородицкий, 1911, с. 311].

В многотомном труде «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебня также усматривал происхождение вводных слов из вводных предложений [Потебня, 1941]. В. В. Виноградов утверждает, что именно точка зрения Потебни на это языковое явление создала традицию, на которую опирались лингвисты последующих лет. Тем не менее лингвист уделял вводным словам не так много внимания, делая в своих исследованиях акцент на других явлениях русского языка.

Ученик А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, уже не ведёт речь о вводных предложениях – он говорит о вводных словах, вводных выражениях и вводных наречиях [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 297]. Всё это, по его мнению, наряду с такими элементами, как обращения и междометия, относится к числу «...слов и выражений, не входящих в состав предложения, но примыкающих к предложению, состоящих при нём» [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 296]. Заметим, что подобное определение положения вводных элементов относительно предложения удивительно образное и точное. Но чем же различаются перечисленные выше вводные элементы?

Вводные слова – это «...как бы часть неоконченного, недоговорённого предложения, или, наоборот, возникшая, как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 296], например: *ей-Богу, мол, пожалуй*; вводные выражения – «ещё сохраняющие, с большей или меньшей ясностью, характер предложения» [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 296] – *стало быть, разумеется, так сказать* и др.; и, наконец, вводные наречия и другие обстоятельственные выражения – *словом, конечно, по-видимому* и др. [Овсяннико-Куликовский, 1912, с. 297]. Как можно заметить, сейчас вводными словами называются все эти элементы (хотя среди «вводных выражений» также приводятся в пример предложения вроде «я думаю»,

т. е. вводные предложения), лингвист же разделяет их на различные классы на основе их происхождения и связи с выражением, от которого они произошли.

Не все учёные признавали особый синтаксический статус вводных слов: так, Я. К. Грот писал: «Запятыми же обыкновенно отделяются наречия и другие подобные речения, когда они не входят в состав предложения, а служат к обозначению либо степени уверенности говорящего, либо отношения его к предмету речи, либо основания мысли его и т. п., именно слова: конечно, вероятно, может быть, право, кажется, помнится, разумеется, знать, без сомнения, словом, короче, признаться, к счастью, к сожалению, впрочем, посмотришь, пожалуй, нет спору, например; по-видимому, напротив, наоборот; по моему мнению, во-первых, во-вторых; и т. д., с одной стороны, и др.» [Грот, 1899, с. 792]. Как видим, лингвист сводил феномен вводных слов к чисто пунктуационному правилу, не останавливаясь на его синтаксических особенностях.

А. М. Пешковский, можно сказать, продолжил линию Овсяннико-Куликовского: он полагал, что вводные слова образовались в результате «недоговаривания» полных предложений. Вместе с тем он рассматривает процесс создания вводных слов более подробно. На первом этапе существует вводное предложение: «...вводные слова и сочетания образуются из так называемых вводных предложений, т. е. предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединённых с ними грамматически» [Пешковский, 2001, с. 372]. Позже оно сокращается, превращаясь в вводное выражение; чем оно употребительней и короче, тем больше оно теряет своё первоначальное значение. Последний этап – это превращение в частичное слово (т. е. частицу). Этот процесс (на основе приведённых А. М. Пешковским примеров) можно проиллюстрировать следующим образом: *Он, ты*

знаешь, не так уж глуп (вводное предложение) – *Он, знаешь, не так уж глуп* (вводное выражение) – *Он, зная, не так уж глуп* (вводное слово, частичное слово). Как можно заметить, лингвист чётко разграничивает вводные предложения и вводные слова, а то, что называется вводными словами сейчас, делит на два класса: вводные выражения и собственно вводные слова, частичные слова, где синтаксические особенности употребления уже подействовали на частеречную принадлежность слова, заставив его «мутировать» в частицу, хоть и особую, не связанную даже условно ни с одним из членов предложения. От себя заметим, что, скорее всего, «мутация» может идти дальше, поскольку не всегда вводное слово выделяется запятыми на письме и интонацией в речи, прекращая, таким образом, быть вводным элементом (ср. *Я, конечно, приду* – *Я конечно приду*, где «конечно» вообще можно рассматривать как наречие).

Семантику вводности как явления А. М. Пешковский поясняет таким образом: «Вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть другой мысли» [Пешковский, 1912, с. 371]. Также он создаёт первую семантическую классификацию вводных слов («вводных слов и сочетаний»), выделяя три разряда:

а) вводные слова, показывающие отношение говорящего к той или иной мысли (*к счастью, к несчастью, конечно, вероятно, очевидно* и т. п.);

б) слова, показывающие, что говорящий считает мысль не своей, а чужой (*дескать, будто бы, говорят* и т. п.);

в) выражающие отношение данной мысли к предыдущим и последующим, и потому близких к союзам (*итак, во-первых, во-вторых, короче говоря, кстати* и т. п.) [Пешковский, 1912, с. 371].

А. А. Шахматов называет вводные слова и вводные предложения «вне предложения, но введённые в его состав» [Шахматов, 2001, с. 47]. Он обращает внимание на интересный аспект – что они «в большинстве имеют значение связок, так как вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление» [Шахматов, 2001, с. 47]. Одновременно во взгляде на вводные слова (которые он отделяет от вводных предложений) лингвист придерживается той точки зрения, которую мы уже наблюдали у Овсяннико-Куликовского, Пешковского и отчасти Буслаева: как на сокращённые, редуцированные предложения. Как и Буслаев, он не считает вводные слова абсолютно независимыми элементами: «они вносят в предложение определённое значение, видоизменяя так или иначе или дополняя сказуемое предложения...»; «В значительном числе случаев значение и грамматическую функцию таких слов можно сравнить со значением и функцией обстоятельств... <...> но связь вводных слов со сказуемым (или главным членом предложения) гораздо слабее, чем связь с ним обстоятельств» [Шахматов, 2001, с. 265]. Такие единицы Шахматов называет «обстоятельством сопутствующим» [Шахматов, 2001, с. 414].

В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык» подытоживает и развивает опыт предшествующих лингвистов, касающийся изучения вводных слов. Хоть он отмечает, что взгляд на вводные слова как на редуцированные предложения односторонен, вместе с тем важное место отводит концепции Шахматова. Лингвист полагает вводные слова частью класса модальных слов, «особым грамматическим типом», который «вне связи с какими-либо определёнными частями речи» [Виноградов, 1975, с. 568]. Модальные слова, с одной стороны, сближаются с модальными частицами, а с другой – с наречиями. Вслед за Шахматовым Виноградов проводит генетическую классификацию модальных слов, разделяя их также на три больших класса – модальные

частицы, модальные слова и модальные словосочетания (фразеологические единицы), в основном основываясь на этимологии и «смысловом весе», при этом в качестве вводных слов могут выступать два последних класса и большая часть первого, но не вся. Также Виноградов приводит семантическую классификацию модальных слов и частиц, выделяя 12 разрядов. Несмотря на запутанность концепции и не совсем ясные соотношения между понятиями «частицы», «модальные частицы», и «вводные слова», В. В. Виноградов делает важный шаг: связывает вводные слова с понятием модальности. По его мнению, модальное значение есть даже у таких вводных слов, как *во-первых*, *во-вторых*, потому что «эти выражения определяют не только место какого-нибудь пункта в ряду перечислений, но и содержат его оценку, его субъективную классификацию» [Виноградов, 1975, с. 579].

РГ-80 идёт несколько иным путём, нежели Виноградов, не включая вводные слова в состав класса модальных слов, но полагая *лексико-синтаксической группировкой*. В разделе авторства Н. Ю. Шведовой проводится четкая граница между вводными предложениями, с одной стороны, и вводными словами и сочетаниями слов – с другой: их основное различие в том, что первые «по форме являются законченными или относительно законченными сообщающими единицами, т. е. имеют структуру того или иного простого предложения — обычно нераспространенного или мало распространенного» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 228].

Необходимо также сказать несколько слов о таком термине, как «парентетический». Он был впервые употреблён Дж. О. Урмсоном [Урмсон, 1985] в статье «Парентетические глаголы», а потом в нескольких работах русских лингвистов (например, Падучевой [Падучева, 2006], Антоновой [Антонова, 2015] и некоторых других). Несмотря на то, что «парентетический» переводится как «вводный»,

данные термины не синонимичны. Во-первых, Дж. О. Урмсон говорит только о «парентетических глаголах», причём по отношению к английскому языку, во-вторых, сам лингвист заявляет, что «данному названию... не следует придавать большого значения» [Урмсон, 1985, с. 196]. К подобным глаголам он относит глаголы вроде to know, to wish, to regret и т. д., которые могут употребляться в парентетическом значении, маркируя не столько смысл, сколько отношение говорящего к смыслу. К ним примыкают наречия типа luckily, happily, certainly и тому подобные. Е. В. Падучева использует термин «вводные глаголы», ссылаясь на «парентетические глаголы» Дж. О. Урмсона, по отношению к вводным словам «кажется», «казалось», «оказалось», «оказывается». В. В. Антонова объединяет в понятии «парентетических элементов» и вводные предложения, и вводные слова, и вставные конструкции. Иными словами, данный термин крайне неясный (даже если не брать в расчёт правомерность калькирования термина английского лингвиста без учёта особенностей синтаксиса и прагматики английского языка) и не слишком нужный. Поэтому в данной работе мы если и будем употреблять термин «парентетический», то только как полный синоним термина «вводный».

Как можно увидеть, изучение вводных слов в русской лингвистике шло извилистым путём: от игнорирования их как особого явления до признания особой группировкой (классом, типом) языковых единиц. Синтаксическая обособленность является самой важной частью определения вводного слова как такового, но это лишь вершина айсберга, а «под водой» скрывается много вопросов, не ответив на которые, рассматривать какой бы то ни было аспект вводных слов невозможно.

2.2. Вводные слова и вводные предложения: границы явления

Сам термин «вводные слова» не точен. Если в отношении первой части термина протестов не возникает, то вторая как бы подразумевает, что величина данного явления ограничена одним словом, в то время как изрядная часть таких единиц – словосочетания. Куда более точен термин «вводные слова и вводные сочетания слов». Тем не менее он слишком громоздок и длинен, а потому в большинстве случаев рассматриваемое явление именуется просто «вводным словом». Мы не будем менять эту традицию и в данной работе, просто оговорим специально, что вводные слова, несмотря на такое именование, не обязательно состоят из одного слова.

В современном языкознании вводное слово определяется следующим образом: «слова и сочетания слов, грамматически не связанные ни с одним из членов предложения; посредством В. с. осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения. Обычно выделяются в произношении паузами, пониженной интонацией и несколько ускоренным темпом» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]; «слово, не связанное формально-грамматически с другими словами в предложении, не являющееся членом предложения и выражающее, напр., отношение говорящего к высказываемому, отношение данной мысли к предыдущей или последующей речи или указывающее на то, что говорящий считает высказанную мысль чужой» [Ахманова]; «К вводным словам и сочетаниям слов относится довольно обширная и легко пополняющаяся группировка лексико-синтаксических единиц — словоформ и в разной степени устойчивых сочетаний, выражающих отношение к сообщаемому или его характеристику: экспрессивную реакцию на сообщение; подчеркивание, выделение какой-то его части;

характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношений, достоверности или недостоверности; по характеру протекания во времени; отнесение сообщения к его источнику» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 229].

Вводные слова – сложное языковое явление из-за своей универсальной природы: с одной стороны, синтаксическое, с другой – лексическое и морфологическое. Таким образом, вводное слово как отдельное явление характеризуется комплексом признаков, которые можно разделить на две группы: **синтаксические** (отсутствие формально-грамматических связей этого слова с другими членами предложения и, как следствие, пунктуационная и интонационная обособленность) и **семантические** (круг значений, которые выражают вводные слова, или, точнее, оттенков значения, которые они привносят в предложение).

Одна из проблем, которая возникает при изучении вводных слов, – граница между ними и вводными предложениями. В словаре-справочнике Розенталя вводные предложения определяются как «Предложения, выполняющие те же функции и имеющие те же значения (модальное, эмоциональное, экспрессивное и др.), что и вводные слова. Вводные предложения выделяются паузами, произносятся более низким тоном и более быстрым темпом, чем основное предложение. Вводные предложения по своей структуре бывают двусоставные (я знаю, вы помните, как сообщают газеты и т. п.), односоставные неопределенно-личные (говорили о нем, как мне пишут и т. п.), безличные (можно полагать, как мне казалось и т. д.). Вводные предложения могут присоединяться к основному предложению без союзов или при помощи союзов» [Розенталь, 1986, с. 32–33], в то время как РГ-80 высказывается о них следующим образом: «Вводные предложения по своей функции (выражение отношения к сообщению) смыкаются с вводными словами и

сочетаниями слов; отличие состоит в том, что вводные предложения по форме являются законченными или относительно законченными сообщающими единицами, т. е. имеют структуру того или иного простого предложения — обычно нераспространенного или мало распространенного» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 229]. Иными словами, вводные предложения и вводные слова имеют одинаковую функцию, и основной критерий, по которому два эти явления разграничиваются, — структурный: в вводных предложениях можно выделить подлежащее, сказуемое, второстепенные члены. Тем не менее этот критерий может подводить в случае вводных слов, которые по структуре аналогичны односоставным предложениям, например, *разумеется, признаюсь, говорят* и т. д.; плюс существуют различные устойчивые выражения вроде *кто его знает, не в обиду будь сказано*, которые теоретически можно разобрать по членам. Иными словами, деление на вводные предложения и вводные слова весьма условно и, возможно, даже излишне. Этот вопрос мы рассмотрим подробнее ниже, в подразд. 2.3.

Семантика большинства вводных слов (с точки зрения В. В. Виноградова — всех вводных слов) связана с выражением субъективной модальности, т. е. отношения говорящего к сообщаемому, однако оттенки этих значений они могут выражать самые разнообразные, что вкупе с синтаксической обособленностью позволяет создать особую плоскость высказывания, участвовать в формировании его модуса: «Вместе с тем очевидно, что модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания» [Виноградов, 1975, с. 70]. Поэтому, несмотря на интонационную и синтаксическую обособленность, вводные слова всё равно связаны с предложением, его частью, а иногда даже отдельным членом

предложения: «При интонационно-смысловой членимости предложения они могут относиться не только ко всему предложению в целом или к его предикату, но и к отдельным его членам. Они могут двигаться по словесному «пространству» предложения и до некоторой степени определять его синтагматическое членение, обусловленное смысловым заданием речи» [Виноградов, 1975, с. 67]. Интересное замечание делал Д. Н. Овсяннико-Куликовский: он указывал на то, что конструкции вроде «*надо заметить, что*», «*известно, что*», являясь главной предикативной частью сложноподчинённого предложения, по сути главными не являются: основная мысль заключена в придаточном предложении [Овсяннико-Куликовский, 1912]. Лингвист отмечал вводный характер этих конструкций; и действительно, устранение союза превратит их в вводные элементы.

Это только подчёркивает амбивалентность вводных слов как явления: они одновременно являются и частью предложения, и обособлены от него; тяготея к главным предложениям, выражают добавочные оттенки мысли, выраженной «придаточным». Характер и прочность связи вводного элемента с предложением, в рамках которого оно функционирует, однако, могут быть разными и зависят прежде всего от двух факторов: происхождения вводного слова и его семантики.

2.3. Происхождение вводных слов. Генетическая классификация вводных слов

Вводные слова – сложное явление, обширный и пёстрый по своему составу лексико-семантический класс, на первый взгляд кажущийся весьма хаотичным. Без упорядочивания этого хаоса анализ вводных слов в принципе не представляется возможным, а потому явлению необходима чёткая классификация.

Существуют несколько классификаций вводных слов; в основу классификации кладутся либо происхождение вводного слова (генетические классификации), либо семантика (семантические), поскольку два этих аспекта наиболее важны для рассматриваемой единицы.

Само выражение *«происхождение вводных слов»* неточное. Поскольку вводные слова – лексико-синтаксический класс, речь скорее стоит вести об источниках, из которых этот класс пополняется, о словах, которые способны использоваться в роли вводных. По выражению О. А. Остроумовой, «вводные слова – это синтаксическая функция частей речи выражать отношение говорящего к сказанному им или способу оформления мыслей, и в этой функции могут употребляться слова практически любой части речи; также функцию вводного слова могут выполнять целые синтаксические конструкции» [Остроумова, 2009, с. 10]. Вместе с тем некоторое количество вводных слов употребляется только в роли вводных слов; в других случаях речь идёт не об отдельных словах, а об оборотах и предложениях. Важно происхождение вводных слов прежде всего потому, что «В большинстве случаев вводные слова и вводные сочетания сохраняют живые лексические и грамматические связи с соответствующим знаменательным словом, с его парадигмой; такие связи утрачены или ослаблены лишь у фразеологизмов <...>, а также у незначительного количества вводных слов, таких как конечно, во-первых, во-вторых» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 229].

О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь разделяют вводные слова с точки зрения «связи с соответствующим знаменательным словом» на следующие разряды [Остроумова, 2009, с. 11–13]:

1. Употребляются только в функции вводного слова. Морфологические связи с частью речи потеряны, хоть иногда и понятно, от какого слова какой части речи произошёл тот или иной вводный

элемент: *по-видимому, в общем-то, во-первых* и т. п. В других случаях происхождение такого вводного слова можно установить только по этимологическому словарю: *чать, мол, знамо*.

2. Употребляются как в позиции вводного слова, так и в других позициях: *может быть, возможно, к несчастью, первое* и т. п. Ср.: *Я, может быть, поеду на природу. – Он может быть умным, но вчера поступил глупо. Возможно, будет дождь. – Всё возможно, если хочешь*. При этом перепутать вводную и не-вводную позиции одного и того же слова затруднительно.

3. Как и п. 2, но разные функции одного и того же слова противопоставлены нечётко, из-за чего нередко допускаются пунктуационные ошибки: *наконец, безусловно, скорее* и т. п.

4. Как п. 3, однако граница между двумя функциями слова ещё более прозрачна, его значение почти не изменяется: *по крайней мере, в известном смысле, действительно* и т. п. Большое значение в данном случае имеет авторская пунктуация: считает автор нужным обособлять данное вводное слово или нет.

5. Слова, для которых нетипична функция вводных, но которые, тем не менее, в ней употребляются, хоть и редко: *в принципе, истинно, прежде всего* и т. п. По сути дела, такое употребление – это «пунктуационный неологизм» автора, который может быть подхвачен другими.

6. Слова, которые не употребляются в позиции вводного, однако носители языка часто допускают ошибки, обособляя их как вводные; следовательно, они способны стать вводными: *фактически, в идеале, в строгом смысле* и т. п.

7. Слова, которые не используются в позиции вводного слова. Тем не менее некоторые из них могут обособляться по другим пунктуационным правилам русского языка.

Как можно понять, границы между разрядами данной классификации прозрачны. Если обособление слова «фактически» примет массовый характер, то оно будет относиться к 5 или 4 разряду. Возможно, это уже произошло (словарь О. А. Остроумовой, в предисловии к которому она и приводит эту классификацию, был создан в 2009 году), однако без тщательного статистического анализа однозначного ответа получить невозможно. Тем не менее само осознание, что такие процессы существуют, даёт ключ к пониманию того, как происходит пополнение класса вводных слов. О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь полагают это проявлением одного из законов языка – экономии речевых усилий [Остроумова, 2001]: вместо целого предложения постепенно начинает употребляться лишь его часть, по которой мы подсознательно восстанавливаем целое предложение.

Надо заметить, приведённый выше путь превращения предложения в вводное слово – отнюдь не единственный. Существует не менее четырёх путей появления новых вводных слов:

1. Из предложений. Проиллюстрирован выше. Зачастую такое предложение сокращается до одного или нескольких слов, но не всегда. Иногда оно – это прежде всего касается односоставных предложений – остаётся таким же, как и было.

2. Из обособленных оборотов, в большинстве случаев – деепричастных оборотов, в некоторых случаях – адъективных оборотов. Поскольку такие обороты обособляются, то переход происходит легко. Как увидим ниже, подобная «участь» постигла многие обороты с деепричастием «говоря»: *грубо говоря, короче говоря* и т. п. Подобно предложениям, такие обороты тоже сокращаются, деепричастие опускается, и появляется новое вводное слово с таким же значением: ср. *короче говоря* и *короче*.

3. Из обстоятельств (не выраженных обособленными оборотами). Заметим, что А. А. Шахматов выделял особый тип обстоятельств – «сопутствующие обстоятельства»: выраженные наречием, зачастую занимающие вводную позицию и относящиеся ко всему предложению, а не к одному слову [Шахматов, 2001, с. 414]. Он полагал, что такие сопутствующие обстоятельства произошли от вводных предложений, ставших вводными словами, но некоторые из них возвести к предложению затруднительно, например, *естественно, нормально* и др. Таким образом, в позиции вводных могут начать употребляться обстоятельства и слова с обстоятельственным значением. Подробнее этот вопрос рассмотрен в подразд. 2.6.

4. Нельзя исключать и явление языковой аналогии: возможно, многие слова и сочетания слов начинают употребляться в позиции вводных по аналогии с вводными словами, образовавшимися иным путём.

5. Из междометий. Вводная позиция междометия естественна для русского языка настолько, что во многих случаях можно говорить о переходе знаменательного слова или сочетания слов в вводное и в междометие одновременно.

В большинстве случаев процесс превращения той или иной единицы в вводное слово можно реконструировать с большой долей приближенности. Приведённый выше пример – вводное слово *короче* – может восходить не к деепричастному обороту *короче говоря*, а к инфинитивному предложению *короче говорить*, которое также употребляется в позиции вводного. *Короче говорить*, в свою очередь, можно возвести к конструкции *если короче говорить* – односоставному инфинитивному предложению, также употребляющемуся в функции вводного, но связанному с «главным» предложением (если

рассматривать вводную конструкцию как полноценное предложение) союзной, а не бессоюзной связью.

Может показаться, что мы обосновываем бессмысленность создания генетической классификации вводных слов; тем не менее, несмотря на все трудности, такая классификация необходима, потому что, как было сказано выше, свойства вводного слова во многом зависят от его происхождения.

Первая генетическая классификация вводных слов была создана А. А. Шахматовым, выделявшим примерно 6 разрядов:

1. Восходящие к односоставным определённо-личным (*признаюсь, ведь* (древняя глагольная форма, перфект, глагола *ведать*), *положим, веришь ли* и т. п.), в том числе и тем определённо-личным, где главный член выражен повелительным наклонением (*пожалуй, смотри, мол* (от древней глагольной формы, повелительного наклонения глагола *молвить*).

2. Восходящие к безличным предложениям с главным членом, выраженным глаголом (*кажется, разумеется, значит* т. п.).

3. Восходящие к односоставным подлежащим (т. е. номинативным) предложениям (*царство небесное, понятная вещь*).

4. Восходящие к односоставным инфинитивным предложениям (*знать, между нами сказать, признаться*).

5. Восходящие к односоставным «наречным» (т. е. со словом категории состояния в качестве главного члена: *полно, благо, должно быть*).

6. Восходящие к двусоставным (*я думаю, я чай, она знала, Бог ведает* и т. п.). Как можно заметить, последний класс сейчас относят всё же к вводным предложениям, а не вводным словам, за исключением устойчивых выражений и междометий.

7. В отдельный разряд лингвист выделял различные бранные слова и выражения, произошедшие от междометий, вроде *чёрт побери* [Шахматов, 2001, с. 265–273].

А. А. Шахматов, подобно А. М. Пешковскому, довольно подробно рассматривает вводные слова, произошедшие от синтаксических единиц с глаголами, но уделяет мало внимания тем, что произошли от синтаксических единиц с существительными, так что не совсем понятно, к какому именно разряду этой классификации относить вводные выражения вроде *к счастью, по словам* и пр.

Существенно полнее классификация В. В. Виноградова: в частности, он рассматривает вводные слова, в основе которых лежат сочетания с существительными. При этом А. А. Шахматов в случае вводных слов, уже потерявших всякие связи со словом, от которого произошли, прослеживал эти связи и относил такие единицы в соответствующий разряд: например, *вишь* он относит к вводным словам, восходящим к односоставным определённо-личным предложениям, главный член которых выражен глаголом второго лица единственного числа, поскольку *вишь* произошло от глагола *видишь*. Виноградов пошёл иным путём: он выделял подобные единицы в отдельный класс – модальные частицы. Два других класса – модальные слова и модальные выражения – в отличие от модальных частиц, сохраняли достаточно прочные связи со словами и предложениями, от которых произошли, чтобы это можно было увидеть, не пользуясь этимологическим словарём. Тем не менее надо заметить, что классификация Виноградова касается модальных, не вводных слов; эти понятия отнюдь не равнозначны, поскольку некоторые модальные слова, хоть таких и меньшинство, не употребляются в функции вводных (часть вышеупомянутого разряда модальных частиц).

Поскольку ни одна из классификаций, приведённых выше, не удовлетворяет нас по тем или иным причинам, мы разработали на их основе собственную.

1. Собственно вводные слова. К этому разряду относятся вводные слова, грамматикализовавшиеся и потерявшие связь с частями речи и синтаксическими единицами, от которых произошли. В. В. Виноградов относил их к разряду модальных частиц; А. А. Шахматов прослеживал эволюцию некоторых из них от одного из типов односоставных предложений.

Можно условно выделить несколько подразрядов:

1.1. Вводные слова, которые подверглись в потоке речи фонетическим изменениям: *гыт, грит, мол, чать, дескать, вишь, небось, бишь, ишь, бат, слышь, положим* (сокращённое «предположим») и др.

1.2. Вводные слова, содержащие в своём составе архаизмы или малоупотребительные слова: например, *чай* (если глагол «чаять» ещё употребляется, то форма его повелительного наклонения осталась в языке только в виде вводного слова) [Фасмер, Т. 4, 1987, с. 311], *паче того, де* (произошло от слова «дѣе» – глагола «говорить» в повелительном наклонении) [Фасмер, Т. 1, 1986, с. 489–490].

1.3. Вводные слова, образованные по модели: *во-* + основа + *ых*. Это такие слова, как *во-первых, во-вторых, в-десятых* и т. д. Скорее всего, этимологически *во-* предлог, а *ых* – окончание, и образовались данные вводные слова путём перехода сочетания падежной формы с предлогом в наречие, которое потом перешло в вводное слово, однако мы не будем затрагивать в данной работе вопросы словообразования, просто отметим, что существуют малоупотребительные слова, образованные по той же модели: *в-главных, в-конечных, в-последних* и некоторые другие.

1.4. Вводные слова, которые ещё можно связать с другими частями речи: *кажись, вестимо, конечно, всеконечно, например, по-видимому, почитай, это самое, пожалуй, пожалуйста, кстати, наверное*. Тем не менее эти слова либо употребляются только в позиции вводных, либо имеют в этой позиции особое значение, какого уже не имеют те слова, с которыми они связаны: например, *почитай*. Ср. *Почитай отца и мать*. – *Он, почитай, там два года прожил; Пожалуй к нам в гости – Пожалуй, я не буду гулять сегодня; Перерыв сейчас кстати – Кстати, я должен сказать тебе одну вещь*.

Особенностью, объединяющей эти вводные слова, является то, что они не мыслятся в отрыве от вводности. Таковыми они стали в результате сложных лексических и морфологических изменений, превративших их в особые единицы. Все они «являются результатом семантического «усыхания», или вещественного опустошения слов» [Виноградов, 1975, с. 77] – эти слова в той или иной мере можно отнести почти ко всем вводным словам данного типа, несмотря на то, что В. В. Виноградов имел в виду модальные частицы. «Семантическое усыхание» несущественно разве что в случае третьего подряда (*во-первых, во-вторых* и т.д.); по общему характеру семантики они ближе наречным вводным словам (см. ниже), чем к остальным собственно вводным словам.

Вместе с тем такие «собственно вводные слова» составляют меньшинство среди вводных слов. Судя по всему, языковая система сопротивляется появлению таких единиц, и в большинстве случаев вводность остаётся именно позицией, а не постоянным признаком слова или сочетания слов.

2. Квазипредикативные вводные слова.

Это очень большой и разнообразный разряд вводных слов, граница между которым и вводными предложениями очень и очень прозрачная.

Лингвистическая традиция, однако, такова, что единица *я говорю* считается вводным предложением, а единицы *говорю, говорю же, честно говорю* – уже вводными словами, хотя, по сути, это односоставные определённо-личные предложения. Положение дел куда менее ясно в случае односоставных инфинитивных и безличных предложений: *трудно поверить, бывает, чудится, ясно* – связь данных единиц с существующими односоставными предложениями не видна с первого взгляда. Тем не менее она есть, ср.: *Мне абсолютно ясно, что сегодня будет дождь. – Мне ясно, будет дождь. – Ясно, будет дождь.* Некоторые из этих вводных структур имеют внушительные размеры, равно как и союз, соединяющий их с предложением, в рамках которого они функционируют, например, структуры с союзом (назовём их **союзными**, а те, в которых отсутствует союз, – **бессоюзными**): *если можно так выразиться, если правильно понимаю, как имею* и пр. Однако причин причислять их к разным разрядам нет: с точки зрения синтаксического членения обе единицы – *если правильно понимаю* и *говорю* – односоставные определённо-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом первого лица единственного числа, просто первое – распространённое и союзное, а второе – нераспространённое и бессоюзное.

Несмотря на то, что вводные предложения не относятся к теме нашей работы, о них необходимо сказать хотя бы пару слов, чтобы в дальнейшем не возникало вопросов о границе между вводными словами (сочетаниями слов) и вводными предложениями. К вводным предложениям мы относим двусоставные конструкции, в которых можно выделить подлежащее и сказуемое: *люди говорят, я думаю, считают они* и т. д. В большинстве случаев эти предложения соответствуют предикативным частям, связанным бессоюзной связью с теми, внутри которых находятся, например: *Он честный человек, люди*

говорят. Такие предложения возможно преобразовать в сложноподчинённые, при этом – при наличии союза – вводное предложение потеряет всякий оттенок вводности: *Люди говорят, что он честный человек.* Другой источник вводных предложений – присоединительные придаточные: *что существенно, что удивительно, что характерно* и т. д. Вводными могут быть и двусоставные неполные предложения: *как имел честь доложить, виноват, уверен, согласен, сказал.* Как правило, у таких предложений есть аналог среди квазипредикативных вводных слов, восходящих к односоставным предложениям (см. ниже): *как имею честь доложить.* Другие (*виноват, уверен, сказал* и пр.) выглядят как вводные слова, и только анализ заставляет отнести их к двусоставным вводным предложениям.

Вернёмся к квазипредикативным вводным словам. Название данной группировки вводных слов и сочетаний слов – **квазипредикативные** – мы дали на основании того, что они поддаются синтаксическому членению: в них возможно выделить грамматическую основу, второстепенные члены, а их связь с предложением, в котором они функционируют, восходит к союзной или бессоюзной связи. Тем не менее нельзя сказать, что данные вводные слова обладают предикативностью; их главный член может быть охарактеризован с точки зрения лица, времени и наклонения, однако все эти морфологические характеристики приобретают иное качество, когда единица используется в вводной позиции.

Квазипредикативные вводные слова делятся на следующие подразряды:

2.1. Вводные слова, восходящие к определённо-личным предложениям. Их источник – односоставные определённо-личные предложения, устойчиво употребляющиеся в позиции вводных слов.

Могут быть как распространёнными, так и нет; как союзными, так и бессоюзными.

а) Форма изъявительного наклонения:

- 1 л., ед. ч. – *отмечу, отвечаю, не спорю, повторяю, признаюсь, признаю, боюсь, боюсь только, воображаю, врать не буду, вру, гляжу, напоминаю, надеюсь, буду надеяться, мню, могу поспорить, клянусь, гляжу, добавлю, допущу, не знаю, замечу* (нераспространённые и бессоюзные); *могу честно сказать, искренне говорю, сколько помню, насколько понимаю, как вижу, как посмотрю, обращаю внимание, осмелюсь вам доложить, позволю себе так выразиться, позволю себе заметить, по секрету скажу, по совести скажу* (распространённые и/или союзные) и др.

- 1 л., мн. ч. – *скажем, отметим, не спорим, повторяем, признаем, признаемся, надеемся, будем надеяться, боимся, напоминаем, глядим, добавим, допустим, заметим* (нераспространённые, бессоюзные); *будем говорить прямо, как имеем честь доложить, как видим, обращаем внимание* (распространённые и/или союзные) и т. д.

Как можно увидеть, почти у всех вводных элементов с глаголом первого лица единственного числа есть аналог с глаголом первого лица множественного числа; вместе они формируют подобие парадигмы вводных слов этого типа. Каждый член этой парадигмы имеет чёткую прагматику: если 1 л., ед. ч. – самохарактеристика говорящим своей коммуникации, то 1 л., мн. ч. – это как бы вежливое, но настойчивое привлечение собеседника на свою сторону, близкое по семантике «научному *мы*», или же указание на то, что не один автор слов придерживается высказанного мнения, что, опять же, должно убедить собеседника в правоте автора.

- 2 л., ед. ч. – *веришь, знаешь, слышишь, видишь; веришь ли, знаешь ли, видишь ли, будешь смеяться, можешь не сомневаться, можешь*

представить; как видишь, как изволите видеть, как хочешь, как помнишь, как догадываешься; вот видишь, не поверишь и др.

- 2 л., мн. ч. – *знаете, верите, видите, можете не сомневаться, можете представить; знаете ли, видите ли, верите ли; как видите, как хотите, как помните, как догадываетесь; вот видите; если изволите знать, как изволите видеть, не поверите и др.*

Эти вводные слова тоже сохранили живую связь с глаголами и односоставными определённо-личными предложениями, вплоть до того, что имеют парадигму числа. Когда мы говорим с одним собеседником, мы будем использовать «веришь ли»; когда со многими – «верите ли»; т. е. неверно будет считать их застывшей, застывшей формой. Некоторые, однако, – *положим, скажем* – не имеют пары единственного числа, что связано с сильным ослаблением связи с первообразной языковой единицей.

- 3 л., ед. ч. и мн. ч. – *говорит, говорят, заявляет, заявляют, отвечает, отвечают и др.*

Из всех вводных слов, восходящих к определённо-личным, этот подтип самый малочисленный и используется в основном при пересказе чужой речи. Эти вводные слова сильно сближаются с неопределённо-личными; по сути, определённо-личными они могут считаться, только если в контексте есть чёткая привязка к говорящим. Ср. *Они настаивают, что надо взять зонтик. Говорят, дождь будет, непременно будет* (определённо-личное) – *Надо взять зонтик. Говорят, сегодня будет дождь* (неопределённо-личное).

Глагольные формы второго и третьего лица лишены прагматической окраски форм первого лица.

б) **Повелительное наклонение:** *смотри, смотрите, слушай, слушайте, послушай, послушайте, вообрази (себе), вообразите (себе), вдумайся, вдумайтесь, вспомни, вспомните, глади, глядите, заметь,*

заметьте, изволь, извольте, не забывай, не забывайте, не подумай чего плохого, не подумайте чего плохого, не прогневайся, не прогневайтесь, поверь, поверьте, подумай, подумайте, позволь, позвольте, помилуй, помилуйте, прикинь, прикиньте, приколись, приколитесь, хоть убей, хоть убейте и др.

Сюда можно отнести и некоторые этикетные междометия, утратившие почти все связи с повелительным наклонением глагола: *извини, извините, прости, простите*. Слова *пожалуй* и *пожалуйте* логичнее отнести к собственно вводным словам, поскольку глагол *пожаловать* в русском языке уже имеет иное значение, мало связанное со значением данного вводного слова. Эти вводные слова, если можно так выразиться, менее личные, чем определённо-личные формы, и ориентированы в основном на установление контакта с собеседником (фатическая функция). При этом они сохраняют парадигму числа: формируют пары по принципу единственное число – множественное число, употребление которого зависит от количества собеседников.

2.2. Вводные слова, восходящие к неопределённо-личным предложениям: *рассказывают, рассказывали, говорят, передают, сплетничают, пишут, объявляют, заявляют, сказывают, сказывали, указывают, утверждают; как говорят, как говорили, как сказали, как пишут, как повествуют, как считают, как шутят; говорят вам;* и др.

Связь данных вводных слов с неопределённо-личными предложениям настолько прочная, что они не до конца утрачивают их парадигму, ср.: *Говорят, он вдовец* (настоящее время) – *Говорили, он вдовец* (прошедшее время). Тем не менее ни будущего времени, ни сослагательного с побудительным наклонением в этой парадигме нет по той причине, что семантика подобных вводных слов – указание на источник сообщаемого, которым выступает нарочито неопределённый субъект: то ли «все», то ли «некоторые», то ли вообще «один человек».

Говорящий не конкретизирует этот момент, снимая с себя таким образом ответственность за подтверждение сведений и одновременно придавая сказанному вес. Как можно увидеть, этот класс немногочисленный и к нему относятся вводные слова с семантикой эвиденциальности.

2.3. Вводные слова, восходящие к обобщённо-личным предложениям: *глядишь, как ни говорите, как ни крути, ничего не скажешь, подумаешь* и некоторые другие. Это малочисленный, но, тем не менее, существующий класс вводных слов. Отчасти эти единицы сближаются с вводными словами, восходящими к определённо-личным предложениям, однако, в отличие от них, не являются обращением к собеседнику, а отражают мироощущение говорящего, приписываемое им всем лицам в принципе.

2.4. Вводные слова, восходящие к инфинитивным предложениям: *знать, признаться, видать, что и сказать* (нераспространённые); *как знать, как вам сказать, и то сказать, вернее сказать, без преувеличения сказать, между нами сказать, доложить вам, недалеко ходить, истинно сказать, словом сказать, как бы вам сказать, с позволения сказать, так сказать, делать нечего, нечего сказать, трудно поверить, признаться сказать, шутка сказать, должно быть, к примеру сказать, легко сказать, лучше сказать, мало сказать, откровенно сказать, что греха таить* (распространённые); *если быть точным, если вдуматься, если верить (кому-либо), если говорить серьёзно, как бы это поприличнее выразиться, как бы это поточнее выразиться, как бы это сказать, не в обиду будь сказано, не в укор будь сказано, не к ночи будь помянут, зачем зря говорить, что зря говорить, что скрывать, шутка ли сказать* и др.

Инфинитивные вводные слова близки к инфинитивным предложениям семантической структуры «субъект – его состояние как

непосредственное (физическое) и интеллектуальное восприятие» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 372]. Основное отличие от этой семантической структуры в том, что позиция субъектного детерминанта закрыта, ср. *Признаться, я с вами не согласен.* – **Мне признаться, я с вами не согласен; Видать, дождь собирается.* – **Мне видеть, дождь собирается.* Причина подобного кроется в особой семантике инфинитивного вводного слова: говорящий как бы апеллирует не к своей оценке сказанного, а к всеобщей, снимая с себя за неё ответственность, ср.: *Признаться, я с вами не согласен.* – *Признаюсь, я с вами не согласен.* В самом деле, в предложении *Видать, дождь собирается,* кому *видать?* Ответ – всем, каждому, любому. Глагольная форма в инфинитивном вводном слове максимум обезличена, отвлечена от конкретного лица, даже если мы прекрасно понимаем, что выражаемая ею оценка принадлежит говорящему. Таким образом, по семантике они приближаются к неопределённо-личным вводным словам.

2.5. Вводные слова, восходящие к безличным предложениям.

Возможно, самый многочисленный и разнообразный класс вводных слов, восходящих к односоставным предложениям, в котором есть как распространённые, так и нераспространённые единицы, как союзные, так и бессоюзные, иногда дополняющиеся различными частицами. «Главный член» этих, восходящих к безличным предложениям единиц, может быть тоже выражен самыми разными способами:

а) **личным глаголом в безличной форме:** *бывает, выходит, может, может статься, может быть, как следует из, как бывает, как явствует, бывало, значит, стало, стало быть, как бы то ни было, как было заведено, как и следовало ожидать, как можно было догадаться, как отмечено выше, верится, разумеется, кажется, говорится, называется, казалось, казалось бы, думается (думается мне,*

думается нам), кажется, как выяснилось, как (кому-либо) кажется, как оказалось, как отмечалось, как водится, как выясняется, как говорится, как повелось, как поётся, как полагается, как полагалось, как случается, подумалось (кому-либо), само собой разумеется, чувствуется, чудится и др.;

б) категорией состояния и словами, близкими к категории состояния: *видно по всему, вполне возможно, как известно, известно, ИМХО, интересно, как видно, как видно из (чего-либо), как написано, как ни печально, как ни странно, как ни удивительно, как ни грустно, как положено, как принято, как угодно, мало того, надо думать, надо же, надо полагать, надо признаться, очевидно, по всему видно, понятно, хорошо, ясно, должно быть, если можно, если можно так выразиться, если можно так сказать, похоже, сказано (где-либо), нечего греха таить, нечего делать, благо;*

в) лексемой «нет»: *нет слов, спору нет.*

2.6. Вводные слова, восходящие к номинативным односоставным предложениям: *главное дело, воля ваша, конечное дело, кровь из носу, вот те крест, естественное дело, интересное дело, невиданное дело, не правда ли, неслыханное дело, отличное дело, поразительное дело, факт, честное слово, странная вещь, странная штука, шутка, ясное дело, и др.* Существительное дело в них подвергается прономенализации, по семантике приближаясь к местоимению. Многие из таких вводных слов можно классифицировать как междометия, например, *страсти Господни, царствие небесное* и другие выражения, содержащие поминание Бога, или, напротив, чёрта.

3. Непредикативные вводные слова.

К числу непредикативных мы отнесём вводные слова, в которых невозможно выделить грамматическую основу. Этот разряд также членится на несколько подразрядов.

3.1. Вводные слова, восходящие в обособленным оборотам.

3.1.1. Вводные слова, восходящие к деепричастным оборотам:

собственно говоря, коротко говоря, короче говоря, вернее говоря, в сущности говоря, к слову говоря, кстати говоря, говоря иными словами, банально выражаясь, мягко выражаясь, фигурально выражаясь, образно говоря, откровенно признаваясь и др.

Как можно заметить, вводные сочетания слов этого подряда образованы с использованием ограниченного числа лексем: деепричастий *говоря, выражаясь* и *признаваясь*. Исполнитель сопутствующего действия, на которое указывает данный причастный оборот, – автор высказывания, а отнюдь не субъект предложения, в рамках которого они функционируют. Интересно, что слова со значением, близким *говоря* и *выражаясь*, например, *изрекая, передавая*, использоваться в таких оборотах не могут. Основную тяжесть семантики в таких вводных словах несёт зависимое слово – обычно наречие, примыкающее к деепричастию. Деепричастие *говоря* (для *выражаясь* и *признаваясь* это, напротив, нехарактерно) может «отпасть», а наречие – продолжать употребляться как вводное слово (ср. *короче говоря – короче, вернее говоря – вернее, собственно говоря – собственно* и т. д.).

3.1.2. Вводные слова, восходящие к обособленным оборотам с союзом как (субстантивным, сравнительным и пр.): *как минимум, как нарочно, как на беду, как на горе, как на грех, как правило, как результат, как следствие, как назло, как всегда.*

3.2. Вводные слова, которые невозможно возвести к предложениям или обособленным оборотам. Большинство из них попадает под определение А. М. Пешковского: «Вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть другой мысли» [Пешковский, 2001, с. 410]. Их

структура не имеет ничего общего со структурой предложений или оборотов. Можно выделить два подвида:

а) остатки вводных предложений и сочетаний слов других разрядов, ставшие употребляться как отдельные вводные слова. См. пример выше – вводное слово *короче*;

б) слова и сочетания слов, не являвшиеся частью вводного предложения, сочетания слов или деепричастного оборота, но, тем не менее, перешедшие во вводные, например: *к счастью, на грех, натурально, навряд ли* и пр.

Основная зацепка – наличие неустойчиво вводных слов (термин, использующийся в словаре Остроумовой) и оборотов, которые обособляются в зависимости от авторского замысла. Возможно, они – переходная стадия, которую давно прошли многие вводные слова этого подвида.

3.2.1. Вводные слова, восходящие к наречиям (наречные вводные слова): *действительно, буквально, поразительно, решительно, собственно, верно, безусловно, подлинно, истинно, натурально, непременно, однозначно, честно; напротив, наоборот, вдобавок, воистину, вообще, затем, и вообще, и вправду, и впрямь, иначе, и потом, как-никак, наверняка, наконец, не иначе, опять, опять-таки; весьма вероятно, весьма возможно, прежде всего, так или иначе, там, тем временем, теоретически, часом, случаем, по-вашему, по возможности, поистине, по-моему, по-настоящему, по-научному, по-нашему* и др.

Часть этого разряда представляет собой осколки вводных сочетаний слов, восходящих к односоставным глагольным предложениям и деепричастным оборотам: *собственно – собственно говоря, честно – честно говоря – честно говорить* и др. Другие же миновали этап компонента вводного сочетания слов, восходящего к односоставному глагольному предложению или деепричастному обороту: *наконец –*

**наконец говоря, наверное – *наверное говоря* и т. д. (возможно, они проходили этот этап, но в данный момент развития языка такие сочетания не сохранились). Сюда же можно отнести устойчивые выражения *как пить дать*, синонимичное таким наречным вводным словам, как *наверняка, непременно, точно*, и *кстати о птичках*, которое теоретически можно возвести к вводному устойчивому сочетанию слов, восходящему к деепричастному обороту: **кстати говоря о птичках*.

Некоторые вводные слова, произошедшие от наречий на -о (*действительно, безусловно, бесспорно, истинно* и др.), близки к вводным словам, восходящим к безличным предложениям с главным членом, выраженным категорией состояния, занимая промежуточное положение между этими двумя разрядами. С. М. Кузнецова относит такие слова к особому классу: «модусные транспозитивы на -о», «...форма, связанная, с одной стороны, с краткими прилагательными среднего рода, а с другой стороны с наречиями и предикативами» [Кузнецова, 2017, с. 58]. Она же отмечает, что парентетическая, то есть вводная, позиция – одна из пяти типичных позиций данного типа единиц, наряду с рамочной, припредикатной (внутрисинтаксической), позицией ответной реплики, и позицией функционирования в составе дискурсивной скрепы [Кузнецова, 2017].

3.2.2. Вводные слова, восходящие к беспредложным формам существительных в творительном падеже: *словом, одним словом, главным образом, естественным образом, главным делом, грешным делом, другими словами, иными словами, некоторым образом, равным образом, таким образом* и др. В основном представляют собой остатки деепричастных оборотов с деепричастием *говоря*: *одним словом говоря, таким образом говоря, иными словами говоря* и т. д.

3.2.3. Вводные слова, восходящие к существительным и субстантивированным формам с предлогом.

а) С предлогом к: *к сожалению, к счастью, к несчастью, к вашему сведению, к (чьему-либо) восторгу, к (чьему-либо) греху, к досаде, к недоумению, к изумлению, к (чьему-либо) неудовольствию, к (чьему-либо) облегчению, к (чьему-либо) огорчению, к примеру, к сведению, к слову, к (чьему-либо) стыду, ко всему прочему и пр.* Можно вставить внутрь словосочетания притяжательные местоимения: *к твоему счастью, к моему сожалению* и пр. Лишь часть из них можно возвести к деепричастным оборотам: *к слову – к слову говоря, к примеру – к примеру говоря.*

б) С предлогом по: *по слухам, по словам, по преданию, по всей вероятности, по всей видимости, по Пушкину, по учебнику, по аналогии, по версии, по воспоминаниям, по данным (кого-либо), по заключению (кого-либо), по замечанию (кого-либо), по идее, по известиям, по крайней мере, по легенде, по логике вещей, по меньшей мере, по мне, по мнению, по секрету, по сути, и др.*

в) С предлогом в: *в самом деле, в частности, в конце концов, в двух словах, в довершение всего, в смысле, в известном смысле, в конечном счёте, в некотором роде, во всяком случае, в первую очередь, в принципе, в свою очередь, в сущности, в частности, в терминологии, в общем, в общем и целом, в общем-то, в целом и др.*

г) С предлогом на: *на (чей-либо) взгляд, на всякий случай, на минуточку, на секундочку, на мой вкус, на несчастье, на первый взгляд, на радость (кому-либо), на (чьё-либо) счастье, на удивление (на + винительный падеж); на основании, на основании вышеизложенного, на самом деле (на + предложный падеж) и др.*

д) С предлогом с: *с вашего позволения, с другой стороны, с одной стороны, со своей стороны, с позволения, с точки зрения (кого-либо) и др.*

е) **С другими предлогами:** *без преувеличения, вместе с тем, вне всякого сомнения, для примера, для справки, между делом, под конец, под видом, при условии, против обыкновения, сверх того, сверх всего, справедливости ради, несмотря на (что-либо), кроме всего прочего, помимо всего прочего и др.*

Лишь некоторые из этих вводных слов возможно возвести к деепричастным оборотам или инфинитивным предложениям: *с вашего позволения – с вашего позволения сказать, в двух словах – в двух словах говоря* и т. д. В других случаях можно говорить об авторском обособлении членов предложения для подчёркивания их детерминативного характера, породившем модель образования вводных слов.

3.2.4. Вводные слова, восходящие к прилагательным и порядковым числительным (адъективные вводные слова). Малочисленный и малопродуктивный класс вводных слов: *главное, самое главное, самое большее, самое меньшее, последнее*. Некоторые из них можно возвести к вводным словам с прономинализированным словом *дело*, отпавшим в процессе употребления выражения (например, *главное – главное дело*). Сюда же можно отнести вводные слова, представляющие собой порядковые числительные в среднем роде единственном числе: *первое, второе, третье* и так далее. Выступая в роли вводных слов, они – полный синоним собственно вводных слов, произошедших от числительных *во-первых, во-вторых* и так далее, и употребляются в основном в разговорной речи. Ср.: *Во-первых, ты прекратишь размахивать руками, во-вторых, кричать. – Первое, ты прекратишь размахивать руками, второе, кричать.*

3.2.5. Вводные слова, восходящие к формам компаратива (компаративные вводные слова): *более того, больше того, вернее всего, далее, лучше, лучше всего, скорее всего, точнее, хуже всего, хуже*

того, шире и др. Представляют собой прилагательные или наречия (что именно – установить не представляется возможным) в сравнительной степени.

3.2.6. Вводные слова, восходящие к местоимениям (местоименные вводные слова): *кроме того, к тому же, между нами, между прочим, между тем, помимо того, помимо этого, несмотря ни на что, со всем тем* и др. По сути, образуются по той же модели, что и вводные слова, восходящие к существительным с предлогом.

3.2.7. Вводные слова, восходящие к частицам и нечленимым конструкциям с частицами: *единственно, именно, итак, как бишь его, как будто, как бы, как его, навряд ли, небось, да что там говорить, чего доброго, чего уж тут, не так ли, так вот, так и быть, тем более, тем не менее, чай, что ж, ну что же, что ли, чего уж тут* и др.

3.2.8. Вводные слова, восходящие к союзам: *притом, следовательно, стало, стало быть, то есть, впрочем* и др. Как можно заметить, они не просто восходят к союзам, они восходят к производным союзам. Даже будучи вводными словами, они сохраняют союзную функцию.

4. Вводные слова-междометия.

Эти вводные слова и сочетания слов восходят к междометиям (междометные вводные слова) и устойчивым выражениям: *благодаря Богу, страсти господни, царствие небесное, Бог весть, благодарить Бога, да простит меня Бог, ей-Богу, святой крест, истинный крест, на тебе, не дай Бог, не приведи Бог, прошу прощения, пардон, подумать только, пожалуйста, простите, ради Бога, ради всего святого, скажите на милость, скажите пожалуйста, увы, чёрт возьми, поди, поди-ка, поди ты* и др. Позиция вводного слова – естественная и частая позиция междометия в предложении в русском языке. Ещё Шахматов относил бранные выражения вроде «чёрт побери» к особому разряду

вводных слов, хотя многие из них по структуре аналогичны простым предложениям, иногда даже распространённым [Шахматов, 2001]. Однако бранными выражениями круг вводных слов, восходящих к междометиям, не ограничивается: в функции вводного могут употребляться практически все междометия.

В заключение можно добавить, что зачастую в состав вводных слов и сочетаний слов могут входить сочинительные союзы, например: *а может быть, и самое главное, но прежде всего, да подумаешь* и др. В таком случае союз и вводное составляют единое вводно-союзное образование. Вводные слова в таком случае можно считать конкретизаторами союза, то есть имеются в виду «слова и словосочетания, которые подключаются к союзу и уточняют его значение» [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 713]. Вводное слово и союз, примыкающие друг к другу, могут как разделяться запятой, так и не разделяться (т. е. формировать вышеописанное вводно-союзное образование): это делается на основе того, насколько велика их интонационная и смысловая слитность; в случае позиции в абсолютном начале предложения сочетание союза и вводного слова запятой в принципе не разделяется, кроме случаев с союзом *и* [Остроумова, 2009, с. 424–427].

2.4. Семантика вводных слов.

Функционально-семантическая классификация вводных слов

Как можно было увидеть выше, происхождение вводных слов может быть самым разным, то есть в этой функции могут употребляться как различные синтаксические обороты, так и отдельные слова различных частей речи. Следовательно, главный фактор, который

определяет, будет ли языковая единица употребляться в функции вводного слова (сочетания слов), – значение этой языковой единицы.

Ключевая особенность семантики вводных слов в том, что она неотделима от функции, которую эти единицы выполняют в том или ином предложении, и нередко весьма слабо связана со значением не-вводного употребления этой же единицы. А. М. Пешковский характеризовал эту особенность так: «Чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет своё первоначальное значение (ср., например, видите ли, когда нечего видеть, одним словом, когда употребляется очень много слов, слава богу, ради бога в устах человека неверующего)» [Пешковский, 2001, с. 410]. Таким образом, речь стоит вести скорее не о семантической, а о функционально-семантической классификации.

Первая такая классификация вводных слов (сочетаний слов) была создана самим А. М. Пешковским. Он выделяет три разряда:

1) вводные слова, показывающие отношение говорящего к той или иной мысли (*к счастью, к несчастью, конечно, вероятно, очевидно* и т. п.);

2) слова, показывающие, что говорящий считает мысль не своей, а чужой (*дескать, будто бы, говорят* и т. п.);

3) слова, выражающие отношение данной мысли к предыдущим и последующим, и потому близкие к союзам (*итак, во-первых, во-вторых, короче говоря, кстати* и т. п.) [Пешковский, 2001, с. 371].

До сих пор эта классификация остаётся самой скромной по числу разрядов. Это одновременно и её преимущество – краткость и точность, и недостаток – слишком общий характер. А именно: первый разряд включает в себя очень большое и разнообразное количество вводных слов, семантика которых лишь грубо сводится к «отношению говорящего к той или иной мысли».

В. В. Виноградов выделял уже 12 разрядов модальных слов [Виноградов, 1975, с. 577–581]:

1. Модальные слова, обозначающие передачу чужой речи (*по словам, по слухам, говорят* и др.).

2. Модальные слова, обозначающие оценку стиля и способа выражения (*буквально, откровенно говоря, коротко говоря* и др.).

3. Модальные слова, обозначающие речевую экспрессию или эмоциональный тон (*шутка сказать, не в обиду будь сказано* и др.).

4. Модальные слова, обозначающие эмоциональное освещение описываемой действительности (*авось, чего доброго, пожалуй, небось, чай, к сожалению, к изумлению* и др.).

5. Модальные слова, обозначающие логическую достоверность утверждения (*вероятно, понятно, несомненно, очевидно* и др.).

6. Модальные слова, выражающие отношение содержания мысли или части мысли к последовательности мыслей (*значит, стало быть, кстати, напротив* и др.).

7. Модальные слова, обозначающие числовую последовательность мыслей (*во-первых, во-вторых, в-третьих* и др.).

8. Модальные слова, отражающие субъективную внезапность припоминания (*кстати, одно к другому, заодно* и др.).

9. Модальные слова – частицы-наречия (*словно, как бы, как будто* и др.). Модальные слова этого разряда не употребляются в позиции вводных слов.

10. Модальные слова, являющие собой призыв к собеседнику (*видите ли, знаешь, знаешь ли, знаете что* и др.).

11. Количественные обозначения степени (*самое большее, самое меньшее, по крайней мере* и др.).

12. Модальные слова, совмещающие модальные значения со значениями других категорий. Сюда лингвист относит разнообразные междометия, употребляющиеся в позиции вводных.

В дальнейшем свои классификации вводных слов создавали многие лингвисты, например, А. И. Аникин (выделял 10 разрядов) [Аникин, 1956]; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова (8 разрядов) [Розенталь, 1976; Розенталь, 1985]; В. М. Галкина-Федорук (тоже 8 разрядов) [Галкина-Федорук, 2009]; Н. В. Рачук (5 разрядов) [Рачук, 1999]; Е. А. Пантелеева (5 разрядов) [Пантелеева, 2005]; О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь (8 разрядов) [Остроумова, 2009] и др. В РГ-80 выделяется 7 разрядов [Русская грамматика, Т. 2, 1980]. В разных классификациях разное не только количество разрядов, но и сами разряды. Причин этого несколько:

1. Семантику вводного слова и его функцию сложно, почти невозможно разделить. По сути, говоря о семантической классификации вводных слов, мы говорим о функционально-семантической классификации вводных слов. При этом функции вводных слов очень разнообразны и к единому знаменателю их можно свести с трудом. Например, если описать эту функцию как «отношение говорящего к тому, что он говорит» (в разных вариациях этот тезис повторяется во многих научных трудах), то у нас «выпадут» или по крайней мере окажутся в разряде нетипичных явлений слова с такой частотной семантикой, как указание на источник информации или на положение данной мысли относительно других.

2. Отсутствие ясности в том, как нужно проводить границы между разрядами. Например, стоит ли выделять вводные слова, обозначающие уверенность говорящего в сказанном (*конечно, точно, естественно*), и вводные слова, маркирующие, напротив, неуверенность говорящего в сказанном (*наверное, вероятно, скорее всего*), в отдельные разряды либо

объединить в один разряд? И стоит ли к ним причислять элементы, указывающие на источник информации (ведь вводное сочетание слов *как известно по авторитетному источнику* тоже в какой-то мере отражает уверенность)? Эту проблему автор каждой классификации решает по-своему. Например, Е. А. Пантелеева выделяет слова с каждым из вышеперечисленных значений в отдельный разряд, в то время как О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь, наоборот, объединяют их в один (вместе с тем разводя в разные подразряды).

3. Способность вводных слов в разных контекстах приобретать разную семантику. Например, вводное слово *в конце концов* служит и для обозначения последовательности мыслей, а именно её окончания, и одновременно имеет сильную экспрессивную окраску, выражая такие эмоции, как усталость и раздражение.

Вместе с тем между указанными выше классификациями больше сходств, чем различий. Если обобщать различные классификации, то можно выделить следующие разряды:

1. Вводные слова, выражающие оценку говорящим степени реальности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность и т. п.): *конечно, несомненно, вероятно, кажется, возможно, наверное, пожалуй* и др. Как было сказано выше, Е. А. Пантелеева делит слова с данной семантикой на две группы: **акцентно-утвердительные** (уверенность) и **акцентно-вероятностные** (неуверенность). Н. В. Рачук называет данный разряд **персуазивными** вводными словами.

В некоторых классификациях в отдельный разряд выделяются вводные слова, показывающие степень обычности того, о чем говорится: *бывает, бывало, случается, по обычаю, по обыкновению* и т. д. [Розенталь, 1985; Русская грамматика, Т. 2, 1980]. Е. А. Пантелеева относит их к метатекстовым вводным словам [Пантелеева, 2005]. Тем не

менее мы не можем согласиться с такой точкой зрения: по семантике они куда ближе к описанному выше разряду, или даже к авторизационным вводным словам (п. 4), а потому заслуживают быть выделенными в отдельный, особый подразряд в рамках разряда 1.

2. Вводные слова, выражающие эмоциональную оценку, экспрессию. Надо заметить, что непосредственную эмоцию выражают лишь некоторые междометия, употребляющиеся в позиции вводных слов; обороты вроде *к счастью, к сожалению*, напротив, достаточно рациональны по своей сути, и нередко содержат в себе сему прогнозирования последствий чего-либо. Вместе с тем многие вводные слова других функционально-семантических разрядов имеют экспрессивные оттенки (например, *в конце концов, на худой конец*). Е. А. Пантелеева называет данный разряд **эмотивно-кваликативными**, Н. В. Рачук – **эмоционально-оценочными**. О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь выделяют следующие категории эмоции, на которые могут указывать вводные слова: облегчение и радость (*благо, к чьей-либо радости, приятно, слава Богу* и др.), сожаление и досада (*делать нечего, как ни крути, к чьему-либо стыду, увы* и др.), удивление (*и на тебе, интересное дело, невиданное дело, оказывается* и др.), опасение (*не дай Бог, не ровён час, чего доброго* и др.), возмущение и протест (*видите ли, нечего сказать, на самом деле, извольте радоваться* и др.).

3. Вводные слова, указывающие на связь мыслей, последовательность изложения: *итак, значит, следовательно, наконец, во-первых, во-вторых* и т. д., *с одной стороны, с другой стороны, наоборот, напротив* и т. д. Е. А. Пантелеева и Н. В. Рачук называют данный разряд **метатекстовыми** вводными словами.

Е. А. Пантелеева также причисляет к этому разряду вводные слова, указывающие на приемы и способы оформления высказываемых мыслей: *словом, одним словом, иначе говоря, так сказать, другими*

словами и т. д. (Д. Э. Розенталь, например, относит их в отдельный разряд), что, как нам кажется, абсолютно правомерно.

Также она относит к метатекстовым элементы, выражающие экспрессивность высказывания: *по совести, по справедливости говоря, смешно сказать, не в укор будь сказано* и т. д. С ними уже дела обстоят сложнее: мы придерживаемся мнения, что данные вводные слова скорее занимают промежуточное положение между метатекстовыми и выражающими экспрессивность высказывания; более того, частично они несут в себе и семантику призыва к собеседнику (п. 5). Тем не менее мы вновь согласимся с Е. А. Пантелеевой, не забывая, однако, о промежуточной природе этих единиц.

4. Вводные слова, указывающие на источник сообщаемого: *говорят, сообщают, по словам..., по мнению..., по слухам, с точки зрения, помнится, по-моему* и т. д. Е. А. Пантелеева называет этот разряд **адресно-маркированными** вводными элементами, а Н. В. Рачук – **авторизационными** (как нам кажется, термин Н. В. Рачук точнее).

5. Вводные слова, представляющие собой призыв к собеседнику или читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым фактам: *видишь (ли), видите (ли), поймите, вообразите, представьте себе, извините, согласитесь, пожалуйста* и т. д. По Е. А. Пантелеевой, это **фатические** вводные элементы, по Н. В. Рачук – **контактоустанавливающие** (в принципе, эти термины синонимичны).

6. Вводные слова, указывающие на оценку меры того, о чем говорится: *самое большее, самое меньшее, по крайней мере, по меньшей мере, в значительной степени* и некоторые другие. С классификацией слов, относящихся к данному разряду, возникает больше всего трудностей, поскольку, с одной стороны, их круг очень мал, с другой – в рамки других разрядов они не вписываются. Их семантика связана

именно с субъективной оценкой меры какого-либо явления, которая может быть как эмоционально окрашенной, так и почти лишённой этой окраски, ср.: *По крайней мере, все мы здоровы. – Он даст, по крайней мере, сто рублей.* Подобная «разноголосица» не позволяет отнести данные единицы к вводным словам, обозначающим эмоциональную оценку. Другая особенность этого вида вводных элементов в том, что зачастую они относятся не ко всему предложению, а к его части; в других же случаях непонятно, к чему именно они относятся. См. пример выше: *Он даст, по крайней мере, сто рублей.* Что имеется в виду? «Он даст сто рублей или больше»? Либо «Он мало чем поможет, но хотя бы даст сто рублей»? Второе толкование наделяет данное вводное сочетание слов эмоциональной окраской; первое её лишено.

Причина наличия двух толкований в том, что все данные элементы «неустойчиво вводные» – такова помета в словаре О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполь [Остроумова, 2009], т. е. занимают позицию между вводными и не-вводными словами. «Эмоциональная» вариация этих единиц – те случаи, когда они ближе к вводным словам, чем к не-вводным; тогда они в значительной степени (хоть и не полностью) теряют связь с первоначальной семантикой сочетания, обретая новую – эмоциональной оценки ситуации (надежда, облегчение, готовность довольствоваться малым). По мере уменьшения эмоциональности оценки эти вводные слова отдаляются от вводных, переходя в область пограничных явлений и приближаясь к обстоятельствам меры и степени, обособленным в рамках авторской пунктуации.

Подводя итог рассуждениям, приведённым выше, мы считаем, что данные вводные слова обладают достаточным количеством особенностей, чтобы выделять их в отдельный, особый разряд.

7. О. А. Остроумова и О. Д. Фрамполь выделяют ещё один разряд вводных слов: вводные слова-паразиты (*в смысле, значит, то есть, это*

самое, стало быть и др.) [Остроумова, 2009, с. 499]. По сути, это метатекстовые вводные слова, которые, однако, уже не указывают на связь мыслей и последовательность изложения, а просто заполняют паузы в речи.

Нельзя не затронуть и такой аспект, как зависимость между происхождением вводного слова и его семантикой. В большинстве случаев такой зависимости нет: например, среди собственно вводных слов есть те, что указывают как на источник сведений (*де, дескать*), так и на степень уверенности говорящего (*чай*), содержат обращение к собеседнику (*вишь*), характеризуют отношения между мыслями (*во-первых, во-вторых*). Тем не менее так происходит не всегда.

1. Вводные слова, восходящие к определённо-личным предложениям с главным членом в изъявительном наклонении и втором лице или повелительном наклонении, относятся к числу фатических вводных слов. Те же, что восходят к определённо-личным предложениям с главным членом в изъявительном наклонении и третьем лице, – к **авторизационным**.

2. Вводные слова, восходящие к неопределённо-личным предложениям, также **авторизационные**, и указывают на источник сведений, который имеет неопределённый характер.

3. Те редкие единицы, что восходят к обобщённо-личным предложениям, имеют сильное субъективно-модальное значение уверенности и относятся к **акцентно-утвердительным** вводным словам: говорящий выражает с их помощью столь сильную уверенность в собственной правоте, что приписывает свою точку зрения всем и каждому.

4. Вводные слова, восходящие к безличным предложениям, могут иметь самую разную семантику, но почти никогда – фатическую. *Не в*

обида *будь сказано* – один из редких примеров вводного сочетания слов с указанной функцией.

5. Те вводные слова, что восходят к деепричастным оборотам, указывают на приёмы и способы выражения собственных мыслей говорящим, – то есть являются **метатекстовыми** вводными словами.

6. Адъективные вводные слова либо указывают на соотношение мыслей друг с другом (*главное, самое главное*), то есть являются **метатекстовыми**, либо выражают субъективную оценку меры чего-либо (*самое меньшее, самое большее*).

7. Союзные вводные слова – что вполне логично – продолжают выполнять союзную функцию: они связывают мысли и части мыслей в потоке речи или в тексте, относясь к **метатекстовым** вводным словам.

8. Вводные слова-междометия в основном маркируют речевую экспрессию и принадлежат к числу **эмоционально-оценочных** вводных слов. Некоторые, отражающие этикетные нормы, относятся к разряду **фатических**.

В заключение заметим, что столь глубокий экскурс в тему происхождения вводных слов был предпринят с целью доказательства рабочей гипотезы, что специфика функционирования вводного слова в рамках конструкции вывода-обоснования во многом зависит от происхождения вводной единицы. Тем не менее, данная гипотеза не подтвердилась, но результаты исследования, проведённого в рамках данного подраздела, позволили более ясно осознать характер связи вводного слова и предложения (см. подразд. 2.6).

2.5. Вводные слова как средство выражения субъективной модальности

До этого момента мы, рассматривая семантику вводных слов, не обращались к такому аспекту, как их связь с выражением субъективно-

модальных значений. Сделано это было намеренно, ввиду большой сложности и обширности понятия модальности (в особенности – субъективной модальности), чему требуется посвятить отдельный подраздел.

Почему она так важна для нас? Как можно понять из написанного выше, классификация вводных слов с точки зрения их роли в предложении или тексте, то есть функционально-семантическая классификация, вызывает затруднения по причине отсутствия чётких границ между разными функционально-семантическими разрядами и способности вводных слов выражать разные значения в разных контекстах. В результате классификация получается либо слишком негибкая, либо слишком раздробленная. Следовательно, необходимо изменить подход: рассмотреть вводные слова не просто с точки зрения их функции в предложении, а с точки зрения модальных значений, которые они выражают. Для чего нужно сначала рассмотреть такое понятие, как модальность.

Понятие модальности (точнее – понятие «модус», переведённое на русский как «модальность») пришло в лингвистику из философии. Там оно определяется как «свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от атрибута» [Философский словарь, 1983, с. 383]; понятие модуса было введено Аристотелем и развито схоластами XIII–XIV веков, которые понимали его также как способ понимания суждения об объекте. В дальнейшем И. Кант разделил суждения на ассерторические (суждения действительности), аподиктические (суждения необходимости) и проблематические (суждения возможности) [Философский словарь, 1983]. Именно эта классификация стала основой для выделения изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений. По мере развития лингвистики понятие модальности расширялось и усложнялось,

прекратив сводиться только к наклонениям и, конечно же, получив совсем иное толкование, чем философское понятие модуса.

Лингвисты определяют модальность следующим образом: «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]; «указание на отношение к действительности» [Виноградов, 1975, с. 55]. И. И. Мещанинов относит модальность к понятийным категориям: «Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе» [Мещанинов, 1945, с. 196]. Как и все понятийные категории, модальность, модальные значения с трудом поддаются «раскладыванию по полочкам» и подсчёту: можно сказать, лингвисты не пришли к согласию «по самым основным вопросам, касающимся сущности этой категории, ее отношения к модальной мысли, типов модальности предложения, ее отношения к предикативности и т. п.» [Панфилов, 1971, с. 183].

Традиционно модальность делится на объективную и субъективную. К объективной модальности относятся «заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значения отношения сообщаемого к действительности, т. е. значения реальности (синтаксический индикатив: синтаксические настоящее, прошедшее и будущее времена) и ирреальности (синтаксические ирреальные наклонения: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное)» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 214], то есть она прочнее всего связана с модусом так, как его понимает философия. Субъективная модальность включает «все те значения, в которых

заключено отношение говорящего к тому, о чем он сообщает» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 214]. Е. В. Падучева, кроме субъективной и объективной, выделяет ещё один вид модальности – иллокутивную, которая сводится к типу предложения по цели высказывания [Падучева, 2014]. Г. А. Золотова говорит о модальности внутрисинтаксической и внешнесинтаксической: «...модальные отношения — между субъектом и действием — можно назвать внутрисинтаксическими модальными отношениями, в отличие от внешнесинтаксических модальных отношений (отношения содержания высказывания к действительности и отношения говорящего к содержанию высказывания)» [Золотова, 1973, с. 151]. Как можно заметить, внешнесинтаксическая модальность объединяет в себе субъективную и объективную модальности, в то время как во внутрисинтаксическую включаются «модальные значения возможности, желательности, необходимости, долженствования» [Золотова, 1973, с. 151].

Из всех типов модальности наиболее обширный круг значений охватывает субъективная модальность; её границы наименее ясны, можно сказать, весьма условны. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова включают в круг значений субъективной модальности следующее: «уверенность и неуверенность, согласие или несогласие, экспрессивная оценка» [Розенталь, 1985, с. 119]. Вслед за ними значение утвердительности/отрицания к модальным относят О. С. Ахманова и Г. А. Золотова [Ахманова; Золотова, 1973]. В. В. Виноградов, напротив, это значение модальным не считает, однако включает в число модальных различные эмоциональные и экспрессивные значения [Виноградов, 1975], в отличие, например, от Г. А. Золотовой: «В ряде работ наблюдается также тенденция распространить понятие модальности и на те языковые явления, которые связаны с выражением авторской экспрессии, эмоционально-стилистических оттенков речи и т. п. В

живом языке, действительно, тесно взаимодействуют, переплетаются оттенки модальные с экспрессивными и даже эмоциональными, и этим в значительной мере определяется трудность изучения модальности» [Золотова, 1973, с. 141]. В данной работе мы будем опираться прежде всего на точку зрения В. В. Виноградова, который одним из первых начал рассматривать категорию модальности широко и разрабатывать это направление в отечественной лингвистике.

Другое имя, которое нельзя не упомянуть, говоря о субъективной модальности, – это имя Ш. Балли, который в труде «Общая лингвистика и вопросы французского языка» ввёл понятия **диктума** (фактического содержания высказывания) и **модуса** (индивидуальной оценки излагаемых фактов) [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Как это часто происходит, возникла некоторая терминологическая путаница: понятие «модус» буквально переводится как «модальность», однако в русской лингвистике этот термин обозначает несколько иное, хоть и близкое к модальности понятие: «Это некоторая модальная окрашенность целостного, единого высказывания, связанная прежде всего с лексическими компонентами»; «Модальность – это, по сути дела, морфологизированный и лексикализованный модус» [Ярыгина, 2018, с. 46–47]. Таким образом, когда говорят о субъективно-модальном значении вообще, или в противопоставлении с диктумом, употребляют термин модус; когда о том, какими средствами оно выражается, – модальность. Вместе с тем в некоторых контекстах эти термины функционируют как взаимозаменяемые, и ниже мы будем использовать оба.

Но вернёмся к В. В. Виноградову и его точке зрения на модальность. Надо заметить, что в большинстве случаев, когда лингвист говорит о модальности, он имеет в виду прежде всего субъективную модальность, которую полагал важным элементом языка. Он выделял

модальные слова и модальные частицы в отдельный структурно-семантический тип слов русского языка, наряду со знаменательными словами (части речи), служебными («частицы речи») и междометиями [Виноградов, 1975]. Как говорилось выше, вводные слова составляют большую часть этого класса; оставшаяся часть – частицы с похожим значением, но не обособляющиеся. Наряду с ними выразителями модальных (точнее, субъективно-модальных) значений, по мнению лингвиста, выступают интонация, тип предложения по цели высказывания (ср. «иллокутивная модальность» по Падучевой), междометия, инфинитив в разных позициях, а также слова с особым лексическим значением (например, слова категории состояния и близкие к ним, вроде *жалко, жаль, грех, стыд, тошно* и т. д., или слова, выражающие модальные значения необходимости, возможности: *можно, нельзя, пора* и др.). На основании этого можно заключить, что вводные слова не просто один из способов выражения субъективной модальности, а нередко соединяют в себе несколько таких способов. Во-первых, они всегда выделяются с помощью особой, пониженной интонации, которая имеет двойную функцию: «интонация не только выделяет вводные синтагмы, но и включает их в предложение, смыкает их со всем составом предложения или с отдельными его членами, создавая известную перспективу модальных отношений» [Виноградов, 1975, с. 10]. Собственно, обособление вводных слов на письме – отражение данного интонационного выделения, которое маркирует вводные слова как «второй слой» модальности высказывания. Во-вторых, языковые единицы, перечисленные В. В. Виноградовым (инфинитивы, слова категории состояния и т. д.), нередко присутствуют в составе синтаксических конструкций или остатков таких конструкций, к которым восходят вводные слова (см. подразд. 2.3). По образному выражению лингвиста, вводные слова накладываются «на

грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов, 1975, с. 70]; мы, в свою очередь, можем добавить, что на «семантический грунт» самих модальных слов также накладываются различные средства выражения субъективной модальности, которые могут функционировать и не в рамках вводных единиц.

В том, что вводные слова выражают субъективно-модальные значения, трудно сомневаться, вопрос в том, какие и в какой мере. Здесь мы вплотную упираемся в необходимость очертить границы субъективной модальности и упорядочить субъективно-модальные значения – задача, по сей день не имеющая однозначного решения, поскольку, как было показано выше, лингвисты не могут прийти к согласию, что включать в круг этих значений, а что – нет.

Тем не менее такие попытки делаются. Например, одну из них предприняла Н. Д. Арутюнова (причём она вела речь именно о модусах, а не о модальности). Лингвист выделяла следующие значения эксплицитного модуса – или, точнее, планы значений:

1. Перцептивный (сенсорный) план значений (чувственное восприятие).

2. Ментальный (когнитивный, эпистемический) план значений, внутри которого выделяются:

а) полагание (мнение);

б) сомнение и допущение;

в) истинностная оценка;

г) знание;

д) незнание, безразличие, сокрытие;

е) общая аксиологическая оценка.

3. Эмотивный план значений (эмоциональное состояние и отношение к чему-либо).

4. Волеизъявительный (волитивный) план значений, в который входят модусы:

а) желания;

б) необходимости [Арутюнова, 1988, с. 109–132].

Создав данную классификацию модусов, Н. Д. Арутюнова, однако, не анализирует средства их выражения и не уделяет специального внимания вводным словам как средствам выражения данных модусов. Тем не менее анализ её классификации позволяет заключить следующее:

1. Значения перцептивного плана, по мнению Арутюновой, выражают в основном предикаты чувственного восприятия. Некоторые вводные слова, произошедшие от единиц с данными предикатами, сохраняют связь с перцептивной семантикой, например: *гляжу, вижу, видишь, слышу, слышишь*. В других случаях эта связь оказывается разорвана: *замечу, видишь ли, видите ли*.

2. Вводные слова, выражающие оценку говорящим степени реальности сообщаемого, формируют ментальный модус: значения полагания (мнения) – *кажется, думаю, полагаю*; сомнение и допущение – *возможно, не верится, может быть*; истинностная оценка – *правда, верно*; знание – *знаю, точно, уверен*; незнание, безразличие, сокрытие – *не знаю, как знать*. Вводные слова не могут выражать общую аксиологическую оценку (Хорошо, что... Скверно, что...), потому что это требует куда более прочной связи с предложением, чем та, что характерна для вводных слов.

3. Модус эмотивного плана, конечно же, выражают многочисленные вводные слова со значением эмоциональной оценки (*к счастью, к несчастью, как на грех* и др.).

4. Модус волитивного плана вводные слова не выражают.

Таким образом, несмотря на свои достоинства, эта классификация мало помогает упорядочить вводные слова с точки зрения субъективно-

модальных значений, которые они выражают: во-первых, она слишком общая, во-вторых, оставляет за бортом многие вводные слова, например, указывающие на источник информации или на частотность события. В конце концов, эта классификация касается прежде всего модусов, которые всё же не равны модальности как таковой.

Поэтому обратимся к работе Е. Н. Ореховой, предлагающей подробную классификацию субъективно-модальных значений, развивающей и дополняющей идеи В. В. Виноградова. Она перечисляет следующие способы выражения субъективно-модальных значений:

1. Лексические и морфологические средства с модально-оценочной семантикой:

а) вводные компоненты (под ними Е.Н. Орехова подразумевает вводные слова и сочетания слов);

б) модальные частицы;

в) фразеологические единицы во вводной функции;

г) междометия;

д) модальные союзы.

2. Синтаксические средства:

а) вводные предложения;

б) коммуникативы.

3. Просодические средства (функционируют только совместно с другими средствами выражения).

4. Конструктивно-просодический способ:

а) случаи, когда главная часть сложноподчинённого предложения выполняет функцию модальной рамки;

б) вопросно-риторические высказывания.

Как можно заметить, лингвист на первое место ставит не интонацию, как В. В. Виноградов, но те единицы, которые он относил к модальным словам. Мы рассматриваем вводные слова более широко,

чем Е. Н. Орехова, следуя точке зрения В. В. Виноградова [Виноградов, 1972], и относим к ним следующие единицы из перечисленных выше:

- 1) собственно вводные слова и сочетания слов;
- 2) междометия во вводной позиции;
- 3) фразеологизмы во вводной позиции.

Но вернёмся к классификации субъективно-модальных значений, предложенной Е. Н. Ореховой. Очевидно, что это именно классификация значений, а не средств их выражения, однако она также может использоваться в качестве классификации вводных слов, поскольку они являются основным средством выражения упомянутых значений. Такая классификация помогает:

- 1) более глубоко проникнуть в семантику вводных слов, а значит, лучше их упорядочить;
- 2) объяснить и снять многие противоречия функционально-семантических классификаций; например, совмещение значений двух и более разрядов в одном слове.

Е. Н. Орехова выделяет следующие субъективно-модальные значения, каждое из которых формирует своё функционально-семантическое поле [Орехова, 2011, с. 100–203]:

1. Предположение. Ядром значений субъективной модальности Е. Н. Орехова считает значение достоверности-недостоверности, а ядром самого этого значения – предположение. Между двумя полюсами – категорической и проблематической модальностью (ср. [Рачук, 1999]) – лежит целый спектр значений (заметим специально, что сами категорическая и проблематическая модальности, по мнению лингвиста, в этот спектр не входят – они являются отметками на шкале значений, но не её частью). Семантику предположения исследователь делит на три части: **уверенное предположение, неуверенное предположение и предположение-догадка.** Уверенное предположение ближе всего к

полюсу категорической модальности; тем не менее, рассматривая вводные слова как выразители данного субъективно-модального значения, Е. Н. Орехова ставит на первое место **неуверенное предположение** – вводные единицы с таким значением наиболее нейтральны стилистически. К ним относятся: *предположим, может быть, может статься, возможно, наверное, пожалуй*.

Уверенное предположение, выражаемое вводными словами, она делит на две разновидности:

1) Основанное на чувствах. Выражается единицами *очевидно, судя по всему, видимо, по-видимому, видно, как видно, похоже; видать, по всей видимости* (находятся на периферии, поскольку стилистически окрашены). Как можно заметить, они формируют перцептивный модус (если пользоваться классификацией Н. Д. Арутюновой); или, точнее, способны его формировать, потому что чаще всего мы употребляем перечисленные вводные единицы не тогда, когда что-то видим, а когда делаем какое-то умозаключение, и, таким образом, они связаны скорее с ментальным модусом.

2) Основанное на логических умозаключениях (т.е. формирующее ментальный модус): *должно быть, надо думать, надо полагать, вероятно, по всей вероятности, верно; должно полагать, должно статься, должно, знать, чай* (располагаются на периферии, поскольку стилистически окрашены).

Предположение-догадку выражают следующие вводные слова: *что ли, небось, случайно, случаем, часом, чего доброго, неровён час, не дай бог*.

Далее, в п. 2–5, перечислены околядерные значения.

2. **Допущение** – «выражение согласия, когда говорящий считает что-либо возможным или только внешне, вынужденно соглашается с существованием какого-либо предмета, явления, признака» [Орехова,

2011, с. 131]. Его выражают следующие вводные слова: *допустим* (ядерное средство выражения, наиболее нейтральное и лишённое дополнительных оттенков значения); *пожалуй* (околоядерное); *ладно, ну, ну пусть, хорошо* (допущение-уступка); *положим, предположим* (допущение-предположение, в некотором контексте – уступка). В определённом контексте значение допущения могут выражать вводные слова, обычно имеющие другую семантику: *может быть* (предположение), *вероятно* (сомнение), *конечно* (уверенность).

3. **Сомнение:** «сомневаясь, говорящий вводит в предложение модусную характеристику, квалифицируя высказывание как недостоверное» [Орехова, 2011, с. 141]. Его выражают такие вводные слова, как *вероятно, возможно, видимо, по всей видимости, говорят, должно быть, впрочем, допустим, кажется, может быть, может, наверное, похоже, по слухам*.

4. **Мнимость.** Отличие мнимости от сомнения в том, что говорящий прекрасно знает и не скрывает, что приводимые им сведения ложны, однако хочет «заострить полемический характер проблемы» [Орехова, 2011, с. 151]. Это значение помогают выразить такие единицы, как *казалось бы, на первый взгляд, на поверхностный взгляд, однако, судя по первому впечатлению, как казалось, кажется на первый взгляд, мол*.

5. **Уверенность.** Близко к значению предположения, однако у говорящего есть куда более веские основания делать приведённый вывод. Это значение могут выражать такие вводные слова, как *конечно, разумеется, бесспорно, действительно, безусловно, без сомнения, подлинно, решительно, естественно, натурально* и др.; особую группу формируют вводные слова, восходящие к фразеологизмам, – *бьюсь об заклад, голову даю на отсечение, как пить дать, по моему глубокому убеждению, кровь из носу*.

Этими значениями ограничивается круг значений достоверности-недостоверности. Далее приведен следующий круг околядерных значений; т.е. если значение предположения – ядро поля, значения допущения, сомнения, мнимости, уверенности формируют вокруг него «второй круг», всё ещё входящий в ядро, то значения п. 6–10 – третий круг.

6. **Обычность:** «одно их значений повторяемости, характеризующееся типичностью, регулярностью, стабильностью» [Орехова, 2011, с. 167]. Её выражают следующие вводные слова: *как было, как бывало, как случилось, как обычно, как водится (у ...), по обычаю, по привычке, бывало, случилось по обыкновению, бывает, случается, случилось.*

7. **Логическая модальность** – выражает логику развёртывания мысли в речи или на письме. В круг значений логической модальности входят следующие (в скобках приведены выражающие значение вводные слова): реляционность (*во-первых, во-вторых, ... в-последних*), указание на продолжение ранее начатого изложения (*и так далее, и тому подобное*), вывод (*таким образом, итак, значит, следовательно, вследствие сказанного, стало быть, получается*), включение/исключение (*кроме этого, сверх того, помимо того, к слову, в том числе, мало того, более того*), важность (*особенно, в особенности, что самое важное, важное, в первую очередь, тем более, прежде всего*), иллюстративная семантика (*например, в частности, так*); указание на то, что информация уже упоминалась/будет упоминаться в тексте (*как уже было сказано, как отмечалось, как увидим впоследствии*). Средства экспликации логической модальности позволяют строить рассуждения, выражая свою субъективную точку зрения, помогают выделить ключевые моменты, важную информацию и обеспечить таким образом адекватное восприятие собеседником

приведённой информации. Это сближает логическую модальность с контактоустанавливающей.

8. **Эвиденциальность.** Это значение близко к семантике достоверности/недостоверности, поскольку содержит в себе ссылку на источник информации, и «в ряде случаев связано со стремлением субъекта речи снять с себя ответственность за неверно высказанное суждение» [Орехова, 2011, с. 184]. Ядро средств выражения модальности эвиденциальности формируют вводные слова *мол, дескать*; околядерные средства многочисленны и разнообразны: *по-вашему, по-твоему, по-моему; как сказывали, как говорили, говорили, говорят, передают; говорится, сказывается; слышно, известно*. Плюс вводные слова, восходящие к именным словосочетаниям: по + Д.п.: *по Пушкину, по Виноградову*; по мнению + Р. п.: *по мнению учёных, по мнению специалистов*; с точки зрения + Р. п.: *с точки зрения президента, с точки зрения мамы*. Последние не имеют какого-то ограниченного круга единиц или, точнее, могут постоянно пополняться.

9. **Контактоустанавливающее значение** (аналогичный термин – **фатическое** значение). Оно состоит в том, чтобы сформулировать призыв к собеседнику, привлечь внимание к чему-либо или подчеркнуть определённый факт. Его выражают такие вводные слова, как *знаешь, видишь, не поверишь, понимаешь, поверь, представь, согласишься, если хочешь знать, извините, простите, вишь, бишь, ишь, слышь*; на периферии находятся вводные слова, восходящие к междометиям и звукоподражательным словам: *полно, чур, ну, ну-те, полноте, тс-с, ш-ш-ш*. От себя добавим, что многие вводные единицы, с помощью которых говорящий выражает характеристику своих же слов, – *по совести, по справедливости говоря, смешно сказать, не в укор будь сказано*, и др. – также служат выразителями фатического значения, поскольку, хоть и выражают самооценку автора, по сути обращены именно к реципиенту,

являются призывом к последнему поставить себя на место автора и понять его ощущение, и в той же мере – попыткой автора спрогнозировать и понять реакцию реципиента на его слова. Например: *Я, смешно сказать, романы его прочла уже после войны, – в детстве и юности меня так закармливали его статьями и рассуждениями, что ни «Казаков», ни «Анны Карениной», ни даже «Войны и мира» я тогда и в руки не брала* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000] – реципиент знает, что его слова звучат смешно для автора; *«Сейчас книга, к сожалению, полузабыта, хотя ничего лучшего в этой области до сих пор не создано, и ей бы, по справедливости, и сейчас быть в ходу, тем более что ряды издателей необыкновенно расширились»* [Аркадий Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001] – реципиент указывает, что его точка зрения продиктована его пониманием справедливости, и предлагает автору разделить её; *«Надо бы совершенно переменить пищу, но упорный, независимый и, **не в обиду будь сказано**, страшно упрямый характер великого человека не склонится ни за что на питание рыбой и курицей, как ему советуют, а будет есть морковь и цветную капусту, как сегодня, и страдать от этого»* [Игорь Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец // «Октябрь», 2010] – автор прогнозирует, что его слова могут быть восприняты с обидой, и заверяет реципиента, что он не имел такого намерения.

10. **Эмоционально-оценочное значение.** Несмотря на то, что оно называется эмоционально-оценочным, обычно в нём больше экспрессии, стремления сообщить собеседнику об эмоциональной оценке некоторого факта действительности. Это значение выражает большая и легко пополняемая группа вводных слов, восходящая к сочетанию существительного, обозначающего эмоцию, и предлога *к* (реже *на*), и

иногда дополнительных элементов: *к счастью / на счастье, на грех, к несчастью, к изумлению* и др. Эмоциональная оценка может относиться к собеседнику (*на твоё счастье, к стыду вашему*) или к третьему лицу (*к стыду великой германской нации*). Другие сочетания с существительным, называющим эмоцию, тоже могут употребляться в функции вводных слов для выражения данного значения: *вот досада, какая печаль, один срам, одна радость*, равно как и некоторые междометия: *ну и ну, слава Богу* и др. Заметим, что иметь эмоциональную окраску могут многие вводные слова, выражающие и другие значения: *ишь* (фатическое значение), *в конце концов* (логическая модальность) и так далее, однако лишь в данном случае это значение – основное.

Добавим к десяти вышеперечисленным модальным значениям ещё одно, не затронутое Е. Н. Ореховой, значение:

11. Значение оценки меры и степени. Его выражают такие вводные сочетания слов, как *по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени, самое большее, самое меньшее, как минимум*. Мы выделяем его по нескольким причинам:

а) это, без сомнений, субъективно-модальное значение, отражающее субъективную оценку меры и степени присутствия того или иного признака в широком смысле этого слова (такие вводные слова могут дополнять сказуемое, т. е. отражать меру и степень присутствия предикативного признака);

б) его невозможно свести ни к одному из перечисленных выше субъективно-модальных значений. Наиболее близко оно к значению логической модальности, а именно – реляционности, включения, важности, ср.: *«Последствием этого может стать если не новая мировая война, то, по крайней мере, крупный военный конфликт за влияние в Азии»* [К 2040 г. экономическая мощь КНР превысит

американскую (2004) // РБК, 2004.09.11] – *Основными проблемами генерации текстов являются, во-первых, проблемы методологического характера (имеются в виду возможные замечания со стороны филологов / лингвистов вообще и литературоведов в частности), а во-вторых, – отсутствие автоматической генерации самих шаблонов-словарей»* [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004]; *«Зайдя в комнату к матери, чтобы убрать чайные чашки, Анна Фёдоровна отметила про себя, что у Мур такой же счастливый вид, что и у детей, и, сверх того, она находится в состоянии полной боевой готовности: голос на октаву ниже, чем обычно, мурлыкающий, глаза как будто на два размера шире, спина прямой, если это только возможно»* [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000)]. Тем не менее связь с логикой развёртывания мысли у вводных слов меры и степени опосредованная и вторичная, а главная их функция – именно выражение субъективной оценки, количественной или качественной, меры и степени чего-либо.

Связь вводных слов с выражением субъективной модальности позволяет предположить их особую роль в формировании конструкций вывода-обоснования. Эту роль уже отметили многие исследователи: *«Обычным способом выражения причинно-аргументирующего значения является соединение союза с вводным (модально-оценочным) словом или словосочетанием»* [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 580]; *«...Значение предположительности на фоне реальной модальности может маркироваться вводно-модальными словами и сочетаниями»* [Ярыгина, 2002, с. 166]. Вместе с тем анализ языкового материала показал, что данная роль сильно зависит от субъективно-модального значения слова. Подробнее об этом будет рассказано в главе 3, подразд. 3.1 настоящей работы.

На примере классификации Е. Н. Ореховой становится понятно, в чём разница двух подходов к семантической классификации вводных слов: функционально-семантического, рассмотренного в подразд. 2.4, и модально-семантического, анализируемого в данном подразделе. Функционально-семантический подход выбирает в качестве отправной точки сами вводные слова и идёт от них, от их функции в предложении. Модально-семантический – как было продемонстрировано выше – идёт от самого понятия субъективной модальности; рассматриваются сначала возможные субъективно-модальные значения, выражаемые различными единицами языка, а уж потом вводные слова и сочетания слов, как одно из средств выражения данных значений. Иначе говоря, **при модально-семантической классификации вводная единица подвергается всестороннему анализу и вычлняются значения, которые она может выражать в разных контекстах (особенно ярко это видно на примере вводных слов со значением предположения).** Подобный подход позволяет снять многие противоречия, которые возникают при попытке создать функционально-семантическую классификацию: в частности, он объясняет, почему значение одного и того же вводного слова может сильно изменяться в зависимости от контекста, и, главное, данный подход позволяет упорядочить такие «контекстуальные» значения; позволяет отделить вводные слова с эмоционально-оценочным значением от вводных слов с другим значением, но экспрессивно окрашенных.

2.6. Характер связи вводного слова и предложения

Основная сложность при описании вводных слов – невозможность не привлекать синтаксические категории и термины, с одной стороны, поскольку вводные единицы являются частью предложения, и отсутствие терминологического аппарата для описания специфики связи

между вводным словом и предложением, в рамках которого оно функционирует, – с другой.

Отрицать наличие данной связи невозможно. Рассмотрим следующие примеры:

1. *Возможно, ночью был дождь, потому что лужи на улице.*

2. *Возможно, свет отключили потому, что на электростанции авария.*

3. *Возможно, свет отключили, так как на электростанции авария.*

Первый пример относится к числу конструкций вывода-обоснования. *Возможно* в данном случае маркирует модус мнения первой предикативной части, не затрагивая вторую, которая выражает перцептивный модус.

Второй пример – собственно-причинное предложение. Несмотря на то, что вводное слово в нём находится в той же позиции, что в первом примере, оно маркирует модус второй предикативной части. Заметим, что союз *потому ... , что* выступает здесь в расчленённом варианте (*потому, что*), и в данном случае этот фактор чётко маркирует предложение как собственно-причинное.

Третий пример аналогичен второму с одной лишь разницей: в нём используется союз *так как*, который синонимичен союзу *потому ... , что*, однако не имеет расчленённого варианта. Как результат, однозначно квалифицировать тип причинного предложения – собственно-причинное или несобственно-причинное – нельзя. Если мы толкуем предложение как собственно-причинное, то оно описывает следующую ситуацию: говорящий видит, что свет отключен, и предполагает причину – *возможно, на электростанции авария*, и *возможно* в таком случае маркирует как мнение придаточную часть.

С высокой степенью вероятности мы выберем именно такое толкование; но возможно и другое, если в контексте имеются указания,

что у говорящего есть основания предполагать, что при аварии на электростанции свет могут не отключить. Например, предполагается существование резервной электростанции, или речь идёт о строении, про которое нет точной информации, от какой электростанции оно получает электричество – от той, на которой произошла авария, или от другой. Тогда предложение становится несобственно-причинным: говорящий знает, что на электростанции авария (частно-информативное обоснование) и предполагает последствия – *возможно* маркирует модус мнения первой предикативной части.

Во всех трёх примерах мы использовали одно и то же вводное слово, в одной и той же позиции, однако оно относилось к разным предикативным частям предложения (или же без контекста отсутствовала возможность выявить, к какой именно части оно относится).

Из этого можно сделать два вывода:

1. Связь вводного слова и предложения, в рамках которого оно функционирует, существует; в случае сложного предложения эта связь может иметь разный характер с разными предикативными частями.

2. Эта связь не выражена формально, а базируется исключительно на семантике, подобно связи частей в некоторых бессоюзных конструкциях. Вместе с тем эту связь невозможно приравнять к бессоюзной связи предикативных частей, прежде всего ввиду отличий вводного слова или сочетания слов от предикативной единицы.

Наиболее ярко данные особенности выражаются в случае **квазипредикативных** вводных слов, которые восходят к односоставным предложениям; они лишены обязательного признака предложения – предикативности. Да, такое вводное слово продолжает обладать признаками предикативной части, в частности, в нём можно выделить предикат и охарактеризовать этот предикат с точки зрения

времени, лица и наклонения, однако указанные признаки приобретают иную функцию, нежели в не-вводной единице.

Рассмотрим три вводных слова, которые восходят к нераспространённому односоставному предложению с предикатом *видеть* в разных формах.

1. *Вижу* – предикат, выраженный глаголом первого лица, единственного числа, настоящего времени, действительного наклонения. Вводное слово имеет субъективно-модальное значение уверенного предположения, основанного на чувствах:

«Бао помимо воли вздрогнул — и это не укрылось от дознащика.

– Вижу, вы начинаете понимать, – усмехнулся он» (Г. Олди).

2. *Видишь* – предикат, выраженный глаголом второго лица, единственного числа, настоящего времени, действительного наклонения. Вводное слово выражает фатическое субъективно-модальное значение.

«– А у меня пять часов обратного отсчета! – похвастался чужой космолетчик. – Даже побрился уже на дорожку, видишь?»
(О. М. Громыко)

3. *Видит* – предикат, выраженный глаголом третьего лица, единственного числа, настоящего времени, действительного наклонения. Выражает субъективно-модальное значение эвиденциальности: *А в тёмном углу, видит, кошка сидит.*

Мы видим, что изменение лица «предиката» вводного слова заставляет его менять субъективно-модальное значение, которое оно выражает. Точно такую же картину наблюдаем с вводными словами *думаю, думаешь, думает; полагаю, полагаешь, полагает; говорю, говоришь, говорит.*

В качестве примера рассмотрим ещё одну пару вводных слов – *казалось бы* и *кажется*. Они оба восходят к безличным предложениям; их предикат – глагол *казаться* в различных формах.

4. *Казалось бы* – безличная форма, сослагательное наклонение. Выражает субъективно-модальное значение мнимости: «*Казалось бы, почти не осталось в обеих Америках кусочков суши, не обследованных неутомимыми исследователями этих «колючек». А всё-таки не проходит и года, чтобы кактусовый мир не потрясла новая находка, порой сенсационная*» [Д. В. Семенов. Сенсационный кактус // «Первое сентября», 2004].

5. *Кажется* – безличная форма, изъявительное наклонение. Выражает субъективно-модальное значение неуверенного предположения (в определённом контексте – мнимости):

«— *Кажется, я поняла, где вы облажа...* — Студентка подняла голову, увидела капитана и быстро поправилась: — *Допустили роковую ошибку!*» (О. М. Громыко).

Таким образом, мы можем наблюдать, как морфологические признаки грамматической основы, которые в случае не-вводного употребления единицы выражают предикативность, меняют своё качество, если эта же единица используется во вводной позиции: лексикализуются, становятся компонентом субъективно-модального значения, которое она начинает выражать. Квазипредикативные вводные единицы существуют как бы на двух уровнях: на одном из них это предикативная часть, обладающая всеми признаками предикативной части и связанная с остальными частями предложения союзной или (гораздо чаще) бессоюзной связью; на втором – цельная единица с особой функцией выражения определённого субъективно-модального значения, нечленимая и предикативностью не обладающая. Ни один из этих уровней нельзя игнорировать: нельзя отказывать квазипредикативному вводному слову (сочетанию слов) в способности иметь грамматическую основу и второстепенные члены; вместе с тем нельзя рассматривать его как одну из предикативных частей. Его связи с

другими предикативными частями восходят к связям предикативных частей предложения, подчинительным и бессоюзным, так же как вводное слово восходит к предложению.

В случае с **непредикативными** вводными единицами ситуация несколько иная. Некоторые из них могут быть истолкованы как обрезанные, неполные варианты квазипредикативных вводных единиц, которые после дополнения инфинитивом (обычно *говорить* или *сказать*) трансформируются в инфинитивные вводные слова: *короче – короче сказать, одним словом – если одним словом говорить* и др. Другие произошли от полупредикативных единиц – деепричастных оборотов (*короче говоря, честно говоря* и т. п.), и тоже частично сохраняют их признаки.

Тем не менее значительную часть непредикативных вводных слов затруднительно возвести к предикативным единицам: *к счастью, первое, наверное, тем не менее* и т. д. Они восходят к другому явлению синтаксиса русского языка – детерминанту: «Детерминант – член предложения, относящийся ко всему составу предложения, распространяющий его в целом и не связанный ни с каким отдельным его членом. Детерминант соединён с предложением связью свободного присоединения, внешне сходного с примыканием, но отличающегося от него своим неприсловным характером» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Данный термин был введён Н. Ю. Шведовой в статье «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения» в 1964 г. [Шведова, 1964]. Для нас важно следующее замечание лингвиста: «...очень наглядно такой эксперимент во всех случаях так называемой вводности, которая синтаксическим ничем не отличается от других типов распространителей предложения и должна рассматриваться как один из видов детерминирующих обстоятельств»

[Шведова, 1964, с. 87]. В качестве примера она приводит вводные сочетания слов со значением эвиденциальности: *по подсчётам астрономов, по предварительным сведениям*. Это созвучно с приведённым в подразд. 2.3 мнением А. А. Шахматова, называвшего некоторые из вводных слов «сопутствующими обстоятельствами» [Шахматов, 2001, с. 414].

Целесообразно ли согласиться с мнением Н. Ю. Шведовой (и А. А. Шахматова)? И да, и нет. Мы полагаем, что её подход оправдан лишь отчасти: вводные слова и детерминанты несомненно имеют одну общую черту – они относятся ко всему предложению (либо предикативной части или нескольким частям). Тем не менее вводные слова отличаются от детерминирующих обстоятельств тем, что:

а) их семантика всегда связана с выражением того или иного субъективно-модального значения;

б) они обособляются и интонационно, и пунктуационно.

Связь детерминирующего обстоятельства с другими членами предложения свободная и слабая, однако всё равно более прочная, чем связь предложения и вводного слова. Вводное слово как бы внесено на иной уровень предложения, располагается вне его рамок, в то время как детерминант остаётся частью структуры предложения.

Таким образом, можно говорить лишь о том, что некоторые непредикативные вводные слова можно возвести к детерминирующим обстоятельствам, подобно тому как квазипредикативные вводные слова – к предикативным частям в составе сложного предложения.

Что до **собственно вводных слов**, то они потеряли способность употребляться в иной позиции, нежели вводная, а заодно и утратили связь с синтаксическими единицами, от которых произошли. Они превратились в чистое, специализированное средство выражения субъективно-модальных значений; они не отягощены иными

функциями, и их связь с предложением базируется исключительно на семантике.

Можно заключить, что вводные слова имеют разную структуру и разное происхождение, и, соответственно, разные свойства, однако это не влияет на их основную функцию – выражение субъективно-модального значения. Более точно эту функцию можно охарактеризовать следующим образом: вводное слово выражает субъективно-модальный признак ситуации, описанной в предложении или в одной из предикативных частей предложения. На основании этого мы делаем вывод, что связь вводного слова и предложения базируется в первую очередь на семантике и не имеет аналогов среди синтаксических связей других типов, хотя и может быть возведена к ним. Назовём эту связь *модально-парентетической*, охарактеризовав данным термином её семантику (субъективно-модальная характеристика) и формальную реализацию (вводное слово или сочетание слов).

Надо заметить, что субъективно-модальный признак предложения или предикативной части может быть выражен и другими способами (например, частицей), однако именно вводное слово выделено пунктуационно и интонационно, вынесено на иной уровень предложения.

2.7. Выводы по второй главе

1. Наиболее точно и правомерно определять вводные слова как «лексико-синтаксический класс», поскольку основные признаки, позволяющие выделить их как отдельную общность, а) синтаксические (пунктуационная и интонационная обособленность, отсутствие формальных связей с другими членами предложения), б) лексико-семантические (выражение субъективно-модальных значений, зачастую – потеря или ослабление связи со значением единицы, от которой

вводное слово произошло). Синтаксические признаки позволяют провести границу между вводными словами и модальными частицами, в то время как лексико-семантические – между вводными словами и другими обособленными оборотами.

2. Вводные слова – активно пополняющийся класс. Источником пополнения следует считать синтаксические, а не морфологические единицы. В большинстве случаев вводные слова сохраняют связи с единицами, к которым восходят. С точки зрения происхождения вводные слова и сочетания слов можно разделить на четыре больших группы:

1) собственно вводные слова – потерявшие связь с исходными единицами;

2) квазипредикативные вводные слова – восходящие к односоставным предложениям;

3) непредикативные вводные слова – восходящие к обособленным оборотам, и те единицы, которые невозможно возвести к обособленным оборотам и предложениям;

4) вводные слова, восходящие к междометиям.

Также можно выделить группу 0) вводные слова, восходящие к двусоставным предложениям, но в русской лингвистической традиции они относятся к вводным предложениям, а не к вводным словам.

3. Непредикативные вводные слова, которые невозможно возвести к обособленным оборотам и предложениям, – самая разнообразная группа, у которой три основных источника пополнения:

а) обособленные обстоятельства;

б) сокращенные варианты предикативных вводных сочетаний слов;

в) междометия. Установить конкретный источник того или иного непредикативного вводного слова в большинстве случаев затруднительно, а иногда – просто невозможно.

4. Семантическая классификация вводных слов и сочетаний слов, в зависимости от подхода, может быть 1) функционально-семантической, 2) модально-семантической. В первом случае основой становится семантика вводного слова как такового и его функция в предложении, во втором – классифицируются субъективно-модальные значения, а вводные слова рассматриваются как средства их выражения. Прямая связь между семантикой и происхождением вводного слова есть, но не всегда.

5. Существует до десятка функционально-семантических классификаций вводных слов (например, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Е. А. Пантелеевой и др.), причём большинство выделяет разное количество разрядов (от 3 у А. М. Пешковского до 12 у В. В. Виноградова). Причина подобной разноголосицы – в зыбкости границ между некоторыми разрядами и в способности некоторых вводных слов соединять в себе несколько значений. Это обуславливает общий недостаток функционально-семантических классификаций: недостаточно глубокое проникновение в сущность семантики вводного слова.

6. Вводные слова – один из основных выразителей субъективной модальности в русском языке, а потому модально-семантическая классификация кажется более правомерным решением, однако границы и состав субъективной модальности до сих пор не ясны, или, точнее, у разных лингвистов есть разные точки на этот счёт. В настоящей работе мы используем классификацию модальных значений Е. Н. Ореховой (10 разрядов), дополнив её ещё одним, 11-м разрядом (вводные слова субъективной оценки меры и степени). Хотя модально-семантическая классификация более точная, она менее удобна в использовании, чем функционально-семантическая.

7. Несмотря на обособленную позицию, вводные слова связаны с предложением, а в рамках сложного предложения – с одной или несколькими предикативными частями. В некоторых случаях эту связь можно возвести к подчинительной или бессоюзной связи в рамках сложного предложения (в случае с квазипредикативными вводными словами) либо к связи детерминирующего обстоятельства и предложения (в случае с непредикативными вводными словами, не возводимыми к квазипредикативным). Морфологические признаки, формирующие предикативность квазипредикативных вводных слов, под влиянием этой функции перерождаются, лексикализуются и становятся фактором, формирующим конкретное субъективно-модальное значение вводного слова. Происхождение вводного слова или сочетания слов не оказывает влияния на специфику связи.

8. Как следствие, связь вводного слова и предложения имеет особый характер и базируется прежде всего на семантике: **вводное слово выражает субъективно-модальную характеристику ситуации, описанной в предложении (предикативной части или нескольких предикативных частях). Мы называем этот вид связи модально-парентетической.**

ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВВОДНЫХ СЛОВ И СОЮЗОВ В КОНСТРУКЦИЯХ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ

3.1. Вводные слова со значением достоверности-недостоверности в конструкциях вывода-обоснования

Роль вводных слов с данным субъективно-модальным значением в формировании несобственно-причинных конструкций отмечали многие, в том числе Н. Ю. Шведова и Е. С. Ярыгина. По утверждению Н. Ю. Шведовой, «Обычным способом выражения причинно аргументирующего значения является соединение союза с вводным (модально-оценочным) словом или словосочетанием (очевидно, видимо, вероятно, явно, безусловно, наверно, по-видимому, кажется, может быть, должно быть, скорее всего, надо полагать и т. п.), принимающим на себя в этих случаях роль компонента двухместного союзного соединения» [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 580]. Вводные слова играют в конструкциях вывода-обоснования указанную роль, поскольку они способны маркировать главную предикативную часть как мнение, выражая соответствующий модус. С этой точки зрения вводные слова со значением достоверности-недостоверности в конструкциях вывода-обоснования выполняют союзную функцию: как можно увидеть выше, они даже именуется *«компонентом двухместного союзного соединения»*. Это обуславливает их особые отношения с союзами.

Значение достоверности-недостоверности является ядерным субъективно-модальным значением, с точки зрения классификации Е. Н. Ореховой [Орехова, 2011], а непосредственным ядром этого значения – предположение; все остальные субъективно-модальные значения находятся на периферии.

Структура ядра выглядит следующим образом:

I. Ядро:

1. Предположение:

а) неуверенное предположение (*предположим, может быть, может статься, возможно, наверное, пожалуй*);

б) уверенное предположение:

- основанное на чувствах (*очевидно, судя по всему, видимо, по-видимому, видно, как видно, похоже; видать, по всей видимости*);

- основанное на логике (*должно быть, надо думать, надо полагать, вероятно, по всей вероятности, верно; должно полагать, должно статься, должно, знать, чай*);

в) предположение-догадка (*что ли, небось, случайно, случаем, часом, чего доброго, неровён час, не дай бог*).

II. Околоядерные значения:

2. Допущение (*допустим, пожалуй, ладно, ну, ну пусть, хорошо, положим, предположим, может быть, вероятно, конечно*).

3. Сомнение (*вероятно, возможно, видимо, по всей видимости, говорят, должно быть, впрочем, допустим, кажется, может быть, может, наверное, похоже, по слухам*).

4. Мнимость (*казалось бы, на первый взгляд, на поверхностный взгляд, однако, судя по первому впечатлению, как казалось, кажется на первый взгляд, мол*).

5. Уверенность (*конечно, разумеется, бесспорно, действительно, безусловно, без сомнения, подлинно, решительно, естественно, натурально и др.; бьюсь об заклад, голову даю на отсечение, как пить дать, по моему глубокому убеждению, кровь из носу*).

В функционально-семантических классификациях слова с семантикой предположения обычно объединяют в один разряд (персуазивные вводные слова в классификации Н. В. Рачук [Рачук,

1999]) или в два (акцентно-утвердительные и акцентно-вероятностные, по классификации Е. А. Пантелеевой [Пантелеева, 2005]).

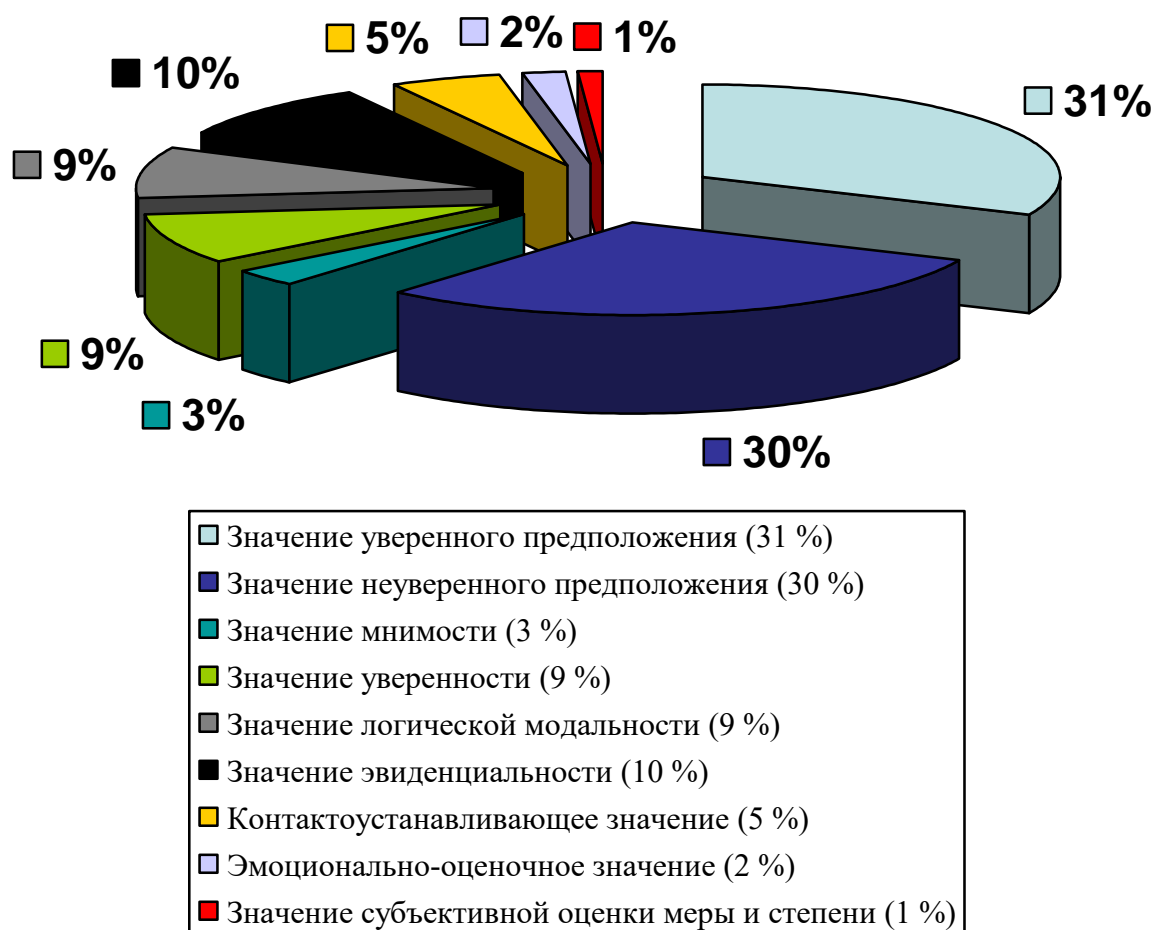

Рис. 3.1. Статистика распределения вводных слов с различным значением в конструкциях вывода-обоснования

Анализ примеров показал, что в конструкциях вывода-обоснования наиболее часто встречаются вводные слова, выражающие субъективно-модальное значение **неуверенного** и **уверенного предположения** (суммарно более 50 % случаев) (см. рис. 3.1). Причина преобладания вводных слов с указанными значениями обусловлена общей семантикой конструкции – говорящий обосновывает субъективный вывод, в котором

уверен (уверенное предположение) или не уверен (неуверенное предположение). Таким образом, вводное слово формирует крепкую семантическую связь с выводом, особенно в случае вывода-мнения.

Е. С. Ярыгина в принципе рассматривает вводные слова со значением достоверности-недостоверности как один из основных способов маркирования вывода как мнения [Ярыгина, 2018]. Тем не менее вводные слова со значением предположения могут присутствовать и в рамках вывода-оценки или вывода-побуждения, например:

1) вывод-оценка: *«Он нашёл случай вступить в разговор с княгиней и сказал какой-то комплимент княжне: она, **видно**, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою»* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]; *«Третья мера: экономисты полагают, что инновационные лекарства, **скорее всего**, окажутся экономически более эффективными, поскольку они продлевают активную жизнь, а каждый год активной жизни приносит государству определенные доходы или экономит средства, которые пришлось бы тратить на лечение поздних стадий, выплаты по инвалидности или на детей-сирот, чью маму не удалось спасти»* [Галина Костина. Государство против рака // «Эксперт», 2015]; *«Мама со своей подругой Таней в тот вечер, чтобы попасть на спектакль, искали «лишний билетик». Но поскольку денег у них было мало, им пришлось выбирать тех, кто продавал билеты подешевле. Задача, **видимо**, была не из простых, потому что им никак не удавалось купить то, что хотелось»* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] и др.;

2) вывод-побуждение: *«**Видимо**, надо найти какой-то компромисс, потому как переворачивать себя с ног на голову... ну, сложно это»* [коллективный. Форум: Как должна поступать нормальная альфа (2012)]; *«И потому значительная часть банков уже сейчас должна*

*пересмотреть свои возможности, усилить свою капитализацию, слиться с кем-то, а **возможно**, и самоликвидироваться, так как новая система учёта всех выведет на чистую воду»* [Александр Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04] и др.

В таком случае вводные слова семантику вывода не меняют, а лишь добавляют дополнительные оттенки уверенности или неуверенности.

Вводные слова со значением уверенности также распространены в конструкциях вывода-обоснования, например: *«В этом смысле святость человека, **конечно**, сочетается с какой-то долей греховности, **потому что** человек отдаёт себя Богу и говорит: Господи, я хочу быть Твоим и только Твоим! — а вместе с этим в нём ещё есть несовершенство, которое должно быть переработано и постепенно исчезнуть»* [митрополит Антоний (Блум). О святости и духовности (1995)]; *«Джексон даже сравнивает британские войска в Северной Ирландии и сербскую армию в Косово. Сравнение, **разумеется**, оказывается не в пользу последней, **поскольку** британцы показали большую выдержку и адекватное применение силы, что необходимо при разрешении этических и религиозных конфликтов: «Если бы югославская армия вела себя так, как британская в Северной Ирландии, никаких бомбардировок не понадобилось бы»* [Сергей Татевосов. Князь тьмы в малиновом берете // «Коммерсантъ-Власть», 1999]; *«Я занимался этим вопросом с точки зрения глубинного содержания этой доктрины, **и действительно**, в ней есть какая-то трагедия и тайна, **потому что** в Новом Завете основания для доктрины о папстве нет»* [Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире (1992)].

Есть немногочисленные конструкции вывода-обоснования, в выводе которых располагается вводное слово с семантикой мнимости: *«**На первый взгляд**, роль вандалов в европейской и африканской истории незначительна, так как краток период их пребывания на ее арене»*

[Ольга Потокина. Гейзерих — покоритель Африки // «Знание-сила», 2014]; *«На первый взгляд, наиболее философски действуют политики, особенно руководители государств и больших международных организаций, поскольку от них в наибольшей степени зависят судьбы мира»* [Михаил Эпштейн. О философских чувствах и действиях // «Знание-сила», 2014] и др. В таком случае вся конструкция приобретает значение неверного, ошибочного вывода, который строится на ошибочном обосновании (и автор осведомлён об этом).

Все остальные ядерные и околождерные субъективно-модальные значения – **предположения-догадки, сомнения и допущения** – в рамках конструкции вывода-обоснования не выражаются. Например: *«Нынешнюю награду с демидовской, небось, не сравнишь, потому как только теперь старинная работа в полную силу оценена»* [П. П. Бажов. Шелковая горка (1947)] – вводное слово *небось*, обычно выражающее субъективно-модальное значение предположения-догадки, в данном контексте выражает уверенное предположение наряду с фатическим значением; *«Полагаю, в работе мне тренинг очень поможет, поскольку мне приходится выступать на аудитории 30 и больше человек, и я стала гораздо меньше волноваться»* [коллективный. Форум: Мастерская тренингов. Гостевая книга. Тренинги по ораторскому мастерству (2013-2014)] – вводное слово *полагаю* выражает не допущение, а уверенное предположение. Таким образом, в конструкциях вывода-обоснования вводные единицы с семантикой предположения-догадки, сомнения и допущения изменяют своё значение на значение уверенного или неуверенного предположения.

Отдельный случай – конструкции, в придаточной части («обосновании») которых присутствует вводное слово со значением достоверности-недостоверности, например: *«Гусаков подумал, что надо было фельдшера, а не старшину послать в деревню, потому что*

*старшина хотя и назвался разведчиком, но в разведку пошёл, пожалуй, впервые» [Василь Быков. Болото (2001)]; «Это хороший вопрос, потому что, наверное, это была самая первая проблема, с которой я столкнулся» [Николай Проценко, Феликс Айрапетян. Сладости по системе Toyota // «Эксперт», 2015]; «Думаю, по сюжету с Шуркой Полушкиным мы с вами мнениями обменялись, и можно тему не продолжать, потому что дальше мы, видимо, будем повторяться» [Владислав Крапивин, Димитрий Струев. Дорога негаснущей надежды (2015)] и др. Термин «обоснование» взят в кавычки, поскольку вводное слово маркирует данную часть модусом мнения; т.е. в данном случае мнение обосновывается столь же субъективным мнением. Подобное обоснование близко к частно-информативному обоснованию, отражающему частное, индивидуальное знание индивида, однако между ними не может быть поставлен знак равенства: маркировка явления как достоверного или недостоверного противоречит семантике модуса знания. Таким образом, мы имеем дело не с конструкцией мнения-обоснования, а «мнения-субъективного обоснования». Назовём такие конструкции **конструкциями субъективного обоснования**.*

Вместе с тем нельзя отрицать, что конструкции субъективного обоснования очень близки к конструкциям вывода-обоснования. Поэтому правомерно будет отнести их в зону пограничных случаев – явлений, примыкающих к сфере несобственно-причинных конструкций, но не входящих в неё по тем или иным причинам.

3.1.1. Взаимодействие вводного слова со значением достоверности-недостоверности в выводе и обоснования

Первое, что хотелось бы отметить – вводные слова, выражающее уверенное предположение, основанное на чувствах, могут

присутствовать в предложениях с информативным обоснованием: «*Что же до упомянутого выше Петрока Малого, он же Петр Фрязин, то судьба его, подобно судьбе его великого предшественника Аристотеля Фиораванти, была, **по-видимому**, ужасна, поскольку в Россию-то они все приехали, а выбраться отсюда уже не могли, и того, и другого, с разрывом в пятьдесят лет, посадили под замок, чтоб не рыпались, Петра Фрязина схватили, похоже, при попытке к бегству, после чего сведений о нем уже нет, уморили, небось, или удавили где-нибудь, чтобы другим не повадно было порываться на волю*» [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)]; «*Он попытался перезвонить приятелю, чтобы уточнить адрес, но тот ответил, что и сам не знает, и вообще, эта захудалая кучка жестяных коробок в районе Кольцевой автодороги, **похоже**, адреса вообще не имеет, поскольку является самовольной застройкой, которую уже лет пять как грозятся снести и, вероятно, все-таки вот-вот снесут*» [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)]; «*ЭСПАР-Аналитик», **очевидно**, также будет развиваться только в области мониторинга рекламы, благо существует еще множество рекламоносителей, мониторингом не охваченных, например, реклама на транспорте или реклама в лифтах*» [Наши родные (2003) // «Лесное хозяйство», 2003.05.01] и др. В свою очередь, вводные слова, выражающие уверенное предположение, основанное на логике, могут присутствовать в предложениях с перцептивным обоснованием: «***Должно быть**, я слишком неосторожно высунул из травы голову, потому что кто-то из пиратов в страхе закричал: — Белый джентльмен! Пиратов словно сдуло с поляны. С минуту мы слышали удаляющийся треск и шуршание веток*» [Виталий Губарев. Трое на острове (1950-1960)]; «***Надо полагать**, что это Вы про питерский офис статью прикрепили, поскольку фигурирует ул. Чайковского. У нас-то они на Полтавке сидят*» [коллективный.

Альфа-трэвэл – лохотрон! (2014-2015)]; «*Вероятно, тут был ковёр во всю комнату, потому что, едва сделав два или три шага, он куда-то пропал, а потом такие же шаги раздались в противоположном конце этих потёмок*» [Б. Л. Пастернак. Воздушные пути (1924)]. Таким образом, выделенные Е. Н. Ореховой два подвида вводных слов уверенного предположения (основанного на логике и основанного на чувствах), не коррелируют с типом обоснования (информативным и перцептивным соответственно). Это является следствием метафорического характера значения вводных слов: например, употребляя вводное слово *по-видимому*, мы далеко не всегда имеем в виду информацию, полученную с помощью наших органов зрения.

Второй аспект взаимодействия вводных слов со значением достоверности-недостоверности в выводе и обоснования связан с их способностью формировать *двухместное союзное соединение*. Этот термин используется в Русской Грамматике 1980 [Русская грамматика, Т. 2, 1980, с. 580]; мы, однако, будем именовать данное явление *вводно-союзным соединением*, поскольку это название лучше отражает его структуру.

Проанализируем структуру *вводно-союзного соединения*, которое образуют вводные слова со значением достоверности-недостоверности и союз в конструкциях вывода-обоснования (далее, для краткости, мы будем именовать его просто «*вводно-союзное соединение*», или «*вводно-союзная скрепа*»). С нашей точки зрения, оно состоит из двух компонентов:

1. Парентетический компонент – вводное слово или сочетание слов. В данном подразделе идёт речь только о вводных словах со значением достоверности-недостоверности, однако, как будет уточнено далее, эту роль могут выполнять и вводные слова с другими субъективно-модальными значениями. Парентетический компонент

выполняет союзную функцию посредством того, что маркирует модус вывода как мнение, помогая таким образом формированию связи модусов вывода и обоснования. Как следствие, он связан с выводом модально-парентетической связью.

2. **Союзный компонент** – подчинительный союз, соединяющий вывод и обоснование в составе сложноподчинённого предложения. Союзы, способные функционировать в составе несобственно-причинных конструкций (а значит, формировать вводно-союзное соединение с вводным словом), были подробно рассмотрены в главе 1. Связь с помощью союза дополняет связь посредством модусов, практически всегда союз можно изъять из конструкции вывода-обоснования, превратив предложение в бессоюзное без ущерба для его смысла (исключение – когда союз обладает ярко выраженными особенностями семантики: например, союз *благо*).

Нужно заметить, что наличие указанного соединения не является неотъемлемым атрибутом конструкции вывода-обоснования – далеко не все конструкции вывода-обоснования имеют вводное слово в составе главной части; это не единственное средство маркировки модуса мнения. Вместе с тем вводные слова со значением достоверности-недостоверности могут присутствовать и в главной части собственно-причинных предложений, однако они не будут образовывать вводно-союзного соединения, поскольку не маркируют модус мнения главной части (подробнее это будет рассмотрено ниже).

Если анализировать отношения между парентетическим и союзным компонентом вводно-союзного соединения, то правомерно будет вернуться к замечанию О. Е. Пекелис, которое было приведено в главе 1. Лингвист рассматривает следующий пример: «*Должно быть, то было вечером, оттого что, отойдя от вокзала, Володя мне вспоминается как тень, бредущая рядом со мной по пустой дачной улице*» [Э. Ю.

Триоле. Заглянуть в прошлое (1956-1957)]. И отмечает следующее: «Выражение должно быть... сближается с отдельной клаузой, а не с вводным словом. <...> Дело в том, что об эпистемическом употреблении союза говорят обычно при непредикативном выражении эпистемической модальности – имплицитном или посредством вводных слов. Выражение эпистемической модальности посредством отдельной предикации ведет к тому, что союз связывает, по сути, пропозиции двух клауз, т.е. употребляется «обычным образом», неэпистемически» [Пекелис, 2015, с. 65]. Сосредоточим внимание на двух аспектах, отмеченных лингвистом:

1. Сближение вводного сочетания слов с предикативной частью. В рассмотренном примере используется квазипредикативное вводное слово *должно быть*, однако его сближение с предикативной частью обусловлено не только происхождением: если подставить на его место непредикативное вводное слово *по логике* или несобственно-причинное вводное слово *по-видимому*, указанная выше особенность никуда не пропадёт. Таким образом, сближение вводного слова или сочетания слов с самостоятельной предикативной частью определяется не происхождением, а особой ролью в конструкциях вывода-обоснования, о которой мы говорили выше.

2. Тот факт, что союз, по мнению О. Е. Пекелис, по сути дела, связывает не две предикативные части, а предикативную часть и вводное слово, сближающееся с предикативной частью.

Это позволяет посмотреть на двухкомпонентную союзную скрепу под другим углом зрения: как на два звена цепи, связанные друг с другом, причём первое из них присоединено к выводу, а второе – к обоснованию. Поясним наше утверждение графической схемой рассматриваемого примера (рис. 3.2).

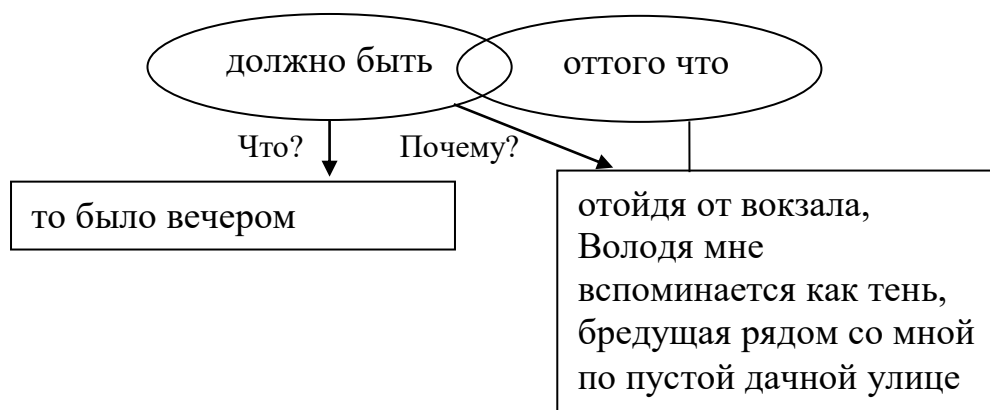

Рис. 3.2. Графическая схема конструкции вывода-обоснования с союзом *оттого что*

Как можно увидеть на схеме, маркируя модус вывода конструкции вывода-обоснования, вводное слово или сочетание слов формирует модально-парентетическую (см. подразд. 2.6) связь как с выводом, так и с обоснованием. В случае квазипредикативного вводного слова связь с выводом можно возвести к бессоюзной связи, аналогичной изъяснительной (*должно быть* (что?) – *то было вечером*), а связь с обоснованием – к союзной подчинительной причинной связи (*должно быть* (почему?) – *оттого что, отойдя от вокзала, Володя мне вспоминается как тень, бредущая рядом со мной по пустой дачной улице*).

Приведённый пример и замечание О. Е. Пекелис касаются только союза *оттого ... , что*. Анализ языкового материала, однако, показал, что его можно распространить и на другие вводные слова со значением достоверности-недостоверности в конструкциях вывода-обоснования. Рассмотрим два примера с другими союзами и вводными словами:

1. «**Видимо**, эта мысль ему в голову не приходила, **потому что**, когда я, вся в слезах, начала говорить о том, что я тоже хочу

«нормальную обычную семью», он страшно удивился» [Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // «Даша», 2004]).

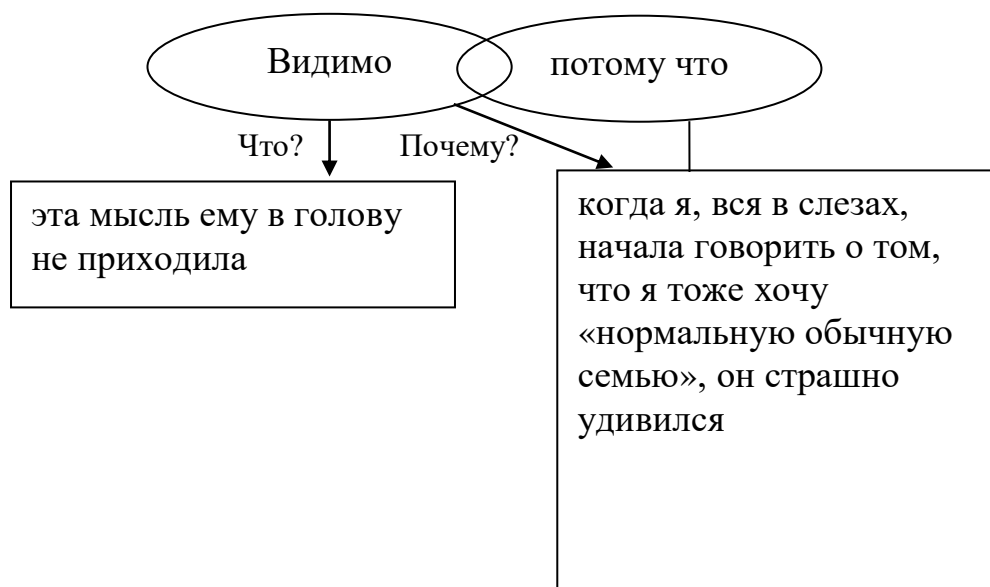

Рис. 3.3. Графическая схема конструкции вывода-обоснования с союзом *потому что* и квазипредикативным вводным словом *видимо*

Связи между компонентами конструкции в данном предложении (см. рис. 3.3) аналогичны связям в примере, приведённом О. Е. Пекелис, что демонстрирует: выделенные лингвистом особенности взаимодействия вводного слова со значением достоверности-недостоверности и союза в конструкции вывода-обоснования остаются неизменными вне зависимости от того, какой союз используется. Вводные слова, используемые в обоих этих примерах (*видимо* и *должно быть*) – квазипредикативные, восходящие к односоставным предложениям, поэтому их связь с придаточной частью и соответственно с союзом восходит к подчинительной причинной связи придаточных частей сложного предложения.

Схожая картина наблюдается и в случае непредикативных вводных слов, которые можно дополнить до квазипредикативных (см. подразд. 2.3).

2. «Королевич, ничуть не кичась своей всероссийской известностью, по-дружески делился с нами, как теперь принято выражаться, творческими планами и жаловался на свою судьбу, заставившую его, простого деревенского паренька, жить в городе, лишь во сне мечтая о родной рязанской деревне. Тут он, **конечно**, немного кокетничал, **так как** не таким уж простым был он парнем, успел поучиться в университете Шанявского, немного знал немецкий язык, потёрся ещё в Санкт-Петербурге среди знаменитых поэтов, однако время от времени в нём вспыхивала неодолимая жажда вернуться в Константиново, где на пороге рубленой избы с резными рязанскими наличниками на окошках ждала его старенькая мама в ветхом шушуне и шустрая сестрёнка, которую он очень любил» [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)].

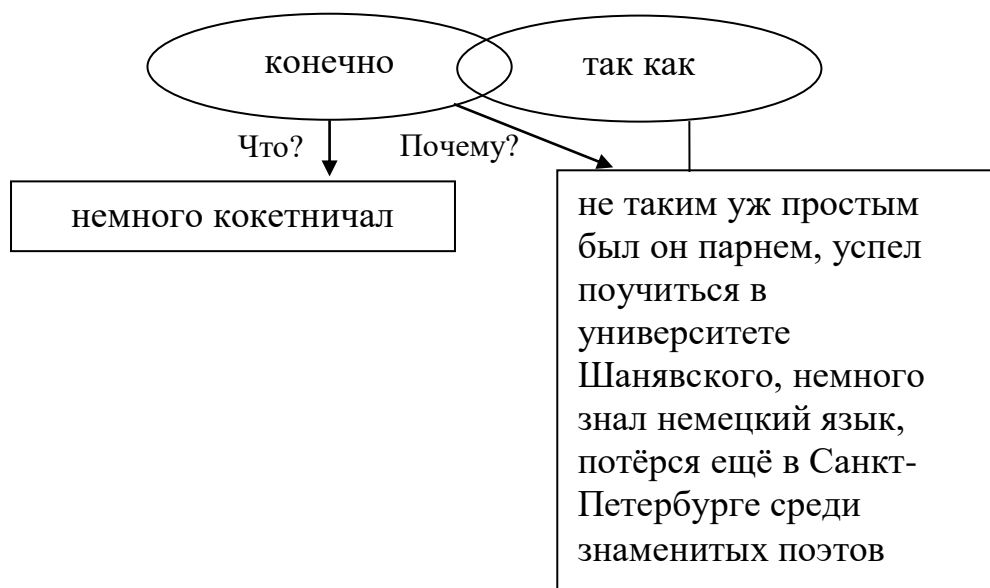

Рис. 3.4. Графическая схема конструкции вывода-обоснования с союзом *потому что* и собственно вводным словом *конечно*

В данном предложении в составе вводно-союзной скрепы функционирует слово *конечно*, принадлежащее к числу собственно вводных слов и потерявшее всякую связь с синтаксической единицей, от которой произошло (рис. 3.4). По этой причине его связь с союзом и придаточным предложением не восходит к подчинительной причинной

связи и проявляется исключительно в семантике: *конечно* выражает субъективную модальность уверенности, маркируя главную предикативную часть как мнение; союз *так как*, вводя придаточную часть, указывает на причину, по которой сформировалось указанное мнение.

Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на то, что особенности связи вводного слова и союза в составе вводно-союзной скрепы меняются в зависимости от происхождения вводного слова со значением достоверности-недостоверности, эти изменения не настолько значительны, чтобы затронуть глубинную семантику связи.

Иная картина наблюдается в **собственно-причинных** предложениях с вводным словом достоверности-недостоверности в главной части. Рассмотрим несколько примеров.

1. «Я проверил себя: *может*, мы приписываем ему многое *потому, что* знаем, кто он?» [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

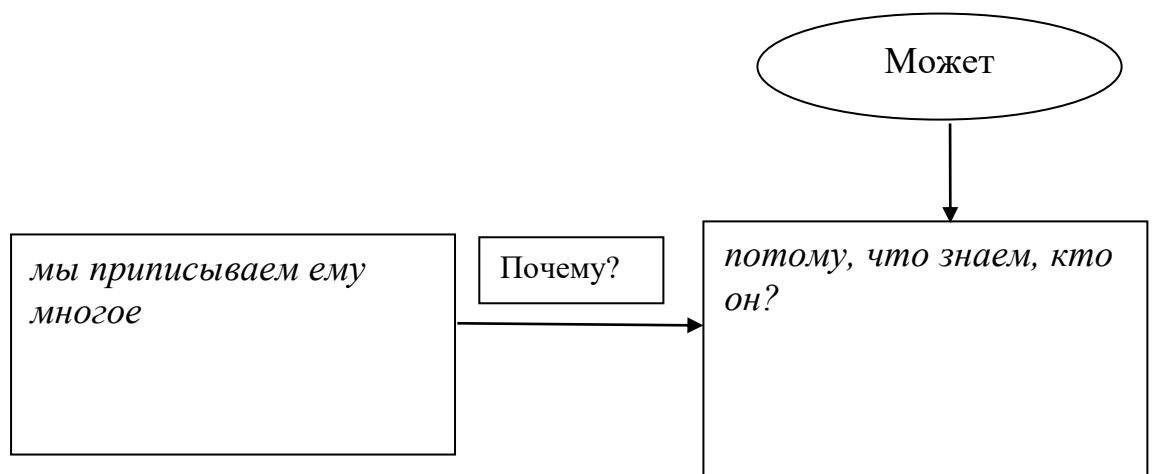

Рис. 3.5. Графическая схема собственно-причинного предложения с вводным словом достоверности-недостоверности в главной части. Вводное слово маркирует как мнение придаточную часть

В данном случае вводное слово *может*, хотя и расположено в главной части собственно-причинной конструкции, маркирует как

мнение только придаточную часть, то есть связано модально-парентетической связью только с придаточной частью предложения (рис. 3.5). Вводное слово и союз не образуют вводно-союзной скрепы, хотя между ними имеется определённое взаимодействие: наличие вводного слова в главной части делает расчленение союза *потому ...*, *что* необходимым, поскольку иначе предложение может быть истолковано как несобственно-причинное, особенно если взять его вне контекста (и убрать первую предикативную часть), ср.: *Может, мы приписываем ему многое, потому что* знаем, кто он?

2. «*Может, он был язвенником, но скрывал это, потому что стыдился наличия в своём организме столь заурядной, примитивной болезни*» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

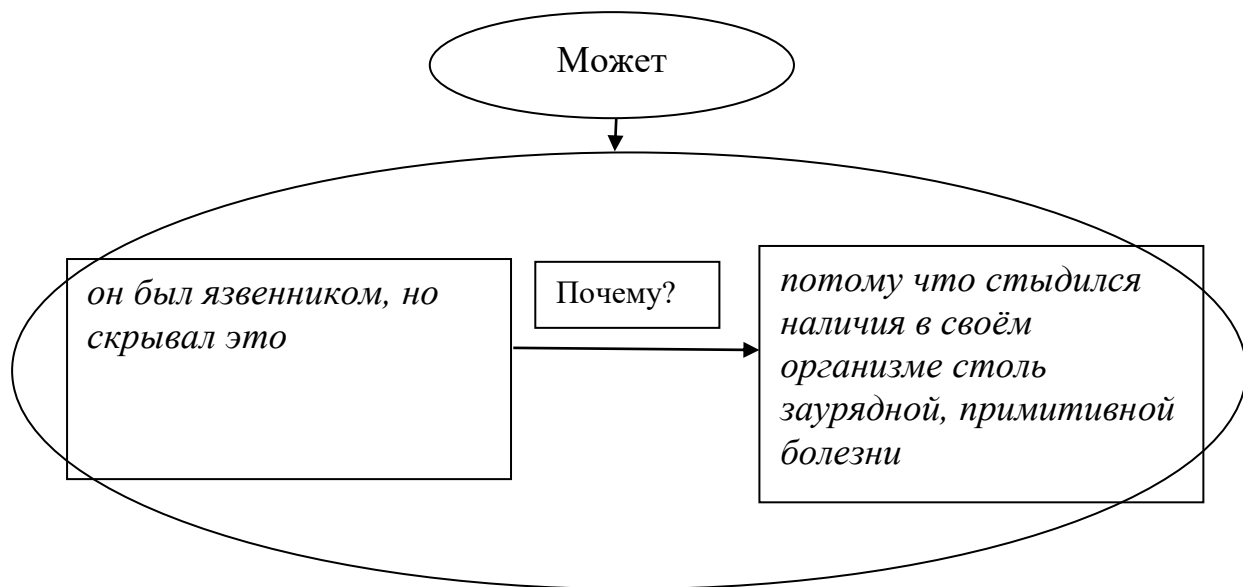

Рис. 3.6. Графическая схема собственно-причинного предложения с вводным словом достоверности-недостоверности в главной части. Вводное слово маркирует как мнение и главную, и придаточную часть

Этот пример имеет более сложную структуру, чем предыдущий. В данном случае (рис. 3.6) вводное слово *может* маркирует как мнение

обе предикативные части предложения: автор предполагает некий факт (*он был язвенником, но скрывал это*) и причину этого факта (***потому что*** *стыдился наличия в своём организме столь заурядной, примитивной болезни*). Иными словами, оно связано модально-парентетической связью с обеими предикативными частями, но не образует вводно-союзного соединения с союзом *потому что*, поскольку придаточная предикативная часть поясняет причину наличия факта, описанного в первой предикативной части, – но не причину, почему автор предположил этот факт.

Вместе с тем фигурировавшая в обоих примерах пара *может – потому что* способна образовывать вводно-союзную скрепу и функционировать в конструкциях вывода-обоснования, ср.: «*Гриша за последнее время стал ещё более пухлым, весёлым и кудрявым – или, может быть, так казалось, потому что он был уже немного пьян*» [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)].

3.2. Вводные слова с субъективно-модальным значением эвиденциальности в конструкциях вывода-обоснования

Эвиденциальность – одно из периферийных субъективно-модальных значений. Вводные слова с субъективно-модальным значением эвиденциальности можно условно разделить на четыре группы:

1) значение личного мнения говорящего: *по-моему, по моему мнению, как я думаю* и др.;

2) значение мнения, приписываемого собеседнику: *по-твоему, по-вашему, на ваш взгляд, с твоей точки зрения* и др.;

3) значение мнения другого лица: *по мнению учёных, как отмечалось правительством, как сообщали по радио, по версии Минздрава России* и др.;

4) значение мнения неопределённого лица: *говорят, сообщают, по слухам, как часто отмечают* и др.

Вводные слова со значением достоверности-недостоверности и эвиденциальности достаточно близки: если первые указывают на степень уверенности говорящего в достоверности высказывания прямо, то вторые ограничиваются указанием на источник информации, о достоверности которого остаётся судить уже реципиенту: «В модальной семантике эвиденциальности особую значимость приобретает личный компонент» [Орехова, 2011, с. 185]. Вводные слова со значением личного мнения близки к вводным единицам, выражающим значение уверенного предположения; единицы, характеризующие информацию как мнение третьего лица (или лиц) либо неопределённого лица, – к вводным словам со значением неуверенного предположения. Вводные слова с семантикой мнения, приписываемого собеседнику, совмещают эвиденциальное и контактоустанавливающее значение.

На первый взгляд роль эвиденциальных вводных слов в конструкциях вывода-обоснования не отличается от роли вводных слов достоверности-недостоверности. Тем не менее анализ примеров позволил выявить явное отличие: трудно установить, с какой предикативной частью причинной конструкции эвиденциальная вводная единица устанавливает связь – только с главной или и с главной, и с придаточной. В первом случае эвиденциальное вводное слово маркирует модус мнения главной части, функционируя как средство формирования конструкции вывода-обоснования и создаёт вводно-союзную скрепу с союзом. Но во втором случае оно маркирует модусом мнения и придаточную часть, таким образом превращая конструкцию вывода-обоснования в конструкцию вывода-субъективного обоснования. А такие конструкции, как было указано в подразд. 3.1, считаются

конструкцией вывода-обоснования не могут. Рассмотрим следующий пример:

«Александр Лузин, много лет занимавшийся социальным реструктурированием предприятий в Европе, подчеркивает общественную значимость новой методики. QRM, по его мнению, дает экономике шанс стать по-настоящему социально ориентированной, поскольку бизнес может решать свои проблемы – повышения рентабельности, модернизации, реструктуризации, выхода на другие рынки, – сокращая «белое время» и смело наращивая, если это необходимо, «серое время», то есть производственное» [Вера Краснова. Вам не придется экономить // «Эксперт», 2014].

Рис. 3.7. Графическая схема причинного предложения с эвиденциальным вводным словом *по его мнению*. Вводное слово относится к обеим предикативным частям

Вводное сочетание слов *по его мнению* маркирует как мнение не только первую часть предложения, но и вторую, превращая таким образом конструкцию вывода-обоснования в «конструкцию вывода-

субъективного обоснования» (рис. 3.7). Вводное сочетание слов и союз, следовательно, не образуют вводно-союзной скрепы.

Возьмём другой пример:

«При этом вероятность успеха правильно позиционированных проектов, по словам Алехина, пока достаточно высока, поскольку к этой теме есть интерес, и реализация проекта приносит ощутимую пользу» [Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld», 2004].

Рис. 3.8. Графическая схема причинного предложения с эвиденциальным вводным словом *по словам Алехина*. Вводное слово относится к главной предикативной части, маркируя её как мнение

Для чистоты эксперимента мы специально взяли пример с вводным сочетанием слов с близким значением и одинаковыми союзами. Тем не менее в данном случае мы наблюдаем иную картину: вводное сочетание слов маркирует как мнение только первую часть (рис. 3.8). Причина этого – содержание предложения: если в первом приведённом примере придаточная часть – мнение говорящего о возможном варианте развития событий, то в данном примере она – объективный факт действительности, и, следовательно, получает статус частно-информативного обоснования, а союз и вводное слово формируют вводно-союзную скрепу. Ввиду отсутствия какого-либо формального выражения модально-парентетических связей именно реципиент решает,

к какой части предложения относится вводное сочетание слов: к главной («выводу») или к двум (и «выводу», и «обоснованию»), исходя из содержания всей конструкции. В этой оценке роль играют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

В случае, если эвиденциальное вводное слово (или сочетание слов) относится к первой, главной части предложения, то есть формирует вводно-союзную скрепу с причинным союзом, и маркирует конструкцию как несобственно-причинное предложение, – в этом случае его роль в конструкции мало отличается от роли слов со значением достоверности-недостоверности, подробно рассмотренной в подразд. 3.1.1. Например: *«Кстати, по логике следствия, умысел у Пильгановой должен был возникнуть, когда она оформляла свидетельства о рождении сыновей, то есть ещё до смерти супруга. **Ведь** в противном случае она государство не обманула и получала пенсии законно»* [Сергей Николаев. Отцовство после смерти // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20]; *«Но, на мой взгляд, надо разъяснить людям последствия снижения ЕСН. **Ведь** это страховка на старость»* [Светлана Сухова. Мы можем просчитать вас полностью // «Итоги», 2003.01.13]; *«По мнению некоторых авторов, прокуратура следит за исполнением не только законов, но и подзаконных актов, **поскольку** они конкретизируют закон»* [Игорь Петрухин. Исторический очерк деятельности прокуратуры // «Отечественные записки», 2003]; *«При этом, **как отметил зампред комитета, дискуссия в рамках согласительной комиссии, вероятнее всего, не ограничится суммой, которую можно беспрепятственно вывозить за пределы РФ, так как** у Совета Федерации имеются и другие существенные предложения по законопроекту»* [Елена Калашникова, Мария Ананьева. Колонка редактора // «Новороссийский рабочий», 2003.01.22] (в данном случае в выводе также присутствует вводное сочетание слов *вероятнее всего*,

также формирующее вводно-союзную скрепу с причинным союзом); «*Ни тот, ни другой никуда не годился, **по мнению знатоков, ибо организм требовал никотинного яда, а не дыма, и обмануть клетки мозга таким простым способом было нельзя***» [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)] (в данном случае следует отметить нетипичную позицию вводного слова: в конце вывода, рядом с союзом); «***По мнению депутатов,** такие меры помогут снизить объемы потребления алкоголя в России – **ведь** в крупной пластиковой таре продается в основном пиво недорогих сортов, доступное и привлекательное, особенно для молодежи*» [Федор Лобанов. Разобрали по волокнам // «Русский репортер», 2014]; «***По информации «Эксперта»,** купоны по облигациям SPV вообще могут быть привязаны не к тарифам, а к инфляции, **ведь** тарифы все равно колеблются примерно в диапазоне индекса роста цен*» [Евгения Обухова, Евгений Огородников. Как избавиться дом от всего лишнего // «Эксперт», 2014]; «***По мнению чиновников,** введение подобной системы практически исключит возможность коррупции, **ведь** для окончания автошколы будет необходимо собрать большое количество печатей, поставленных разными людьми*» [Мария Клапатнюк. Вам незначёт (2012.12.04) // «Новгородские ведомости», 2012]; «*Его значение, **говорят специалисты,** трудно было переоценить, **ведь** земледелие в Месопотамии зародилось более 10 тысяч лет назад*» [Александр Голяндин. Семена Шпицбергена // «Знание-сила», 2012]; «***И, как резонно заметил Иван Карлович,** в случае неблагоприятного решения областного суда дело перейдёт в Верховный суд республики, Дольскому будет с руки заниматься делом, тем более что в Киеве он знает всех и все знают его*» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]. Можно заметить, что эвиденциальные вводные слова могут

формировать вводно-союзные скрепы почти со всеми причинными союзами.

Вместе с тем существует большое количество случаев с эвиденциальными вводными словами и сочетаниями слов, которые невозможно однозначно истолковать ни как конструкции вывода-обоснования, ни как конструкции «вывода-субъективного обоснования». Рассмотрим следующий пример, причём приведём сразу большой фрагмент, чтобы показать рассматриваемое предложение в контексте:

*«Валентина Голод была очень большим моим другом, несмотря на огромную разницу в возрасте. По силе и самобытности характера эту женщину можно сравнить с Лилей Брик или Мурой Будберг, «железной женщиной». В ней удивительно сочетались эксцентричность, аристократизм, тонкость, широта, энергия и авантюризм. Если прибавить к этому собственные ее фантастические рассказы о прожитой жизни, получился бы увлекательнейший роман. Она была одним из самых известных коллекционеров в Ленинграде, своеобразным питерским достоянием. В своё время у городских властей даже родилась идея сделать из её квартиры музей быта Петербурга XVIII века. Идея не осуществилась, и это, **по-моему**, к лучшему, **ибо** главной достопримечательностью квартиры была сама хозяйка, без неё всё показалось бы лишь жалкой декорацией» [Сати Спивакова. Не всё (2002)].*

В данном случае толкование предложения – конструкция вывода-обоснования или нет? – зависит от того, как будет истолковано обоснование: «главной достопримечательностью квартиры была сама хозяйка». Если мы посчитаем это субъективной оценкой автора, значит, перед нами конструкция «вывода-субъективного обоснования»: вводное слово *по-моему* маркирует обе предикативные части как мнение. Если же мы посчитаем это фактом объективной действительности (контекст

позволяет охарактеризовать Валентину Голод как женщину неординарную), то придаточное предложение получит статус частного-информативного обоснования, а сама конструкция будет истолкована как конструкция вывода-обоснования. Вводное слово *по-моему* в таком случае образует вводно-союзную скрепу с союзом *ибо*.

Подытожим сказанное выше: эвиденциальные вводные слова, как и слова достоверности-недостоверности, тоже способны формировать вводно-союзные скрепы с союзами в конструкциях вывода-обоснования, однако зачастую обладают модально-парентетической связью не только с выводом, но и с обоснованием, что сразу оттесняет предложение в зону промежуточных, пограничных явлений. Из-за семантической природы модально-парентетической связи также возникает множество случаев, когда предложение с эвиденциальным вводным словом невозможно однозначно истолковать как несобственно-причинное; большое значение приобретают экстралингвистические факторы и точка зрения реципиента.

Эвиденциальные вводные слова также могут функционировать в собственно-причинных конструкциях, например: *«По мнению Г. Шредера, двусторонние отношения столь успешно развиваются главным образом потому, что Россия достигла значительных успехов»* [Встречи В.В. Путина на Си-Айленде // «Дипломатический вестник», 2004]. Мнение Г. Шредера состоит не в том, что двусторонние отношения развиваются успешно, а в том, что причиной этого он видит следующее: *«Россия достигла значительных успехов»*. Несмотря на положение в главной части предложения, вводное сочетание слов маркирует субъективную модальность придаточной части, т. е. причины, и не формирует вводно-союзной скрепы с причинным союзом.

3.3. Вводные слова со значением логической модальности, обычности, эмоциональной оценки, контактоустанавливающие, субъективной оценки меры и степени в конструкциях вывода-обоснования

Вводные слова со значением логической модальности – достаточно противоречивый разряд вводных слов: функция многих из них настолько близка к союзной (*во-первых, во-вторых, итак, значит* и др.), что некоторые лингвисты в принципе отказывают им в способности выражать субъективную модальность. Например, Т. И. Муковозова относит их к «вводно-союзным словам», которые не принадлежат к числу модальных слов: «Но для МС (модальных слов – прим. автора) несвойственны союзные значения по определению. Значение же вводно-союзных слов связано прежде всего с указанием на порядок изложения мыслей, с выражением характеристики связи частей или последовательности их изложения» [Муковозова, 2002, с. 93]. Мы, однако, поддерживаем точку зрения Е. Н. Ореховой, чью классификацию субъективно-модальных значений используем в качестве базы: данные вводные слова выражают особое субъективно-модальное значение – значение логической модальности. Специфика данного значения состоит в том, что оно отражает субъективный взгляд говорящего на логику построения высказывания: на то, каким фактам действительности отводится место главного аргумента, каким – примера, каким – вывода, и так далее. То есть, используя вводное слово *во-первых*, мы имеем в виду «я думаю, что данный факт можно поставить на первое место в моих рассуждениях», *итак* – «я думаю, этот факт является выводом», и так далее.

Присутствующий имплицитно модус мнения («я думаю») и связь с построением рассуждения, а значит, и аргументацией, позволяет данным вводным словам играть важную роль в формировании конструкций

вывода-обоснования. Тем не менее семантика большинства из них никак не связана с семантикой обоснования, и они не формируют вводно-союзных скреп с причинными союзами, за исключением двух подтипов: реляционных вводных слов и вводных слов со значением вывода.

Вводные слова **со значением вывода** (таким образом, итак, значит, следовательно, вследствие сказанного, стало быть, получается и др.) маркируют вывод не только как мнение, но и непосредственно как заключение, например: «*Гио как-то пошутил, что не мешало бы, чтобы они как-нибудь перепутали двери, на что Мукумба ответил, что он вообще не понимает, как можно спать с белыми женщинами, что это потеря времени, а когда Гио сообщил ему, что вообще еще не был с негритянкой, то Мукумба засмеялся громче: **значит**, он еще девственник и не знает, что такое настоящая женщина, **ибо** нельзя сравнивать черствый сухарь со свежим хлебом*» [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009] (вывод-мнение и обще-информативное обоснование); «*Стало быть, и насчет электроэнергии поверит, **потому как** сама за нее не платила*» [Александра Маринина. Мужские игры (1997)] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); «*Оно обличает наши пятна, и если мы хоть на миг чуждаемся собственных недостатков, это уже есть невольная дань добродетели; **следственно**, сама любовь есть добродетель, **потому что** всего сильнее и всего скорее заставляет её чувствовать, уважать её, выразить на деле*» [А. А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах (1830)] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование). Вместе с тем вводные слова со значением вывода не особенно распространены в конструкциях вывода-обоснования, за исключением конструкций с союзом *раз*: вводное слово *значит* присутствует в выводе в 84 % случаев. Иными словами, вводное слово *значит* служит стабильным коррелятом союза

раз, и они образуют устойчивую пару с союзным значением. Причина этого – в семантике союза, который обозначает стабильные, естественные связи между фактами действительности: «*РАЗ* выражает естественность факта *P* (высказывания *P*) при наличии факта *Q*» [Иорданская, 2007, с. 480].

Пример:

«Стандартный аргумент тут такой: *раз* у них рейтинг небольшой, **значит**, они уже и вовсе не политическая сила» [Михаил Фишман. Переоценка голосов (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.01].

Рис. 3.9. Несобственно-причинное предложение с вводным словом *значит* в главной части, выражающим логическую модальность вывода

Таким образом, отношения между реляционным вводным словом со значением вывода и причинным (в примере выше – причинно-условным) союзом аналогичны отношениям между вводным словом достоверности-недостоверности и причинным союзом (рис. 3.9). Особенно ярко это проявляется в случае псевдопредикативных вводных слов, связь которых с главной частью конструкции (выводом) восходит к подчинительной изъяснительной связи.

Иначе обстоит дело с **реляционными** вводными словами. Эти слова устанавливают последовательность изложения мыслей, позволяя организовать высказывание. Сюда относятся такие единицы, как *во-первых, во-вторых, в-последних* и синонимичные им, но имеющие просторечную окраску, *первое, второе, последнее*, а также *в свою очередь, далее, затем, и в довершение*. Несмотря на ярко выраженную союзную функцию, эти вводные слова также неразрывно связаны с ментальным модусом: в реальности явления не организованы в какую-либо последовательность, и «пронумерованы», упорядочены они становятся, только отражённые в нашем сознании, а значит, пропущены через призму субъективного восприятия. Как следствие, реляционные вводные слова маркируют высказывание или несколько высказываний как рассуждение субъекта. Ср.: *Сначала он выпил кофе, потом вышел из дому. – Во-первых, он выпил кофе, во-вторых, вышел из дому*. В первом случае идёт речь о реальной последовательности событий; во втором – об осмыслении этих событий: например, это может быть попытка восстановить в памяти порядок действий, предпринятая самим говорящим или же третьим лицом (скажем, детективом во время расследования). Это же можно увидеть и на примере слов *далее, затем, и в довершение, прежде всего*, которые, в отличие от слов *во-вторых, во-первых* и им подобных, не являются собственно вводными, т. е. способны использоваться в не-вводной позиции, ср.: *Он выпил кофе, далее вышел из дома. – Он выпил кофе, далее, вышел из дома*.

Вместе с тем нельзя сказать, что присутствие реляционных вводных слов в главной предикативной части причинного предложения неизбежно маркирует её как мнение; с уверенностью можно лишь утверждать, что они поддерживают и дополняют это значение, формируемое другими факторами: *«Она интересна рекламодателю, это во-вторых, а во-первых, с ней можно работать, потому что с*

аудиторией, скажем, до 30 лет серьезно работать бесполезно» [Дмитрий Волков, Владимир Сунгоркин. Кухня управляемой демократии // «Отечественные записки», 2003] (вывод-мнение и частно-информативное обоснование); *«Одни считают, что рано — наши партии, во-первых, безответственны, потому как ею — ответственностью — их пока еще не наделяли, а во-вторых, они никогда не работали с «нагрузкой» исполнительной власти»* [Георгий Ильичев и др. Партком «Белый дом» (2003) // «Известия», 2003.03.03] (вывод-оценка и обще-информативное обоснование); *«Во-первых, вы должны изначально искать чела, который готов показать всю стоимость договора, потому как геморы эти покупателю не нужны»* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)] (вывод-побуждение и обще-информативное обоснование). Как можно заметить, реляционные слова во всех этих случаях не выражают причинно-аргументирующих значений напрямую и не маркируют главную часть как мнение; они маркируют высказывание или последовательность высказываний как рассуждение — однако семантика мнения сформирована другими факторами (наличие слова *можно* в составе предиката, оценочной лексики и предикатива *должны* в первом, втором и третьем примерах соответственно).

Как следствие, реляционные вводные слова формируют вводно-союзную скрепу, но связь между вводным и союзным компонентом этой скрепы довольно слабая. Непрочность этой связи обусловлена также происхождением реляционных вводных единиц: часть из них — собственно вводные слова, часть — непредикативные и не возводимые к предикативным. Как результат, связь реляционных вводных слов с главной и придаточной частью предложения невозможно возвести к подчинительной связи, и она базируется только на семантике.

К числу вводных слов, выражающих логическую модальность, помимо двух указанных выше типов (со значением вывода и реляционных вводных слов), относятся единицы со следующими значениями: указывающие на продолжение ранее начатого изложения; на включение/исключение информации; на важность того или иного факта; на то, что информация упоминалась/будет упоминаться в тексте; имеющие иллюстративную семантику. Тем не менее, все данные единицы не играют никакой роли в формировании конструкций вывода-обоснования. Вводные слова с указанными значениями могут присутствовать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных конструкциях, однако не образуют никаких связей с их компонентами, обусловленных семантикой данных конструкций. Рассмотрим пример:

*«В монашестве, таким образом, появилась дисциплина дыхания, которая позволяла и учила людей творить молитву Иисусову без нарушения ритма. На эту тему существует целая литература, сравнивающая её с дальневосточным йогизмом; **впрочем**, в этом ничего удивительного нет, **потому что** существует общечеловеческое понимание того, что такое человеческое внимание и молитва; разница лишь в том, что христиане молятся Иисусу Христу и никому другому, — в этом разница, а дисциплина дыхания может быть и у тех, и у других»* [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)].

Вводное слово *впрочем* выражает логическую модальность, значение включения. Оно маркирует две последующие предикативные части («*в этом ничего удивительного нет, **потому что** существует общечеловеческое понимание того, что такое человеческое внимание и молитва*») как информацию, включаемую в рассуждение выше, как важное примечание. Эта семантика не имеет никакого отношения к

тому, что указанные две предикативные части образуют конструкцию вывода-обоснования; как мнение/оценку предикативную часть «*в этом ничего удивительного нет*» маркирует оценочная лексика «*ничего удивительного*», а не указанное вводное слово. Таким образом, вводное слово с субъективно-модальным значением включения информации не образуем вводно-союзной скрепы с союзом.

Сравним это с собственно-причинным предложением с тем же вводным словом и союзом:

«*Повисла неловкая пауза, очень, **впрочем**, короткая, **потому что** тут же все заговорили разом, стараясь её заполнить*» [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

В данном предложении *впрочем* маркирует как важный комментарий, включённый в высказывание, обособленное определение «*очень короткая*», и последующую предикативную часть «*потому что тут же все заговорили разом, стараясь её заполнить*», поясняющую причину, по которой адресант дал такое определение паузе. Главная часть не маркирована, как мнение, – таким образом, мы имеем дело с собственно-причинной конструкцией, и вводное слово *впрочем* играет в её рамках ту же роль, что и в рамках несобственно-причинной конструкции.

Вводные слова со значением **субъективной оценки меры и степени** в принципе встречаются редко, и примеры конструкций вывода-обоснования с ними единичны. Рассмотрим один из таких редких примеров:

«*Это значит тянуть нас, **по крайней мере**, лет на семь назад, **ибо** ещё лет семь назад говорил Ленин, что война между СССР и капиталистическим миром возможна*» [И. В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927)].

Вводное сочетание слов *по крайней мере* в данном случае указывает, что приведённый в предложении временной срок – результат субъективной оценки, маркируя таким образом вывод как мнение, и формируя вводно-союзную скрепу с подчинительным союзом. Вместе с тем в данном примере это не единственный фактор маркирования первой предикативной части как вывода: также в предложении присутствует глагол ментального действия («*значит*») и инверсированный порядок слов («*лет на семь назад*» вместо «*на семь лет назад*»), указывающий на приблизительность, а, значит, субъективность оценки). Малочисленность примеров не даёт сделать однозначный вывод о том, насколько важную роль вводные слова со значением субъективной оценки меры и степени играют в формировании конструкций вывода-обоснования; есть основания полагать, что эта роль сходна с той, что играют реляционные вводные слова – т. е. вспомогательная, и их связь с подчинительным союзом в рамках вводно-союзной скрепы слаба.

Рассмотрим пример с вводным словом, выражающим **контактоустанавливающее** значение:

*«Когда экзаменатор или, скажем, начальник кивает тебе головой в знак согласия с тем, что ты ему говоришь, так уж, **будь добр**, валяй дальше, а не возвращайся к сказанному, **потому что** ты этим самым ставишь его в какое-то не вполне красивое положение»* [Фазиль Искандер. Начало (1969)].

В данном случае функция вводного сочетания слов *будь добр* – фатическая: установить контакт с реципиентом, придать предложению оттенок неформального обращения к читателю, акцентировать за счёт этого внимание на содержании высказывания. Несмотря на то, что перед нами – конструкция вывода-обоснования с выводом-мнением и частно-информативным обоснованием, причинно-аргументирующие отношения

создаются за счёт наличия предиката в повелительном наклонении («*валяй дальше*»), маркирующего вывод как побуждение, а не за счёт вводного слова. Как следствие, вводное слово с контактоустанавливающим значением не формирует вводно-союзную скрепу с союзом в рамках конструкции вывода-обоснования.

Ср. похожий пример:

«*Видите ли, — сказал Курт, подумав, — для оранжереи лучше всего стекло тонкое, но крепкое, потому что, скажем, снежная зима, заносы — ведь всё на стекле*» [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943-1958)].

Здесь также фактором формирования конструкции вывода-обоснования становится наличие оценочной лексики («*лучше всего*») в рамках составного именного сказуемого, а не вводного слова *видите ли*, которое маркирует обращение в рамках диалога одного героя произведения к другому.

Рассмотрим пример с вводным словом, выражающим значение **эмоциональной оценки**:

«*К сожалению, на процесс перевозки при этом повлиять не удастся, поскольку управление движением всё равно остаётся в руках диспетчеров железной дороги*» [Владислав Кулаков. Из конца в конец // «Computerworld», 2004].

В данном случае вводное слово *к сожалению* выражает эмоциональную оценку содержания предложения – адресант выражает сожалению по поводу того, что «*на процесс перевозки при этом повлиять не удастся*» и по поводу того, что «*управление движением всё равно остаётся в руках диспетчеров железной дороги*». Первая предикативная часть маркирована как мнение, но не за счёт вводного слова, а за счёт составного глагольного сказуемого «*не удастся повлиять*», употреблённого в будущем времени. Таким образом, вводное

слово со значением эмоциональной оценки также не формирует вводно-союзную скрепу с союзом.

Рассмотрим похожий пример, но уже собственно-причинного предложения:

«К сожалению, желание г.г. лекторов продемонстрировать свои впечатления о полетах при помощи кинематографа совершенно не удалось благодаря тому, что аппарат все время «шалил», отказываясь повиноваться технику и вся эта кинематографическая демонстрация свелась к одному светлomu пятну на фоне экрана» [Лекции И. И. Сикорского и П. Н. Нестерова (1914.04.27) // «Южная Копейка» (Киев), 1914].

В рамках данного предложения используется то же вводное слово и даже похожее сказуемое: *«не удастся повлиять»* в примере выше и *«не удалось»* в данном примере. Тем не менее, в данном примере это сказуемое – в прошедшем времени; таким образом, первая предикативная часть предложения описывает факт объективной реальности, а вторая – указывает на его причину. В то же время вводное слово *к сожалению* играет ту же функцию, что и в предыдущем примере: выражает субъективно-модальное значение эмоциональной оценки последующий предикативных частей – адресант сожалеет, что *«желание г.г. лекторов продемонстрировать свои впечатления о полетах при помощи кинематографа совершенно не удалось»* и о причине этого события – *«аппарат все время «шалил», отказываясь повиноваться технику»*.

Таким образом, можно заключить, что вводные слова, выражающие **контактоустанавливающее** значение и значение **эмоциональной оценки**, не играют роли в формировании конструкций вывода-обоснования. Они могут присутствовать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных предложениях, однако они не

оказывают никакого влияния на формирование конструкций вывода-обоснования и никак не связаны с семантикой причинно-аргументирующих отношений. Как следствие, они не формируют вводно-союзных скреп с союзами.

Вводные слова со значением **обычности** (*как было, как бывало, как случалось, как обычно, как водится (у ...), по обычаю, по привычке, бывало, случалось по обыкновению, бывает, случается, случалось*) стоят особняком: они не могут присутствовать в главной части конструкций вывода-обоснования, поскольку маркируют её как реальную ситуацию, многократно имевшую место в реальности – что несовместимо с модусом мнения (это сближает их с вводными словами со значением предположения-догадки, сомнения и допущения, которые также не могут функционировать в несобственно-причинных конструкциях, но по другим причинам). Появление такого вводного слова в главной части причинной конструкции автоматически превращает её в собственно-причинную, например: *«Кому дом, кому свобода, кому жар птицу приобрести, а другому, **бывает**, и ничего не надо, **потому как** он денежки любит за одно наличие...»* [Александр Вампилов. Прощание в июне (1964)]. Ср. этот же пример без вводного слова: *«Кому дом, кому свобода, кому жар птицу приобрести, а другому и ничего не надо, **потому как** он денежки любит за одно наличие...»*. Преобразованную конструкцию можно толковать как несобственно-причинную, в то время как вводное слово со значением **обычности** не позволяет такого толкования, маркируя первую предикативную часть как факт объективной действительности.

3.4. Особенности семантического взаимодействия вводных слов и отдельных союзов в составе вводно-союзной скрепы

Первоначально мы предполагали, что конкретные союзы и вводные слова в составе вводно-союзной скрепы образуют относительно устойчивые пары. Однако анализ языкового материала опроверг эту гипотезу и позволил заключить, что, хотя вводные слова достоверности-

недостовренности образуют вводно-союзную скрепу с союзами в конструкциях вывода-обоснования, они не создают с союзами устойчивых пар; то есть не возникает таких ситуаций, что определённый союз преимущественно используется с определённым вводным словом, или случаев, когда конкретный союз никогда не используется с конкретным вводным словом (за единственным исключением: союз *раз* и вводное слово *значит*). Во взаимодействии союзов и вводных слов в конструкциях вывода-обоснования прослеживается иная закономерность: особенности семантики отдельных союзов обуславливают, с вводными словами каких субъективно-модальных значений они сочетаются чаще всего.

Ниже будут представлены диаграммы, отражающие частотность, с которой вводное слово с тем или иным значением встречается в конструкциях вывода-обоснования с конкретным союзом. Отбор материала проводился методом сплошной выборки – анализировались первые 50–80 примеров конструкций вывода-обоснования из Национального корпуса русского языка. Также, в конечном варианте диаграмм, мы учитывали только конструкции вывода-обоснования с вводными словами, выражающими значение достоверности-недостоверности, эвиденциальности, вывода, субъективной оценки меры и степени, и реляционными вводными словами – то есть только с теми вводными словами, которые способны образовывать вводно-союзную скрепу с подчинительным союзом.

Проведённый анализ позволил нам сделать следующие выводы.

Союзы *потому ...*, *что*, *ибо*, *потому как* не обладают «предпочтениями»: закономерность распределения с ними в конструкциях вывода-обоснования вводных слов различных субъективно-модальных значений в целом повторяет распределение вводных слов в конструкциях вывода-обоснования – в основном это вводные слова со значением уверенного и неуверенного предположения, далее идут единицы со значением уверенности (см. рис. 3.10 – 3.12). Это обусловлено незначительным количеством дополнительных оттенков семантики: союз *потому ...*, *что* выражает значение причинности в

наиболее чистом, неосложнённом виде, а союзы *ибо* и *потому как* являются его полными синонимами, за исключением стилистической окраски. В случае с *ибо* можно отметить также такую особенность, как частое наличие вводных слов достоверности-недостоверности в предложениях с данным союзом: мы считаем это следствием того что данный союз обладает многими признаками сочинительного, а не подчинительного союза (О. Е. Пекелис в принципе относит его к числу сочинительных союзов [Пекелис, 2015]).

В случае с союзами *поскольку* и *так как* ситуация иная, потому что каждый из них обладает определёнными оттенками семантики. Это не влияет на их способность функционировать в конструкциях вывода-обоснования, но влияет на то, с какими именно вводными словами они сочетаются в составе вводно-союзной скрепы.

Рис. 3.10. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом *потому что*

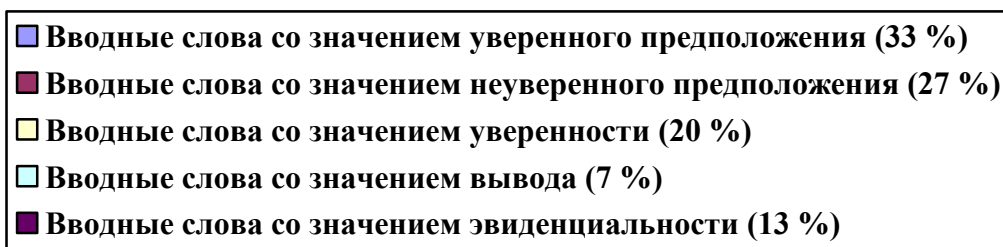
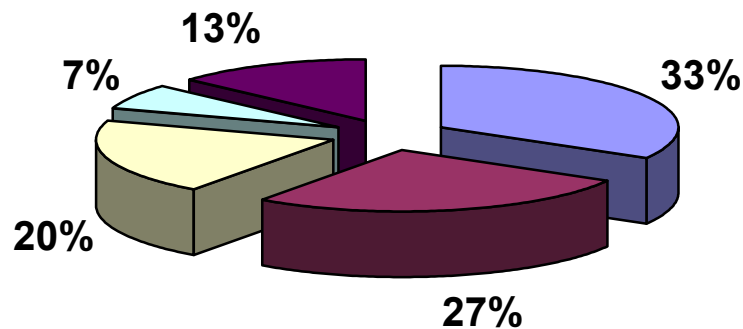

Рис. 3.11. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом *потому как*

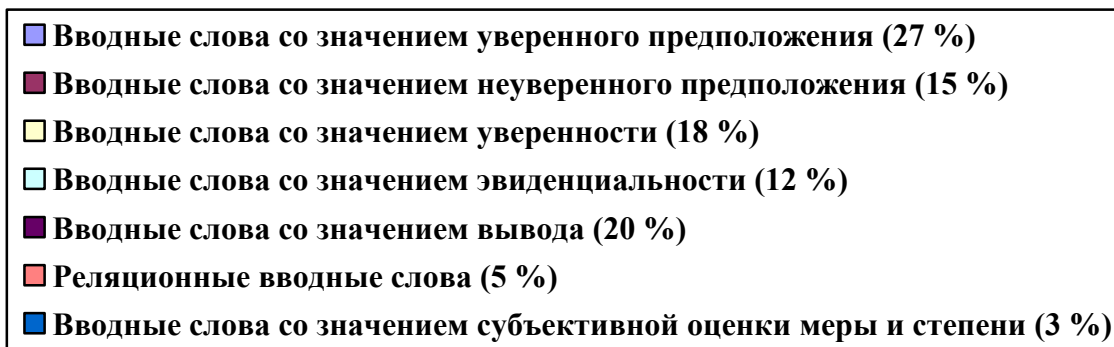
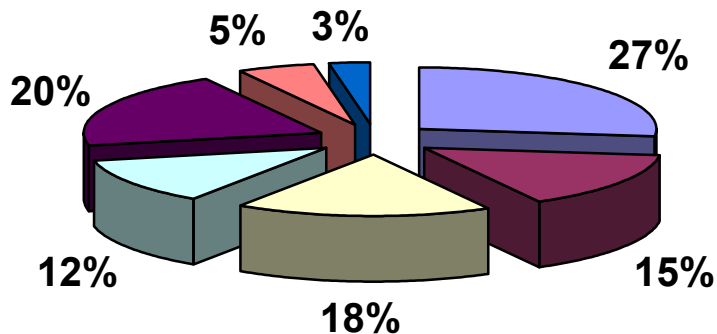

Рис. 3.12. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом *ибо*

Для союза *поскольку*, который вводит информацию, уже упоминавшуюся в тексте или известную реципиенту из других источников [Пекелис, 2015], характерно сочетание с вводными словами со значением уверенности (более 30 % примеров с вводным словом достоверности-недостоверности в выводе и союзом *поскольку* – в обосновании) (рис. 3.13).

Примеры: «Функциональное же разрешение означает "видение" зоны повышенного кровоснабжения, что, **естественно**, больше по объёму, **поскольку** затрагивает зону кровоснабжения» [Игорь Лалаянц. Детектор лжи на молекулярном уровне? Завтра, завтра... послезавтра! // «Знание -- сила», 2003]; «**Безусловно**, средства, вложенные в это отделение, обернутся экономией, **поскольку** постинфарктным пациентам требуется специальная реабилитация» [Здравоохранение: реалии дня. Отдадим долги и будем развиваться! // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.17]; «В моде всё китайское. Или хотя бы под китайское стилизованное. Что, **конечно**, забавно, **поскольку** древняя китайская поговорка гласит: "В верхнем и нижнем мире нет ничего ужаснее, чем иностранец, говорящий на языке мандарин» [Юрий Зубцов. Чем пахнет январь // «Домовой», 2002.01.04]; «Джексон даже сравнивает британские войска в Северной Ирландии и сербскую армию в Косово. Сравнение, **разумеется**, оказывается не в пользу последней, **поскольку** британцы показали большую выдержку и адекватное применение силы, что необходимо при разрешении этических и религиозных конфликтов: «Если бы югославская армия вела себя так, как британская в Северной Ирландии, никаких бомбардировок не понадобилось бы» [Сергей Татевосов. Князь тьмы в малиновом берете // «Коммерсантъ-Власть», 1999]; «Рвануть может в любой момент, и не слабее, чем в 2008-м. Что, **конечно**, крайне неприятно, **поскольку** и внутриэкономическая ситуация в стране очень сложная» [Павел Быков. Откуда придет гроза // «Эксперт», 2014]; «Следователь Баглаев попросил криминалистов побыстрее дать заключение по смывам с рук Ламзина, эксперты пошли навстречу, но и здесь ничего не получилось: на руках задержанного не обнаружили никаких следов того, что он

стрелял из огнестрельного оружия. Это, конечно, ни о чем не говорило, поскольку кожаные перчатки, как известно, отлично предохраняют кожу рук от частиц пороха и гари» [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)] и др.

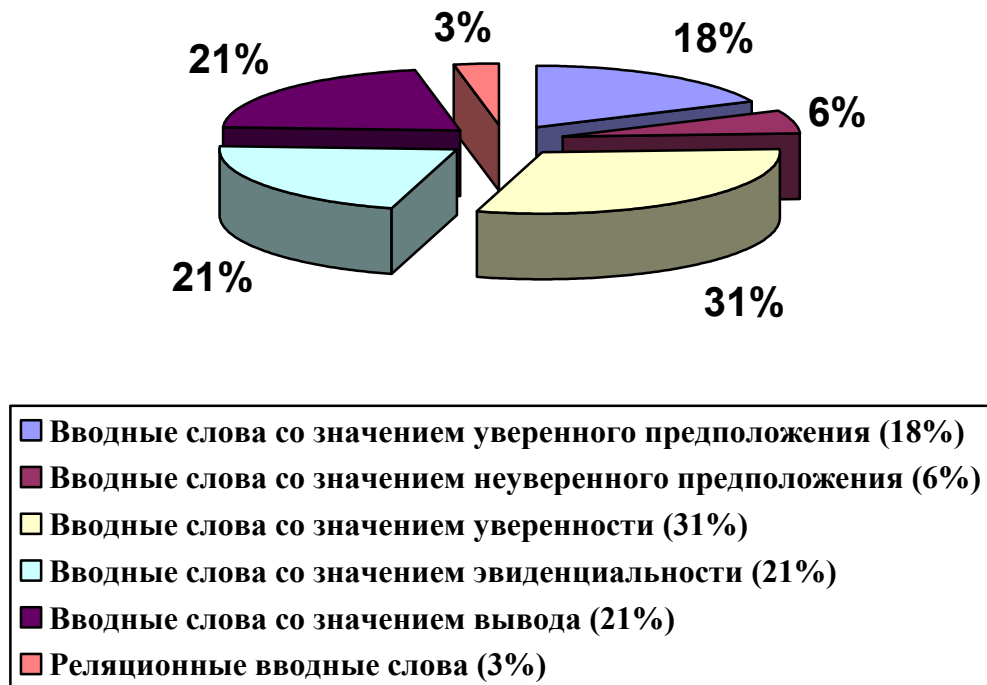

Рис. 3.13. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом *поскольку*

Союз *так как*, напротив, чаще вводит факты, которые не упоминались в контексте происходящего акта коммуникации или не известны реципиенту [Пекелис, 2015]. Это обуславливает то, что чаще всего в составе вводно-союзной скрепы этот союз сочетается с вводными словами, обозначающими неуверенное предположение (почти 50 % примеров конструкций вывода-обоснования с данным союзом и вводным словом достоверности-недостоверности в выводе) (рис. 3.14).

Примеры: «*Мне кажется, для артиста самое главное – иметь колоссальное здоровье, так как его работа — это не только талант, но и страшная борьба нервов*» [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители:

«Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15];
«И потому значительная часть банков уже сейчас должна пересмотреть свои возможности, усилить свою капитализацию, слиться с кем-то, а **возможно**, и самоликвидироваться, **так как** новая система учёта всех выведет на чистую воду» [Александр Чудодеев. Расписание на завтра // «Итоги», 2003.02.04]; «Возвращаясь к одному из ваших вопросов – о роли КС тогда и сейчас, могу сказать, что, **может быть**, тогда было бы лучше заявить, что Конституционный суд вообще не будет давать оценок и вмешиваться в ситуацию, **так как** стороны действуют не на правовом поле» [Светлана Сухова. Конституция и революция (2003) // «Итоги», 2003.03.04]; «**Возможно**, такое заявление, как это ни странно, окажет положительное влияние на кредит и инвестиции, **так как** делает их откладывание в ожидании более благоприятных условий (сильного снижения ставок) бессмысленным» [Сергей Журавлев. Вторая волна рецессии? // «Эксперт», 2015]; «На это открытие Капицы ссылок в литературе, **наверное**, не меньше, чем на его нобелевские работы по сверхтеплопроводности, **так как** эти волны значительно усиливают процесс передачи тепла, играют колоссальную роль в энергетических установках и в установках химических производств» [Ирик Имамутдинов, Владимир Накоряков. Творческий кризис кипения // «Эксперт», 2013]; «Баев был кем-то вроде мэнэеса, а я, **наверное**, лаборанткой, **так как** чашки у них теперь были чистые не только снаружи, а в железной тумбочке всегда имелись свежие булочки с маком» [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)] и др.

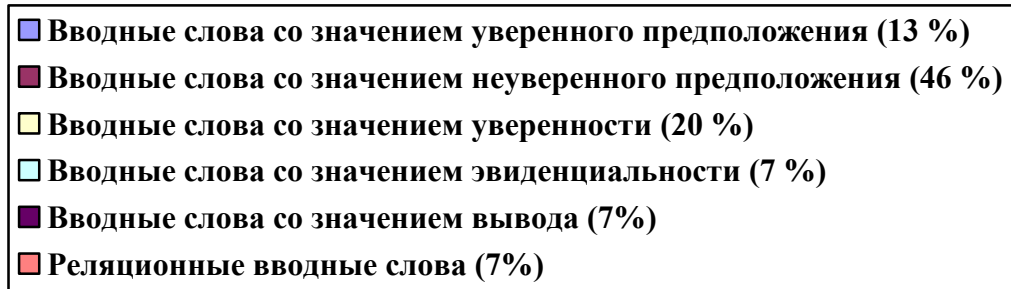
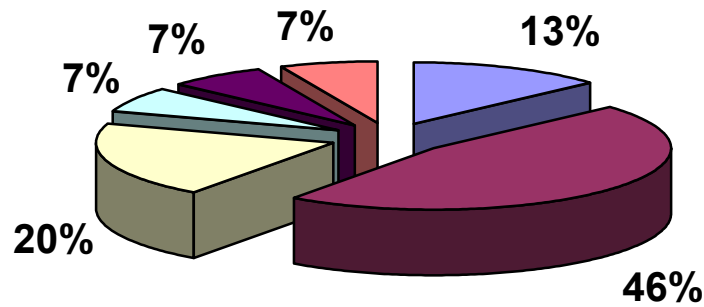

Рис. 3.14. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом *так как*

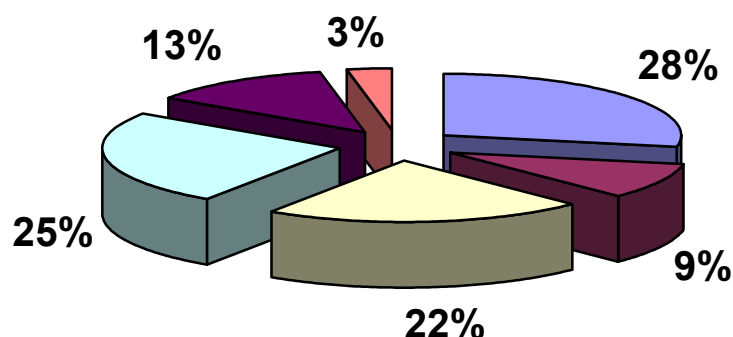
Тем не менее указанные «предпочтения» не носят категорического характера: союз *поскольку* может сочетаться с вводным словом со значением уверенного и неуверенного предположения, а союз *так как* – уверенности, просто это происходит реже. Например: «*Поскольку жизнь человеческая сложна, такая её модель тоже, наверное, годится*» [Письмо мужчины к женщине (2003)]; «*Мечта Лермонтова не повторилась. Она так и осталась недосказанной. Может быть, даже бесследной, по крайней мере, поскольку Толстой, единственный, кто бы ещё мог её понять, рано пошёл своим и совсем другим путём*» [И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)]; (вводные слова со значением неуверенного предположения); «*Видимо, на эти выборы я не пойду, поскольку тут дело чести — нужно довести работу над Социальным кодексом до конца*» [Оксана Карпова. Александр Починок:

Концепция льготного государства бессмысленна (2003) // «Время МН», 2003.07.31]; «Сокращения персонала в госсекторе, **вероятно**, пройдут, **поскольку** на нем также скажется секвестр бюджета на 10 процентов, но не столь значительные, как в частном секторе, который больше зависим от покупательной способности населения» [Кирилл Журенков, Мария Портнягина. Битва за труд // «Огонек», 2015] (вводные слова со значением уверенного предположения).

Союз-частица **ведь** в своём взаимодействии с вводными словами достоверности-недостоверности близок к союзу *поскольку*: он формирует вводно-союзную скрепу в основном с вводными словами со значением уверенного предположения и уверенности (рис. 3.15). Правомерно будет считать это вытекающим из прагматических особенностей союза-частицы, а именно – способности акцентировать логическое ударение на слове, к которому он примыкает, и на предикативной части, которую он присоединяет.

Примеры: «Поэтому предложение немецких строителей не кажется запредельным. К тому же в Нижнем, **очевидно**, цена эта будет понижее, **ведь** российские строители получают не такую хорошую зарплату, как строители в Германии, а зарплата — существенная составляющая в себестоимости строительства» [Ирина Бондаренко. Картинки с выставки // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.05.20]; «Сергей, **несомненно**, лучший блокирующий Мировой серии, — уверен Кушнарев. — **Ведь** отечественный волейбол всегда отличался мощной атакой и блоком. Выходит, мы в некоторой степени лицо Родины» [Дмитрий Кувичка. Нет больше сил смотреть на солнце. Раскрыт секрет успеха отечественных «пляжников» // «Известия», 2001.09.30]; «Но, **похоже**, Борису Ельцину придётся повременить с решением — **ведь** Русская православная церковь к

захоронению ещё не готова» [Владислав Дорофеев. Происки церкви // «Коммерсантъ-Власть», 1998]; «Я уже составил, **думаю**, её лучшие адресовать непосредственно генерал-полковнику, **ведь** всё равно пойдёт к нему на утверждение» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]; «**По всей видимости**, он не хочет создавать опасный прецедент «уличной демократии», **ведь** у населения будет еще много вопросов и требований к действующей власти» [Повесть дня // «Эксперт», 2015]; «Первый — мы будем это очень долго расследовать и, **конечно**, докажем, что нажиты богатства незаконным путем, **ведь** всегда можно найти огрехи в том, как происходила приватизации в постсоветских странах» [Нина Ильина. Барьер вторичности // «Эксперт», 2014]; «**Безусловно**, инновационная политика очень важна, **ведь** изобретателю-одиночке необходимо пройти через столько кругов ада, что без помощи профессионалов он просто не справится» [Владимир Елин. Do-Ra: девайс, спасающий жизни // «Огонек», 2013] и др.

■ Вводные слова со значением уверенного предположения (28 %)
■ Вводные слова со значением неуверенного предположения (9 %)
■ Вводные слова со значением уверенности (22 %)
■ Вводные слова со значением эвиденциальности (25 %)
■ Вводные слова со значением вывода (9%)
■ Реляционные вводные слова (3 %)

Рис. 3.15. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом-частицей *ведь*

Союз *судя по тому ..., что* – единственный из причинных союзов, которые функционируют только в конструкциях вывода-обоснования. Вместе с тем вводные слова в предложениях с данным союзом встречаются редко: 2,4 % из всех проанализированных примеров (12 из 500), из них только 5 (1 %) – вводные слова со значением достоверности-недостоверности. Примеры: «*Судя по тому, что цены в Белоруссии ниже, возможно, ее экономика недостаточно развита, в таком случае России придется делать инвестиции*» [Вы чего от союза с Белоруссией ждете? (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.26]; «*Судя по тому что у вас на лице появляются покраснения, у вас чувствительная, возможно, склонная к жирности кожа*» [Илона Никифорова. Краски лета (2002) // «Домовой», 2002.06.04]; «*Понятное дело, немецкому бауэру в голову не придет начать рабочий день со стакана инапса, но пить с утра, видимо, и для русского нездорово, судя по тому, что нашему крестьянину редко когда хватало хлеба до новины*» [Вячеслав Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002]; «*Однако сейчас Журковскому показалось, что эта война перешла в фазу активных действий. Судя по тому, что предстало перед взором Анатолия Карловича, даже, пожалуй, слишком активных*» [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]. Один пример – с эвиденциальным вводным словом: «*По-моему, у нее совсем стало плохо с головой, судя по тому, что она несет*» [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001)]. Остальные из 15 примеров с вводными словами содержат вводные слова со значением логической модальности, однако среди них нет ни одного вводного слова со значением вывода или реляционного вводного слова, т.е. единиц, маркирующих модус мнения вывода. Причину редкого присутствия вводных слов в конструкциях вывода-обоснования с союзом *судя по тому что* мы видим в том, что данный союз сам по себе

маркирует главную предикативную часть как мнение; использование вводного слова, играющего такую же роль, избыточно.

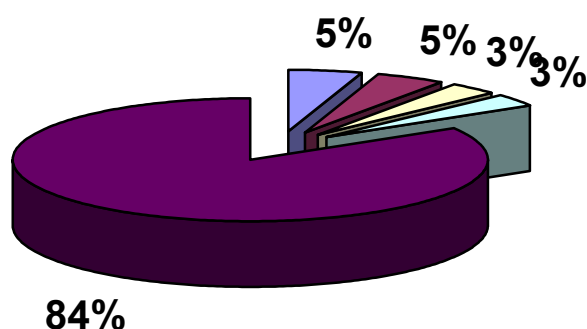
Три причинных союза соединяют в себе семантику причины и дополнительного комментария: *благо, тем более ..., что, тем паче ..., что*. Часть предложений с ними обладает признаками конструкций вывода-обоснования; однако из-за особой семантики данных союзов обоснование приобретает статус комментария, необязательного по характеру. Нельзя не отметить малочисленность вводных слов в предложениях с данными примерами: таких случаев всего лишь 2,5 %. Примеры: *«Разумеется, разобраться в этом разнообразии "тоже" - патриотов и "почти" - коммунистов рядовому избирателю будет сложно — тем более что состав "конкурирующих команд" и даже их число постоянно меняются»* [Иван Макушок. Подставные (2003) // «Советская Россия», 2003.08.16]; *«Разумеется, эти географические указания довольно неопределенны, тем более что мы совершенно не знаем, как далеко на север распространялась в отдалённом прошлом "средиземноморская" группа языковых семейств, представители которой в настоящее время удержались ещё у Бискайского залива и на Северном Кавказе»* [Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме (1938)]; *«Конечно, не все способны на финансовый аскетизм, тем более что автомобиль должен быть как минимум надежным и безопасным»* [Игорь Ермаченков. Кредит под колеса // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010, 2010]; *«Конечно, самую моченую бруснику тоже рано или поздно съедят, тем более, что идет она не только к пиву, но и в пироги, и как сложный гарнир к мясу, да и так со сметаной или сахарком улетает ходом, но все-таки лучше приготовить еще заливки и оставить ягоду на месячишко, а затем повторить эту операцию в третий раз...»* [Святослав Логинов. Маршбросок по ягодным палестинам // «Наука и жизнь», 2007]; *«Старайся*

быть счастливой, потому что жизнь одна и проходит быстро. Что ещё? **Пожалуй, хватит, тем более что** никому ничьи напутствия не нужны...» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]; «**Наверное, ей далось это нелегко, тем более, что** была она далеко не молода и сильно хромала» [П. Серова. Похожие и разные. «В начале жизни школу помню я...» // «Наука и жизнь», 2006]; «**На это, видимо, и** рассчитано проведение такого рода пресс-конференций, **тем паче, что** транслируются они на всю Россию» [Георгий Ковалев. И коротко о себе (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 2003.06.21]; «**Сие облегчение для** казны, **конечно, нужно тем паче, что** с умножением денег в государстве и перевоз соли дороже становится» [А. Н. Радищев. [Записка о податях Петербургской губернии] (1786-1788)]; «**Следовательно, нет никакого сомнения, что человек может** преодолеть естественный страх смерти, мужественно и отважно встретить самое разрушение, **тем паче что** нет совершенно надежды и никакого способа избежать оной для всякого возраста и состояния людей» [Е. Булгар, С. Платонов (перевод). Рассуждение против ужасов смерти (1805)] и др. Союзы **тем паче что** и **тем более что** преимущественно образуют вводно-союзную скрепу преимущественно с вводными словами со значением уверенности, что обусловлено их семантикой: говорящий достаточно уверен в высказанном тезисе, чтобы придавать обоснованию статус комментария. Интересно, что не найдено ни одного случая вводно-союзной скрепы с союзом *благо*; тем не менее, теоретически подобное построение возможно: «*В конце концов, супермаркет – место, где можно дать волю чувствам и совершать покупки по настроению, благо выбор позволяет*» [Владимир Ляпоров. Молодая гвардия. Искусство быстрого завоевания новых рынков сбыта (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23] – «*В конце концов, супермаркет – место, где, пожалуй, можно дать волю чувствам и совершать покупки*

по настроению, благо выбор позволяет». Причину этого мы видим в малочисленности несобственно-причинных предложений с союзом благо.

Условно-причинный союз **раз** единственный из причинных союзов образует устойчивую пару с конкретным вводным словом – *значит* (субъективно-модальное значение логической модальности, вывода): таких случаев 84 % среди проанализированных примеров (рис. 3.16). Примеры: «Стандартный аргумент тут такой: **раз** у них рейтинг небольшой, **значит**, они уже и вовсе не политическая сила» [Михаил Фишман. Переоценка голосов (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.01]; «**И раз** мне так мила оказалась эта книга, **значит**, есть в ней что-то» [Ксения Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 2002.03.04]; «**И раз** телевидение наше уделяет играм столько внимания, **значит**, пора присмотреться... и поставить диагноз» [Вадим Самодуров. Клоны, которые играют в карты (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.02.07]; «Но я промедлил первое мгновение и сразу же этим возбудил горячее любопытство, потому что, **раз** я его друг и не бросаю его защищать, **значит**, я должен сказать что-то непривычное в таких случаях, может быть, даже всю правду» [Фазиль Искандер. Мой кумир (1965-1990)]; «Думает царь, **раз** крестьянин суду помещика неподчинен, **значит**, за три года всех их перережет» [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996] и др. При этом союз **раз** может образовывать вводно-союзную скрепу и с другими вводными словами: «**Раз** у козла всё шиворот-навыворот, **стало быть**, и наказ ему нужно давать выворот-нашиворот» [Олег Тихомиров. Про козла Евдокима // «Мурзилка», 2001] (логическая модальность, значение вывода); «Ты тоже собираешься, вместо того чтобы готовить обеды, сидеть за компьютером?» – «Нет... Но **раз** уж он дома, **наверное**, стоит понять, что это за штуковина такая...» [Елена Павлова.

Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004] (субъективно-модальное значение неуверенного предположения); «Я решил было: **раз** нам теперь жить вместе до конца жизни, то, **очевидно**, нередко придётся говорить с Ниной о моих профессиональных делах, о работах, которые я буду писать, о проблемах, которые я буду себе ставить» [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний (1995)] (субъективно-модальное значение уверенного предположения); «**Значит**, на ваш взгляд, оппозиционно настроенный электорат в стране всё-таки есть, **раз** вы хотите стать его выразителем?» [Борис Немцов, Елена Трегубова. «Мы и правда не из разведки!!» // «Коммерсантъ-Власть», 2002] (помимо вводного слова *значит*, присутствует вводное сочетание слов *на ваш взгляд*, выражающее субъективно-модальное значение эвиденциальности) и др.

■	Вводные слова со значением уверенного предположения (5 %)
■	Вводные слова со значением неуверенного предположения (5 %)
■	Вводные слова со значением уверенности (3 %)
■	Вводные слова со значением эвиденциальности (3 %)
■	Вводные слова со значением вывода (84 %)

Рис. 3.16. Распределение вводных слов с различными значениями в конструкциях вывода-обоснования с союзом *раз*

Для многих союзов функционирование в конструкциях вывода-обоснования нетипично: количество примеров с ними незначительное,

иногда единичное. Даже если они соединяют части конструкции вывода-обоснования, эта конструкция, как правило, близка или относится к зоне пограничных явлений. Это союзы *из-за того ... , что, оттого ... , что, ради того ... , что; через то ... , что; по причине того ... , что; на основании того ... , что; благодаря тому ... , что*. В меньшей степени это относится к другим сложным союзам: *ввиду того ... , что; в связи с тем ... , что; в силу того ... , что; вследствие того ... , что; исходя из того ... , что; для того ... , что; затем ... , что; ради того, что*. Случаи, когда данные союзы формируют с вводным словом вводно-союзную скрепу, в принципе единичны: **«Конечно, обоим было тяжело, особенно *ввиду того, что* приходилось делить любимую Настеньку, но Грише было больнее: выбор оказался не в его пользу, и, не беря на себя права заедать чужой век, он дал жене развод и скрепя сердце приобрел взрослый и детский авиабилеты до Гамбурга»** [Владимир Рецептер. «Эта жизнь несправима...» (Записки театрального отщепенца) (2001)]; **«*Всякое иное существо, сотворённое вместо нас, столько ж бы совершенно, как мы, занимало наше место в сём мире; следовательно, мы богу были угоднее других бесчисленных веществ, им не сотворённых для того, что* он нас сотворил»** [Н. И. Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру (1777)]; **«Романские языки, *наверное, куда менее интересны в силу того, что* от латыни сохранилось дофига дофига всего, в отличие от готского, например»** [Переписка в icq между agd-ardin и Elnor (2007.11.23)]; **«*На наш взгляд, гендерная дифференциация необходима также и в силу того, что* мотивы, фиксирующие социальную ориентированность девиантных форм поведения (девиация как социальный символизм), в субкультурах юношей и девушек могут проявляться по-разному»** [Проявления девиации в подростковой субкультуре (2004) // «Вопросы психологии», 2004.06.15]; **«*От хлопот, я думаю, мы избавимся благодаря тому, что* Дэк оказался порядочным**

парнем...» [К. М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)] (пример с вводным предложением, а не вводным словом; тем не менее, данная вводная единицы выражает субъективно-модальное значение уверенного предположения); *«Безусловно, в количественном смысле к результатам исследований нормы доходности по вложениям в произведения искусства следует относиться очень осторожно, по меньшей мере из-за того, что используемые в анализе аукционные цены характеризуют только часть всего рынка и практически ни одна работа не учитывает существенных для данного рынка транзакционных издержек»* [Юрий Автономов. Взгляд на искусство через призму экономической теории. Спрос на рынке изобразительного искусства (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11]; *«Но, исходя из того, что в 1703-м Меншиков построил дом на Городовом острове, и только со следующего года — на Васильевском, то, вероятно, последний был подарен Меншикову именно в 1704 году»* [Екатерина Андреева. Где жил «полудержавный властелин»? (2007) // «Родина», 2011]; *«Ситуация там продолжает оставаться достаточно сложной, но, на мой взгляд, в связи с тем, что мировое сообщество смогло выработать единый подход к решению проблемы Афганистана, она всё-таки развивается в позитивном ключе»* [В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004] (более подробно данный пример будет рассмотрен ниже).

Как можно заметить, мы не нашли примеров вводно-союзных скреп с целым рядом союзов (*оттого ..., что, ради того ..., что; через то ..., что; по причине того ..., что; на основании того ..., что; вследствие того ..., что; затем ..., что; ради того, что*). По этой причине мы можем заключить лишь теоретическую возможность данных союзов образовывать вводно-союзную скрепу с вводными словами.

Проведём эксперимент, вставив в конструкции вывода-обоснования с данными союзами вводные слова со значением достоверности-недостоверности (разные подтипы), эвиденциальности и вывода (мы не будем использовать реляционные вводные слова и вводные слова субъективной оценки меры и степени, поскольку из связь с союзом в вводно-союзной скрепе слаба; также мы не будем использовать вводные слова достоверности-недостоверности со значением мнимости, поскольку это значение не может выражаться без поддержки контекста).

Союз *оттого ... , что*: «*Может быть, пьеса Арбузова и шире одного этого мотива, но оттого, что он, этот мотив, выделен Эфросом так крупно, так ярко, так звонко и поэтично, постановка хороша*» [Виктор Розов. Режиссер, которого я люблю (1990-2000)] – «*Может быть, пьеса Арбузова и шире одного этого мотива, но оттого, что он, этот мотив, выделен Эфросом так крупно, так ярко, так звонко и поэтично, постановка, конечно, хороша*»; «*Может быть, пьеса Арбузова и шире одного этого мотива, но оттого, что он, этот мотив, выделен Эфросом так крупно, так ярко, так звонко и поэтично, постановка, полагаем, хороша*»; «*Может быть, пьеса Арбузова и шире одного этого мотива, но оттого, что он, этот мотив, выделен Эфросом так крупно, так ярко, так звонко и поэтично, постановка, по-моему, хороша*»; «*Может быть, пьеса Арбузова и шире одного этого мотива, но оттого, что он, этот мотив, выделен Эфросом так крупно, так ярко, так звонко и поэтично, постановка, как следствие, хороша*».

Союз *ради того ... , что*: «*Дерзаю петь – это в переводе на обыкновенный язык значит: я, ничтожный и непотребный пиита, я, червь, а не человек, до такой степени возмнил о себе, что из низменности, в которой нахожусь, дерзнул обратить взоры на твое, о солнце, сияние; но ты простишь мою дерзость ради того, что цель ее –*

похвала [М. Е. Салтыков-Щедрин. Уличная философия (1868-1883)] – «Но ты, может быть, простишь мою дерзость **ради того, что** цель ее – похвала»; «Но ты, надо полагать, простишь мою дерзость **ради того, что** цель ее – похвала»; «Но ты, конечно, простишь мою дерзость **ради того, что** цель ее – похвала»; «Но ты, стало быть, простишь мою дерзость **ради того, что** цель ее – похвала».

Союз **через то ..., что**: «Мир самобытен именно **через то, что** он заключен в ничто или сотворен из ничего» [С. Н. Булгаков. Свет невечерний (1916)] – «Думаю, мир самобытен именно **через то, что** он заключен в ничто или сотворен из ничего»; «Пожалуй, мир самобытен именно **через то, что** он заключен в ничто или сотворен из ничего»; «Конечно, мир самобытен именно **через то, что** он заключен в ничто или сотворен из ничего»; «По-моему, мир самобытен именно **через то, что** он заключен в ничто или сотворен из ничего»; «Значит, мир самобытен именно **через то, что** он заключен в ничто или сотворен из ничего».

Союз **по причине того ..., что**: «И всё-таки данный обзор неполон — **по причине того, что** автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, — а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым» [протоиерей Георгий Флоровский. Христос и Его церковь. Тезисы и критические замечания (1955-1956)] – «И всё-таки, полагаем, данный обзор неполон — **по причине того, что** автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, — а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым»; «И всё-таки, по-видимому, данный обзор неполон — **по причине того, что** автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, — а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым»; «И всё-таки, бесспорно, данный обзор неполон — **по причине**

того, что автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, — а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым»; «И всё-таки, по нашему мнению, данный обзор неполон — по причине того, что автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, — а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым»; «И всё-таки, как следствие, данный обзор неполон — по причине того, что автор ограничился рассмотрением только одного мотива, одного аспекта учения о Церкви, — а проведенный в книге анализ представляется довольно беглым».

Союз на основании того ..., что: «Переход к новой социальной ситуации развития или деятельности является кризисом не по признаку внешней яркости, непредсказуемости поведения или трудновоспитуемости, а на основании того, что он характеризуется единством созидания и разрушения, непрерывности и прерывности» [К. Н. Поливанова. Становление возрастной психологии в Психологическом институте (2004) // «Вопросы психологии», 2004.04.13] – «Переход к новой социальной ситуации развития или деятельности, разумеется, является кризисом не по признаку внешней яркости, непредсказуемости поведения или трудновоспитуемости, а на основании того, что он характеризуется единством созидания и разрушения, непрерывности и прерывности»; «Переход к новой социальной ситуации развития или деятельности, пожалуй, является кризисом не по признаку внешней яркости, непредсказуемости поведения или трудновоспитуемости, а на основании того, что он характеризуется единством созидания и разрушения, непрерывности и прерывности»; «Переход к новой социальной ситуации развития или деятельности, по нашему мнению, является кризисом не по признаку внешней яркости, непредсказуемости поведения или трудновоспитуемости, а на основании того, что он

характеризуется единством созидания и разрушения, непрерывности и прерывности».

Союз **вследствие того ... , что:** «**Вследствие того, что** содержание кислорода и углекислого газа в теплом и холодном воздухе практически одинаковое, а влажность его даже меньше, то целебный эффект может обуславливаться только воздействием низкой температуры на дыхательные пути» [С. В. Рязанцев. В мире запахов и звуков (1997)] – «**Вследствие того, что** содержание кислорода и углекислого газа в теплом и холодном воздухе практически одинаковое, а влажность его даже меньше, то целебный эффект, по-видимому, может обуславливаться только воздействием низкой температуры на дыхательные пути»; «**Вследствие того, что** содержание кислорода и углекислого газа в теплом и холодном воздухе практически одинаковое, а влажность его даже меньше, то целебный эффект, по нашему мнению, может обуславливаться только воздействием низкой температуры на дыхательные пути»; «**Вследствие того, что** содержание кислорода и углекислого газа в теплом и холодном воздухе практически одинаковое, а влажность его даже меньше, то целебный эффект, возможно, может обуславливаться только воздействием низкой температуры на дыхательные пути»; «**Вследствие того, что** содержание кислорода и углекислого газа в теплом и холодном воздухе практически одинаковое, а влажность его даже меньше, то целебный эффект, получается, может обуславливаться только воздействием низкой температуры на дыхательные пути».

Союз **затем ... , что:** «Стали рассматривать, для удобства прислонив виноватого к печке, и увидели, что действительно хмелю тут не было, да и кондрашка не трогал, а был другой какой ни есть грех, **затем что** Семён Иванович и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами, в недоумении

*устанавливаясь то на того, то на другого ночным образом костюмированного зрителя» [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)] – «Стали рассматривать, для удобства прислонив виноватого к печке, и увидели, что, действительно, хмелю тут не было, да и кондрашка не трогал, а был другой какой ни есть грех, **затем что Семён Иванович** и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами, в недоумении устанавливаясь то на того, то на другого ночным образом костюмированного зрителя» (в данном случае мы не вставляем вводную единицу, а обособляем модальную частицу, преобразуя её во вводное слово; в трансформированных примерах ниже мы будем заменять эту частицу на вводное слово); «Стали рассматривать, для удобства прислонив виноватого к печке, и увидели, что, по-видимому, хмелю тут не было, да и кондрашка не трогал, а был другой какой ни есть грех, **затем что Семён Иванович** и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами, в недоумении устанавливаясь то на того, то на другого ночным образом костюмированного зрителя»; «Стали рассматривать, для удобства прислонив виноватого к печке, и увидели, что, получается, хмелю тут не было, да и кондрашка не трогал, а был другой какой ни есть грех, **затем что Семён Иванович** и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами, в недоумении устанавливаясь то на того, то на другого ночным образом костюмированного зрителя».*

Из этого можно заключить, что все союзы, способные функционировать в конструкциях вывода-обоснования, могут образовывать вводно-союзную скрепу с вводными словами, маркирующими модус мнения. Однако в случае союзов, перечисленных выше, подобное очень нетипично; маркирование главной части как мнения (или оценки, или побуждения) в конструкциях вывода-

обоснования с данными союзами осуществляется с помощью других средств (например, оценочной лексики).

Заметим, что мы не рассматривали архаичные союзы, например, *понеже, поелику, зане*, ввиду малочисленности примеров с ними, и союз *потому* – по тем же причинам.

Подытоживая всё сказанное выше, можно сказать, что анализ языкового материала позволил чётко выявить следующую закономерность: чем более значение причинности союза осложнено различными оттенками, тем реже союз функционирует в конструкциях вывода-обоснования, тем ближе эти конструкции вывода-обоснования к числу пограничных явлений, и тем реже в них присутствуют вводные слова, участвующие в образовании вводно-союзной скрепы. Причину этого феномена видим в том, что в несобственно-причинных конструкциях причинный союз вводит не собственно причину факта, приведённого в выводе, а причину умозаключения, по которой был сделан этот вывод; дополнительные же оттенки семантики связаны именно с характеристикой придаточной части как объективной причины ситуации, описанной в главной, и, таким образом, противоречат семантике несобственно-причинной конструкции.

Другой вывод, который мы сделали – для союзного и вводного компонента в составе вводно-союзной скрепы характерно дистантное расположение, особенно в случае союза, который может расчленяться запятой. Контактное расположение приводит к тому, что вводное слово начинает маркировать обоснование как мнение, из-за чего конструкция вывода-обоснования прекращает быть таковой; в случае расчленяемого союза вводное слово к тому же приводит к акцентированию местоимённого компонента союза. Тем не менее, такое происходит не всегда. См. пример, приведённый выше: *«Ситуация там продолжает оставаться достаточно сложной, но, на мой взгляд, в связи с тем,*

что мировое сообщество смогло выработать единый подход к решению проблемы Афганистана, она всё-таки развивается в позитивном ключе» [В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004]. Обоснование в данном предложении находится в препозиции, и вводное слово занимает позицию в обосновании; более того, это вводное слово имеет значение эвиденциальности – а вводные слова с данным значением склонны маркировать как мнение не только вывод, но и обоснование (см. подразд. 3.2). Тем не менее, у реципиента не возникает сомнений, что вводное сочетание слов маркирует именно вывод: предикативная часть *«мировое сообщество смогло выработать единый подход к решению проблемы Афганистана»* – факт объективной реальности, в то время как другая предикативная часть (*«она (ситуация) развивается в позитивном ключе»*) – мнение адресанта, и, следовательно, единица *на мой взгляд*, формирует модально-парентетическую связь именно с ней. Таким образом, содержание предложения выступает как внешний фактор, позволяющий вводному слову и подчинительному союзу основать вводно-союзную скрепу.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что в формировании вводно-союзной скрепы важную роль играют как внутренние, так и внешние факторы. К числу внутренних мы относим семантику самого вводного слова со значением достоверности-недостоверности и союза. К числу внешних мы относим все факторы, позволяющие сформировать модально-парентетическую связь вводного слова и главного предложения, – т. е. указать, что вводное слово маркирует модус главной предикативной части. Эту роль могут выполнять прочие, за исключением вводных слов, факторы, формирующие конструкцию вывода-обоснования, – наличие оценочной лексики, предиката в сослагательном наклонении в главной части и т. п.,

равно как и само содержание предложения, и контекст, в рамках которого оно существует. Иначе говоря, несмотря на то, что вводные слова и сочетания слов со значением достоверности-недостоверности являются одним из средств формирования конструкций вывода-обоснования, для выполнения этой роли им необходима поддержка других факторов; именно при наличии этой поддержки они превращаются в средство маркирования модуса мнения главного предложения и таким образом формирует вводно-союзную скрепу с союзом.

3.5. Выводы по третьей главе

1. Вводные слова, благодаря их способности маркировать модус мнения главной части сложноподчиненного предложения, играют важную роль в формировании конструкций вывода-обоснования. Это утверждение, однако, абсолютно далеко не для всех вводных слов, а только для вводных слов со значением достоверности-недостоверности, эвиденциальности, вывода и реляционных вводных слов.

2. Вводные слова со значением достоверности-недостоверности наиболее распространены в конструкциях вывода-обоснования и играют в них наиболее важную роль. Расположенные в главной части, они маркируют её как мнение, выражая таким образом модус мнения, необходимый для формирования несобственно-причинной конструкции, и выполняя союзную функцию наряду с причинным союзом. При этом вводное слово и союз не дублируют функции друг друга – вводное слово маркирует модус мнения главной части, в то время как союз присоединяет обоснование этого мнения. Вместе союз и вводное слово в конструкции вывода-обоснования формируют **вводно-союзную скрепу**.

3. Вводные слова и союзы в составе вводно-союзной скрепы не формируют устойчивых пар (единственное исключение: союз *раз* и вводное слово *значит*). Тем не менее нами установлено, что некоторые конкретные причинные союзы чаще сочетаются с вводными словами, выражающими конкретное значение из числа значений достоверности-недостоверности:

1) союз *поскольку* чаще всего формирует вводно-союзную скрепу с вводными словами с семантикой уверенности;

2) союз *так как* – с вводными словами со значением неуверенного предположения;

3) союз-частица *ведь* – с вводными словами со значением уверенного предположения и уверенности;

4) союзы *благо, тем более что, тем паче что* – с вводными словами со значением уверенности.

Это обусловлено тонкими оттенками значения союзов.

Вместе с тем, в случае употребления союзов *ибо, потому что, потому как* никаких предпочтений в сочетаемости с вводными словами не выявлено. Все остальные причинные союзы редко функционируют в рамках конструкций вывода-обоснования, или же в предложениях с данным союзом редко присутствует вводное слово с семантикой достоверности-недостоверности.

4. Вводное слово со значением достоверности-недостоверности может присутствовать в главной части собственно-причинной конструкции. В таком случае оно маркирует как мнение придаточную часть или обе части конструкции и не формирует вводно-союзную скрепу с причинным союзом. Причина такого явления – отсутствие формального выражения модально-парентетических связей в русском языке, в их основе лежит прежде всего семантика.

5. Наличие вводного слова со значением достоверности-недостоверности в обосновании маркирует это обоснование как мнение, формируя не конструкцию вывода-обоснования, а конструкцию «вывода-субъективного обоснования», которую, по нашему мнению, невозможно отнести к числу конструкций вывода-обоснования ввиду того, что обоснование там тоже маркировано модусом мнения.

6. Вводные слова, выражающие субъективно-модальное значение эвиденциальности, во многом схожи с вводными словами достоверности-недостоверности как по значению, так и по функции в конструкциях вывода-обоснования. Однако, в отличие от единиц со значением достоверности-недостоверности, они куда слабее связаны с главной частью, то есть выводом; зачастую они маркируют как мнение и главную, и придаточную часть, переводя предложение в категорию конструкций «мнения-субъективного обоснования». Разграничение случаев, когда эвиденциальные вводные слова маркируют как мнение только главную часть (и, таким образом, образуют вводно-союзную скрепу с причинным союзом), и случаев, когда они выражают модус мнения обеих частей, затруднено и нередко базируется на экстралингвистических факторах (степень известности и общепризнанности сведений, приведённых в обосновании).

7. Из числа вводных слов, выражающих логическую модальность, лишь два подвида способны формировать вводно-союзную скрепу: это вводные слова со значением вывода (*значит, следовательно, следует* и др.) и – в меньшей степени – реляционные вводные слова (*во-первых, во-вторых, в-последних, первое, второе, последние* и др.). Если вводные слова со значением вывода маркируют прямое и непосредственное заключение, то реляционные вводные слова маркируют лишь то, что приведённые факты представляют собой осмысление и упорядочивание реальной действительности. Связь между реляционным вводным словом

и причинным союзом в составе вводно-союзной скрепы весьма слабая, и значение модуса мнения должно формироваться другими факторами, кроме данных вводных слов. Среди вводных слов со значением вывода единица *значит* – единственная в русском языке, которая образует устойчивую вводно-союзную пару (с союзом *раз*).

8. Примеры конструкций вывода-обоснования с вводными словами субъективной оценки меры и степени (*по меньшей мере, по крайней мере, в той или иной степени, в значительной степени, самое большее, самое меньшее, как минимум*) крайне немногочисленны, что не позволяет сделать однозначный вывод об их роли в формировании конструкций вывода-обоснования. С высокой долей уверенности можно предполагать, что их роль сходна с таковой реляционных вводных слов: то есть вводные слова субъективной оценки меры и степени играют вспомогательную роль в формировании конструкций вывода-обоснования, и, несмотря на то, что способны формировать вводно-союзную скрепу, их связь с союзами в её рамках слаба.

9. Вводные слова со значением логической модальности, выражающие другие значения (например, указывающие на то, что информация уже упоминалась в тексте), а также имеющие контактоустанавливающее значение или значение эмоциональной оценки, могут функционировать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных предложениях. Они не оказывают никакого влияния на формирование конструкций вывода-обоснования и не формируют вводно-союзной скрепы с причинными союзами.

10. Некоторые вводные слова в принципе не способны присутствовать в конструкциях вывода-обоснования: прежде всего это вводные слова, выражающие субъективно-модальное значение обычности. Это следствие того, что их семантика противоречит семантике причинно-аргументирующих отношений. То же самое можно

сказать и про некоторые частные значения достоверности-недостоверности: предположения-догадки, сомнения и допущения. Вводные слова, имеющие указанные три значения, могут присутствовать в главной части конструкций вывода-обоснования, однако при этом меняют своё значение на значение уверенного или неуверенного предположения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый в рамках исследования анализ семантико-синтаксического взаимодействия вводных слов и союзов в конструкциях вывода-обоснования позволил нам подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что в рамках конструкции вывода-обоснования, реализованной в форме сложноподчинённого предложения, возникают особые отношения между вводным словом и подчинительным союзом: они формируют вводно-союзную скрепу. Парентетический компонент вводно-союзной скрепы представляет собой эксплицитированный модус мнения главной части, а союзный компонент присоединяет придаточную часть, в которой поясняется причина возникновения этого мнения.

Первым шагом, который мы предприняли для подтверждения гипотезы, был тщательный анализ конструкций вывода-обоснования (иное название – несобственно-причинные предложения), позволивший уточнить и расширить границы явления, очерченные предшествующими исследователями, в числе которых Н. Ю. Шведова, Е. С. Ярыгина, О. Е. Пекелис. Несмотря на наличие формальных критериев разграничения собственно-причинных и несобственно-причинных предложений (например, возможность замены главной части местоимением *это*), они не универсальны, и гарантированно работают лишь в случае конструкций с перцептивным обоснованием. В конструкциях с информативным обоснованием основным дифференцирующим критерием является маркирование главной предикативной части как мнения (частным случаем которого являются побуждение и оценка) с помощью лингвистических и экстралингвистических средств. Нередко такие средства отсутствуют внутри самого предложения, и его принадлежность к числу собственно-причинных или несобственно-

причинных возможно выяснить только с опорой на контекст или после анализа всего произведения. Как следствие, граница между двумя указанными типами причинных конструкций не является чёткой: между ними существует «сумеречная зона» – зона пограничных, промежуточных случаев. Эти конструкции могут быть истолкованы и как собственно-причинные, и как несобственно-причинные.

Анализ языкового материала с учётом перечисленных выше факторов также позволил нам расширить круг союзных средств, функционирующих в конструкциях вывода-обоснования, реализованных в форме сложноподчинённого предложения, и сделать важный вывод: практически все причинные союзы в русском языке способны соединять части несобственно-причинных предложений. Но есть и исключения: союзы *из-за того ...*, *что*, *оттого ...*, *что*, *ради того ...*, *что*; *через то ...*, *что*; *по причине того ...*, *что*; *на основании того ...*, *что* способны выражать причинно-аргументирующие отношения, но используются в этом качестве редко. Конструкции с ними часто попадают в зону пограничных явлений. Также союзы *под тем предлогом ...*, *что*, *под предлогом того ...*, *что*, *под видом того ...*, *что* обладают с особой семантикой и имеют значение мнимой причины; предложения, в которых они функционируют, нельзя отнести ни к собственно-причинным, ни к несобственно-причинным. Это третий вид причинных конструкций – конструкции со значением **мнимой причинности**. Особняком стоят союзы *благо*, *тем более ...*, *что*, *тем паче ...*, *что*, поскольку придают придаточной части семантику дополнительного, необязательного комментария, а потому даже те предложения с ними, которые обладают признаками конструкций вывода-обоснования, сдвигаются в сторону зоны пограничных случаев. Мы условно назвали их **конструкциями с обоснованием-комментарием**.

Вместе с тем, только один союз продемонстрировал способность функционировать исключительно в конструкциях вывода-обоснования, это союз *судя по тому ..., что*.

Также анализ языкового материала позволил опровергнуть другие устоявшиеся мнения, касающиеся конструкций вывода-обоснования: во-первых, установить, что расчленение союза запятой (например, *потому, что*, а не *потому что*) не влияет на его способность функционировать в несобственно-причинных конструкциях; в конструкциях с информативным обоснованием могут присутствовать как расчленённые, так и нерасчленённые версии союза. Вместе с тем нужно отметить, что большинство примеров несобственно-причинных предложений с расчленённым союзом мы находим в текстах, созданных уже в XXI веке, и это позволяет сделать вывод о том, что функционирование расчленённых союзов в конструкциях вывода-обоснования – современная тенденция. Во-вторых, были выявлены примеры конструкций с обоснованием в препозиции и выводом – в постпозиции, то есть не конструкции вывода-обоснования, а «обоснования-вывода». Каких-либо отличий семантики от конструкций вывода-обоснования не было установлено: инверсированная структура лишь позволяет поставить аргументацию, т. е. обоснование, в позицию логического ударения, придав предложению более экспрессивное, полемичное звучание.

Вторым шагом к подтверждению гипотезы был тщательный анализ парентетического компонента вводно-союзной скрепы – вводного слова или сочетания слов. Вслед за РГ-1980 мы определяем вводные слова как лексико-синтаксический класс. Для решения задач нашего исследования нами была разработана пробная генетическая классификация вводных слов, в рамках которой мы разделили вводные единицы следующие на четыре больших группы:

1) собственно вводные слова – потерявшие связь с исходными единицами;

2) квазипредикативные вводные слова – восходящие к односоставным предложениям;

3) непредикативные вводные слова – восходящие к обособленным оборотам, и те единицы, которые невозможно возвести к обособленным оборотам и предложениям;

4) вводные слова, восходящие к междометиям.

Также можно выделить «нулевую» группу: вводные слова, восходящие к двусоставным предложениям, но в русской лингвистической традиции они относятся к вводным предложениям, а не к вводным словам.

Роль вводных слов в конструкциях вывода-обоснования обусловлена их функцией: они – один из основных выразителей субъективной модальности в русском языке. В рамках работы мы использовали классификацию субъективно-модальных значений Е. Н. Ореховой (10 разрядов), дополнив её ещё одним, 11-м разрядом (вводные слова субъективной оценки меры и степени). Функция вводных слов как выразителей субъективной модальности обуславливает их особую связь с предложением: мы назвали этот вид связи **модально-парентетической**. Модально-парентетическая связь не имеет формального выражение и базируется исключительно на семантике, несмотря на то, что в случае квазипредикативных вводных слов её можно возвести к бессоюзной связи предикативных частей в составе сложного предложения.

Таким образом, проанализировав сначала союзный (1 глава), а потом парентетический (2 глава) компоненты вводно-союзной скрепы, мы смогли перейти к рассмотрению их взаимодействия. Поскольку далеко не во всех причинных предложениях вводное слово и союз

образуют вводно-союзную скрепу, и одинаковые комбинации вводного слова и союза могут функционировать как в собственно-причинных, так и в несобственно-причинных конструкциях, мы уделили основное внимание факторам формирования вводно-союзной скрепы. Среди них были выделены следующие:

1. Субъективно-модальное значение вводного слова. Не все вводные слова способны эксплицитировать модус мнения. Эту функцию могут выполнять лишь вводные слова со значением достоверности-недостоверности (подтипы – со значением уверенного и неуверенного предположения, уверенности, мнимости), эвиденциальности, а также выражающие логическую модальность вывода. В меньшей степени это относится к реляционным вводным словам и вводным словам со значением субъективной оценки меры и степени. Вводные слова с остальными значениями либо не принимают никакого участия в формировании несобственно-причинных конструкций, либо их семантика противоречит семантике конструкции вывода-обоснования (вводные слова со значением догадки, сомнения, допущения, обычности), и они в принципе не могут использоваться в её рамках.

2. Позиция вводного слова. Вводное слово должно располагаться в главной части предложения. В том случае, если оно располагается в придаточной части, оно маркирует как мнение придаточную часть и конструкция уже не может называться конструкцией вывода-обоснования. Исключением являются случаи, когда главная предикативная часть чётко маркирована как мнение посредством других средств (оценочной лексики, предиката в сослагательном наклонении, экстралингвистических факторов и др.). Тогда вводное слово может находиться в рамках придаточной части – это не будет мешать ему формировать модально-парентетическую связь с главной частью.

3. Содержание предложения и другие средства, способные маркировать главную часть как мнение. Модально-парентетические связи в русском языке не имеют формального выражения, базируясь только на семантике. Как следствие, вводное слово, присутствуя в главной части причинного предложения, может маркировать как мнение не главное, а придаточное предложение, или же обе предикативные части, и, таким образом, формирования вводно-союзной скрепы не произойдёт, а конструкцию невозможно будет отнести к конструкциям вывода-обоснования. К какой именно части предложения относится вводная единица, определяется на основе нескольких факторов, среди которых присутствуют как другие средства маркирования модуса мнения предикативной части (например, оценочная лексика или предикат в форме сослагательного наклонения), так и контекст предложения, и даже экстралингвистические факторы (точка зрения реципиента). Некоторые предложения при этом попадают в зону пограничных случаев, когда однозначное толкование невозможно. Особенно часто это происходит в случае вводных слов со значением эвиденциальности.

4. Значение союза. Анализ примеров показал, что почти все причинные союзы русского языка способны функционировать в конструкциях вывода-обоснования и образовывать вводно-союзную скрепу с вводными словами. Тем не менее, в некоторых случаях примеры такого взаимодействия единичны и это взаимодействие возможно лишь при сильной поддержке других факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Связь в таких вводно-союзных скрепах очень слаба; это распространяется на скрепы с союзом *оттого ...*, *что, благодаря тому ...*, *что*, а также сложные, комплексные союзы *ввиду того ...*, *что, по причине того ...*, *что* и тому подобные.

При этом вводные слова и союзы в русском языке не формируют устойчивых, постоянных пар. Теоретически, вводно-союзную скрепу может образовать любое вводное слово с семантикой из числа перечисленных в п. 1 и любой союз. Единственное исключение – союз *раз*, которое формирует устойчивую пару с вводным словом *значит*, но который, тем не менее, может образовывать вводно-союзные скрепы и с другими вводными словами. Остальные союзы либо имеют примерно равное распределение вводных слов с разными субъективно-модальными значениями внутри вводно-союзных скреп, которые они формируют (союзы *ибо*, *потому что*, *потому как*), либо чаще сочетаются с вводными словами с определённым субъективно-модальным значением, однако это не ограничивает их способность формировать вводно-союзные скрепы с единицами другой семантики (союзы *поскольку*, *так как*, *ведь*, *благо*, *тем более что*, *чем паче что*).

Как можно заметить, среди перечисленных факторов есть как внутренние (значение вводного слова, значение союза), так и внешние (содержание предложения, позиция вводного слова). Именно их сложное взаимодействие определяет, образуют ли вводное слово и союз вводно-союзную скрепу и можно ли истолковать причинную конструкцию как несобственно-причинную.

Несомненно, конструкции вывода-обоснования, факторы их формирования требуют более полного рассмотрения. В особенности это касается экстралингвистических и антропоцентрических факторов, которые требуют задействовать терминологический и понятийный аппарат стилистики, лингвистики текста и, возможно, литературоведения. Перспективным представляется также исследование самих вводных слов с различными субъективно-модальными значениями и средств, за счёт которых формируется их связь с той или иной предикативной частью предложения, а также анализ их роли в других специфических синтаксических конструкциях (например, несобственно-условных конструкциях).

Список литературы

1. Алексеев, А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 149 с.
2. Амосова, В. В. Вводно-модальные единицы в составе сложноподчиненного предложения : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1971. – 25 с.
3. Аникин, А. И. Основные грамматические и семантические свойства вводных слов и словосочетаний / А. И. Аникин // Русский язык в школе. – 1956. – № 4. – С. 22–27.
4. Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. – 341 с.
5. Аннушкин, В. И. Первая русская «Риторика» начала XVII века : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 152 с.
6. Антонова, В. В. Парентетические конструкции современного русского языка в лингвокультурологическом аспекте : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 18 с.
7. Апресян, В. Ю. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. – М., 2012. – URL: http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.
8. Аникин, А. И. Вводные слова и словосочетания в современном русском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1953. – 16 с.
9. Апресян, В. Ю. Союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. – М., 2011. –

URL: <http://rusgram.ru/Союз> (дата обращения: 15.08.2019) – Режим доступа: свободный.

10. Апресян, В. Ю. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. – М., 2012. – URL: http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.

11. Апресян, В. Ю. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. – М., 2012. – URL: http://rusgram.ru/Сочинительные_союзы (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.

12. Арутюнова, Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке / Н. Д. Арутюнова // Научные доклады высшей школы. Сер. Филологические науки. – 1970. – № 3. – С. 44–58.

13. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 8–42.

14. Арутюнова, Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1973. – Т. XXXII, № 1. – с. 84–89.

15. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

16. Арутюнова, Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – 278 с.

17. Арутюнова, Н. Д. Язык цели / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Модели действия. – М., 1992. – Вып. 5. – С. 14–23.
18. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.
19. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / О. С. Ахманова. – URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova> (дата обращения: 10.07.2015). – Режим доступа: свободный.
20. Бабалова, Л. Л. О семантических разновидностях причинных предложений / Л. Л. Бабалова // Русский язык в школе. – 1974. – № 1. – С. 84–89.
21. Бабенко, М. Г. Коммуникативно-прагматические функции вводных компонентов в структуре диалога : На материале современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 146 с.
22. Байдуж, Л. М. Конструкции с союзом «тем более, что» и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений : на материале современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1983. – 228 с.
23. Биренбаум, Я. Г. Пространство вводности и придаточные предложения : (Пособие по спецкурсу). – Челябинск, 1976. – 118 с.
24. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель ; Ред., вступ. статья и примеч. Р. А. Будагова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
25. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации : Когнитивный подход : автореферат дис. ... доктора филол. наук. – М., 1990. – 48 с.
26. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.

27. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
28. Беднарская, Л. Д. О различении категорий эмоциональности и экспрессивности / Л. Д. Беднарская // Рациональное и эмоциональное в русском языке : международный сборник научных трудов. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – С. 36–40.
29. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики : Из унив. чтений / В. А. Богородицкий. – 3-е изд., знач. доп. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. – 494 с.
30. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 54–61.
31. Бордович, А. М. Модальные слова в современном русском литературном языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1956. – 21 с.
32. Боскова, М. Е. Союзные функции вводных слов и вводных сочетаний слов в современном русском языке : По материалам советской худож. прозы) : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Рига, 1956. – 20 с.
33. Бунге, М. Причинность : место принципа причинности в современной науке / М. Бунге ; общ. ред. и заключительная ст. Г. С. Васецкого ; пер. с англ. И. С. Шерн-Борисовой, С. Ф. Шушурина. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2010. – 511 с.
34. Бунина, М. С. Из наблюдений над сложными причинными союзами современного русского литературного языка / М. С. Бунина // Уч. зап. МГПИ им. Потемкина. – 1957. – Т. 42. – С. 161–211.
35. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка : синтаксис / Ф. И. Буслаев. – Изд. 7-е. – М. : КомКнига, 2006. – 344 с.

36. Валгина, Н. С. Современный русский язык : учеб. для вузов / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; под ред. Н. С. Валгиной. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
37. Василенко, Л. И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 199 с.
38. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 402–421.
39. Вежбицкая, А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 251–274.
40. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] / Анна Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Рус. слов., 1996. – 411 с.
41. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике : Избр. труды / Предисл. Н. Шведовой ; АН СССР. Отд-ние литературы и яз. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
42. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса : От Ломоносова до Потебни и Фортунатова / акад. В. В. Виноградов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 400 с.
43. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Изд. 2-е. – М. : Высшая Школа, 1972. – 616 с.
44. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
45. Виноградов, В. В. О теории художественной речи : учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов / акад. В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 238 с.

46. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы : Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
47. Власов, М. С. Теоретико-экспериментальное исследование процессов порождения и восприятия «естественной» пунктуации : на материале русского и английского языков : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2008. – 24 с.
48. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф ; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. – Изд. 4-е. – М.: URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 260 с.
49. Востоков, А. Х. Сокращенная русская грамматика Александра Востокова / А. Х. Востоков. – Изд. 13-е. – СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1864. – 62 с.
50. Гак, В. Г. Синтаксис эмоции и оценок / В. Г. Гак // Функциональная семантика, оценка, экспрессивность, модальность : In memoriam Е. М. Вольф : Сборник. – М. : ИЯЗ, 1996. – 168 с
51. Галкина-Федорук, Е. М. Современный русский язык : синтаксис : учебное пособие для педагогических институтов / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2009. – 198 с.
52. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
53. Глушакова, С. О. Эволюция функционирования вводных и вставных конструкций в русских научных текстах ХУІІІ-ХХ вв. : дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1988. – 249 с.
54. Горбачева, Е. Н. Вводные высказывания в структуре текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 153 с.
55. Горшков, А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика : учебник для пед. ун-тов и гуманитарных вузов / А. И. Горшков. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 366 с.

56. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1: Фонетика и морфология / Акад. наук СССР. Ин-т русского языка ; ред. коллегия: акад. В. В. Виноградов и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 719 с.
57. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. Акад. наук СССР. Ин-т русского языка ; ред. коллегия: акад. В. В. Виноградов и др. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 702 с.
58. Греч, Н. И. Практическая грамматика русского языка / Н. И. Греч. – СПб: тип. Н. Греча, 1834. – 526 с.
59. Григоренко, М. Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 211 с.
60. Грот, Я. К. Филологические разыскания / 1, 2. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне / Я. К. Грот. – Изд. 4-е, доп., под ред. проф. Я. К. Грота. – СПб : тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1899. – 941 с.
61. Демьянков, В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения / В. З. Демьянков // Проблемы лингвистической семантики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981. – С. 115–132.
62. Дешериева, Т. И. О соотношении модальности и предикативности / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 34–45.
63. Евтюхин, В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий / В. Б. Евтюхин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 197 с.

64. Замятина, И. В. Грамматика русского причастия : монография / И. В. Замятина ; науч. ред. П. А. Лекант. – Пенза, 2009. – 264 с.
65. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – Изд. 3-е, стер. – М.: КомКнига, 2007. – 306 с.
66. Зиброва, Н. В. Сложноподчиненные предложения в аспекте понятия синтаксического поля : дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2008. – 153 с.
67. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
68. Золотова, Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8–29.
69. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоров. – М. : Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 540 с.
70. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
71. Ильенко, С. Г. Синтаксические единицы в тексте : Учеб. пособие к спецкурсу / С. Г. Ильенко; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л. : ЛГПИ, 1989. – 82 с.
72. Ильенко, С. Г. Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц / С. Г. Ильенко // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц : Межвуз. сб. науч. тр. – Л. : ЛГПИ, 1990. – С. 5–19.
73. Иоанесян, Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу выносимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия : сборник статей. – М. : Наука, 1993. – С. 89–95.
74. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.

75. Ицкович, В. А. К истории вводных слов, словосочетаний и предложений в русском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Львов, 1954. – 16 с.
76. Казаковская, В. В. Вводно-модальные слова в речи детей / В. В. Казаковская // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филол. наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24-25 ноября 2017 г.). – М. : Информ.-изд. упр. МГОУ, 2017. – с. 60–65.
77. Калнберзинь, Р. А. Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1958. – 29 с.
78. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз / О. Л. Каменская. – М.: Высш. шк., 1990. – 152 с.
79. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
80. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
81. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов / М. Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
82. Колосова, Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении / Т. А. Колосова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 47–53.

83. Колосова, Т. А. Некоторые особенности пополнения фонда скреп / Т. А. Колосова, М. И. Черемисина // Служебные слова. – Новосибирск: НГУ, 1987. – С. 11–25.
84. Колшанский, Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. — С. 94–98.
85. Комаров, А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи : К вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. – Алма-Ата : [б. и.], 1970. – 224 с.
86. Комарова, В. В. Союзы, как средство компрессии структуры предложения : на материале использования союзов каузальной семантики в разносистемных языках : дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1975. – 183 с.
87. Корнилов, А. А. Вводные элементы в русской речи : учеб. пособие / А. А. Корнилов. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 128 с.
88. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии : очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
89. Коцарь, Э. Б. Вводные слова и словосочетания, вводные предложения, вставные конструкции : Учеб.-метод. пособие для слушателей отделения повышения квалификации. – М.: [б. и.], 1966. – 32 с.
90. Критская, В. И. Знаки препинания как текстообразующие единицы : автоматизации анализа и редактирования в научном тексте : дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1991. – 225 с.

91. Кузнецова, С. М. Системно-синтаксическое описание отадъективных модусных транспозитивов на -о : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 244 с.
92. Латышева, А. Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке / А. Н. Латышева // Вестник МГУ. Филология. – М., 1982. – № 5. – С. 51–59.
93. Лашкевич, О. М. Роль вводных слов и словосочетаний в выражении модальности текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 175 с.
94. Лекант, П. А. Синтаксические категории субъекта, лица, агенса в структуре простого предложения / П. А. Лекант // Проблемы русского языкознания, лингвистический сборник. – М., 1976. – Вып. 5. – С. 123–128.
95. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / П. А. Лекант. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Высш. шк. (ВШ), 2004. – 242 с.
96. Лекант, П. А. О грамматическом статусе частиц / П. А. Лекант // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. трудов к 80-летию профессора К. В. Горшковой. – М., 2001. – С. 391–393.
97. Лекант, П. А. Очерки по грамматике русского языка / П. А. Лекант. – М.: Издательство МГОУ, 2002. – 312 с.
98. Лекант, П. А. Аналитическая часть речи «предикатив» в современном русском языке / П. А. Лекант // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка : монография / Под ред. П. А. Леканта. – М.: МГНОУ, 2011. – С. 4–14.
99. Лекант, П. А. Рациональный и эмоциональный потенциал русской грамматической системы / П. А. Лекант // Рациональное и

эмоциональное в русском языке : международный сборник научных трудов. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – С. 296–301.

100. Лекант, П. А. Строй частей в русском языке; тенденции его развития / П. А. Лекант // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филол. наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24-25 ноября 2017 г.). – М. : Информ.-изд. упр. МГОУ, 2017. – С. 10–16.

101. Летучий, А. Б. Предикатив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / А. Б. Летучий. – М., 2011. – URL: <http://rusgram.ru/Предикатив> (дата обращения: 15.08.2019) . – режим доступа: свободный.

102. Летучий, А. Б. Финитность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / А. Б. Летучий. – М., 2011. – URL: <http://rusgram.ru/Финитность> (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.

103. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 10.07.2017). – Режим доступа: свободный.

104. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7: Труды по филологии, 1739-1758 / М. В. Ломоносов; ред. В. В. Виноградов и др. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 993 с.

105. Люби, Н. Ю. Категориальная сущность синтаксической модальности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1994. – 215 с.
106. Ляпон, М. В. О значении запятой при расчленении составного союза / М. В. Ляпон // Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979. – С. 47–60.
107. Макерова, С. Р. Когнитивный механизм импликации и грамматические способы его реализации в художественном тексте / С. Р. Макерова. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2016. – 381 с.
108. Максимов, Л. Ю. Присоединение, парцелляция и текст / Л. Ю. Максимов // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 80–85.
109. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / Акад. И. И. Мещанинов ; Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1945. – 322 с.
110. Михеев, М. Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание (или чем можно испортить перформатив?) / М. Ю. Михеев // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 213–225.
111. Муковозова, Т. И. Грамматический статус модальных слов : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 204 с.
112. Нагорный, И. А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частицами / И. А. Нагорный. – Барнаул, 1998. – 130 с.
113. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1982. – 104 с.
114. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

115. Овсянико-Куликовский, Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсянико-Куликовский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 1912. – 322 с.
116. Онипенко, Н. К. Система именных каузативных синтаксем современного русского литературного языка : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 209 с.
117. Онипенко, Н. К. Глагол и глагольные категории на фоне субъектной перспективы текста / Н. К. Онипенко // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. – М., 2000. – Вып. 8. – С. 114–127.
118. Онипенко, Н. К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса / Н. К. Онипенко // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 2. — С. 107–121.
119. Онипенко, Н. К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике / Н. К. Онипенко // Русистика сегодня. – 1994. – № 3. – С. 74–83.
120. Онипенко, Н. К. О взаимодействии каузации и авторизации / Н. К. Онипенко // Казуальность и структуры рассуждений в русском языке. – М., 1993. – С. 120–127.
121. Онипенко, Н. К. Русское предложение и три параметра интерпретации текста / Н. К. Онипенко // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М., 2001. – С. 399–410.
122. Онипенко, Н. К. Функциональные возможности вводных слов и понятие иллокутивной связи / Н. К. Онипенко // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – С. 98–204.
123. Онипенко, Н. К. В защиту модуса (к вопросу о современной грамматической терминологии) / Н. К. Онипенко // Рациональное и

эмоциональное в русском языке – 2016 : сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 25-26 ноября 2016 г.). – М.: МГОУ, 2016. – С. 50–56.

124. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: монография / Е. Н. Орехова. – М. : МГОУ, 2011. – 294 с.

125. Орехова, Е. Н. О модальности эмоциональной оценки / Е. Н. Орехова // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Всероссийской научной конференции. – М.: МГОУ, 2013. – С. 136–141.

126. Орехова, Е. Н. Об эвиденциальной модальности текста / Е. Н. Орехова // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 20-21 ноября 2015 г.). – М. : МГОУ, 2015. – С. 560–562.

127. Орлова, О. Е. Безличные предложения с модальным значением нежелательности действия с безличной глагольной формой «нет» в составе главного члена / О. Е. Орлова // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Всероссийской научной конференции. – М. : МГОУ, 2013. – С. 141–144.

128. Остроумова, О. А. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений : Опыт словаря-справочника / О. А. Остроумова, О. Д. Фрамполь. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 501 с.

129. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М., 1982. – 273 с.

130. Падучева, Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 480 с.

131. Падучева, Е. В. Модальность и наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева. – М., 2014. – URL: http://rusgram.ru/pdf/1_modality_201604_finalfinal.pdf (дата обращения: 10.09.2018). – Режим доступа: свободный. – 60 с.
132. Падучева, Е. В. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации / Е. В. Падучева // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 498–515.
133. Падучева, Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – 1977. – № 8. – С. 91–124.
134. Панфилов, В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 230 с.
135. Пантелеева, Е. А. Коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в современном русском языке: автореф. дис.канд. фил. наук. – Волгоград, 2005. – 24 с.
136. Пекелис, О. Е. Иллокутивное употребление союзов. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / О. Е. Пекелис. – М., 2013. – URL: http://rusgram.ru/Иллокутивное_употребление_союзов (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.
137. Пекелис, О. Е. Подчинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / О. Е. Пекелис. – М., 2014. – URL: <http://rusgram.ru/Подчинение> (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.
138. Пекелис, О. Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах

рукописи [Электронный ресурс] / О. Е. Пекелис. – М., 2015. – URL: <http://rusgram.ru/Сочинение> (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.

139. Пекелис, О. Е. Сочинение и подчинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / О. Е. Пекелис. – М., 2015. – URL: http://rusgram.ru/Сочинение_и_подчинение (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный.

140. Пекелис, О. Е. Корреляты. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / О. Е. Пекелис. – М., 2018. – URL: http://rusgram.ru/pdf/correlative_201802_final_print.pdf (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный. – 61 с.

141. Пекелис, О. Е. Причинные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи [Электронный ресурс] / О. Е. Пекелис. – М., 2015. – URL: http://rusgram.ru/pdf/4_prichinnyje_pekelis_201610_final_sbornik.pdf (дата обращения: 15.08.2019). – Режим доступа: свободный. – 80 с.

142. Перфильева, Н. П. Метатекст в свете текстовых категорий / Н. П. Перфильева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. – 285 с.

143. Петров, А. В. Современный русский язык. Безлично-модальные предложения : учеб. пособие. – Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. – 220 с.

144. Петров, А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка : монография / А. В. Петров. – Архангельск : Поморский ун-т, 2007. – 293 с.

145. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении : Учебное пособие / А. М. Пешковский. – Изд. 8-е. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.

146. Пляскина, М. В. Модальные слова группы категорической достоверности : Структурно-семантический и функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001. – 222 с.
147. Поспелова, Е. Г. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 134 с.
148. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог / А. А. Потебня; отв. ред. И. И. Мещанинов. – М. ; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 319 с.
149. Потебня, А. А. Мысли и язык : Собр. тр. / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с.
150. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика : Сборник / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
151. Прияткина, А. Ф. Скрепа-фраза (о новой модели организаторов текста) / А. Ф. Прияткина // Русистика сегодня. – М., 2000. – С. 529–539.
152. Разлогова, Е. Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов : дис. ... доктора филол. наук. – М., 2005. – 294 с.
153. Рачук, Н. В. Функционирование вводных элементов в современном газетном тексте : дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 202 с.
154. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
155. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

156. Рудковская, М. Н. О функционировании вводно-модальных слов со значением достоверности-недостоверности в публицистических текстах / М. Н. Рудковская // Вопросы стилистики : Сб. ст. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 211 с.
157. Рыженко, К. В. Вводные слова и предложения : (Учеб.-метод. пособие по рус. яз. для учащихся заочных подготовит. курсов) / Редактор Р. В. Роговина ; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Моск. энерг. ин-т. – М., 1972. – 28 с.
158. Розенталь, Д. Э. Пунктуация и управление в русском языке: справочник для работников печати / Д. Э. Розенталь. – М.: Книга, 1988. – 543 с.
159. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
160. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
161. Руденко, А. К. Пунктуация и интонация : системная связь и условия реализации в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 206 с.
162. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974. – 24 с.
163. Самарцева, О. В. Изучение вводных слов в стилистическом аспекте с использованием информационных технологий : 8 класс : дис. ... канд. педагогических наук. – М., 2009. – 329 с.
164. Самсонов, М. Б. Сфера лица как коммуникативно-прагматическое явление / М. Б. Самсонов // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной

научной конференции (г. Москва, 20-21 ноября 2015 г.). – М. : МГОУ, 2015. – С. 55–58.

165. Седун, Е. П. Синтаксис вводных образований в современном русском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 14 с.

166. Сидоренко, Е. Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка : в 5 ч. Ч. 4: Модальные слова. Служебные части речи. Междометия. Трансформациология / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2005. – 159 с.

167. Современный русский язык : учеб. для филологических специальностей ун-тов / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Высш. школа, 1989. – 800 с.

168. Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса : монография / Г. Я. Солганик. – М.: Флинта, 2010. – 132 с.

169. Студнева, А. И. Вводные предложения в современной русской речи : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968. – 25 с.

170. Сулейменова, Э. Д. Текст: тема, денотат и смысл / Э. Д. Сулейменова // Взаимодействие грамматики и стилистики текста : Сб. науч. тр. – Алма-Ата : КазГУ, 1988. – 98 с.

171. Теория функциональной грамматики : Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – Изд. 3-е, стер. – М. : УРСС, 2003. – 347 с.

172. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.

173. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др.;

Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.

174. Теория функциональной грамматики : Субъектность. Объектность. Коммуникатив. Перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / А. В. Бондарко, В. Гладров, И. Б. Долинина и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – СПб. : Наука : С.-Петербург. отд-ние, 1992. – 303 с.

175. Теремова, Р. М. Опыт функционального описания причинных конструкций : Учеб. пособие к спецкурсу / Р. М. Теремова. – Л. : ЛГПИ, 1985. – 70 с.

176. Теремова, Р. М. Структурно-семантические и функциональные особенности несобственно причинных сложноподчиненных предложений: К проблеме взаимодействия предложения и текста // Сложное предложение и конструктивно-семантическом аспекте. – Калинин, 1984. – С. 21–28.

177. Троицкий, С. Г. О характере связи детерминантных придаточных с главной частью // Синтаксис сложного предложения. – Калинин, 1978. – С. 142–148.

178. Тюрин, П. М. Текстовые скрепы таким образом и итак в современном русском языке: особенности функционирования и семантики : монография / П. М. Тюрин ; М-во образования и науки Российской Федерации, Дальневосточный федеральный ун-т. – Владивосток : Дальневосточный федеральный ун-т, 2016. – 200 с.

179. Урмсон, Дж. О. Парентетические глаголы / Дж. О. Урмсон; пер. с англ. А. С. Чехова // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 196–216.

180. Урысон, Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания / Е. В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.

181. Фанян, Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : дис. ... доктора филол. наук. – Краснодар, 2000. – 354 с.
182. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 : (А – Д). / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1986. – 573 с.
183. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 : (Т-Ящур). / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1985. – 860 с.
184. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
185. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. – М.: Московский университет, 1968. – Т. I. Вып. III. – 284 с.
186. Хааг, Э.-О. О прагматических функциях причинных союзов в русском языке / Э.-О. Хааг // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка. – Тарту, 1999. – С. 238–244.
187. Чейф, У. Данное, контрастивность, определённость, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 11. – С. 277–317.
188. Черемисина М. И. Союз как лексическая единица языка (Лексема или функция?) / М. И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: НГУ, 1973. – С. 36–57.
189. Черткова, М. С. Модальные слова наречного происхождения в их соотношении с другими структурно-семантическими категориями в современном русском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 19 с.

190. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; Вступ. ст. Е. В. Клобукова ; Ред. и коммент. Е. С. Истриной. – Изд. 3-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
191. Шведова, Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения / Н. Ю. Шведова // «Вопросы языкознания». – 1964. – № 6. – С. 77–93.
192. Шмелёва, Т. В. Диалогичность модуса / Т. В. Шмелёва // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 147–155.
193. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.
194. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира : Модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.
195. Ярыгина, Е. С. Текстовый потенциал конструкций вывода-обоснования / Язык. Речь. Речевая деятельность : межвуз. сб. научн. тр. – Нижний Новгород, 2001. – Вып. 4. III. – С. 66–75.
196. Ярыгина, Е. С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка : монография / Е. С. Ярыгина. – М. : МГОУ, 2002. – 294 с.
197. Ярыгина, Е. С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка : дис. ... доктора филол. наук. – М., 2003. – 411 с.
198. Ярыгина, Е. С. Эмоциональный потенциал конструкций вывода-обоснования / Е. С. Ярыгина // Рациональное и эмоциональное в русском языке : международный сборник научных трудов. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – С. 506–601.

199. Ярыгина, Е. С. Средства выражения эмоциональной семантики в конструкциях вывода-обоснования/ Е. С. Ярыгина // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – С. 336–341.

200. Ярыгина, Е. С. Тире или двоеточие? / Е. С. Ярыгина // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 20-21 ноября 2015 г.). – М.: МГОУ, 2015. – С. 79–84.

201. Ярыгина, Е. С. Оценочные и интерпретационные глаголы в конструкциях вывода-обоснования / Е. С. Ярыгина // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филол. наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24-25 ноября 2017 г.). – М. : Информ.-изд. упр. МГОУ, 2017. – С. 174–177.

202. Ярыгина, Е. С. Синтаксис аргументативного дискурса : монография / Е. С. Ярыгина. – М. : Юстицинформ, 2018. – 197 с.

Список источников языкового материала

Громыко, О. М. Космобиолухи [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-libra.ru/read/248906-kosmobioluhi.html> (дата обращения: 20.07.2015). – Режим доступа: свободный.

Громыко, О. М. Космоэколухи [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-libra.ru/read/430608-kosmoekoluhi.html> (дата обращения: 20.07.2015). – Режим доступа: свободный.

Громыко, О. М. Космопсихолухи [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-libra.ru/read/542237-kosmopsiholuhi-tom-1.html> (дата обращения: 20.07.2015). – Режим доступа: свободный.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 20.07.2015). – Режим доступа: свободный.

Олди, Г. Л. Мессия очищает диск [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-libra.ru/read/316271-messiya-ochischaet-disk.html> (дата обращения: 20.07.2015). – Режим доступа: свободный.

Олди, Г. Л. Герой должен быть один [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-libra.ru/read/410667-geroy-dolzhen-byt-odin.html> (дата обращения: 20.07.2015). – Режим доступа: свободный.